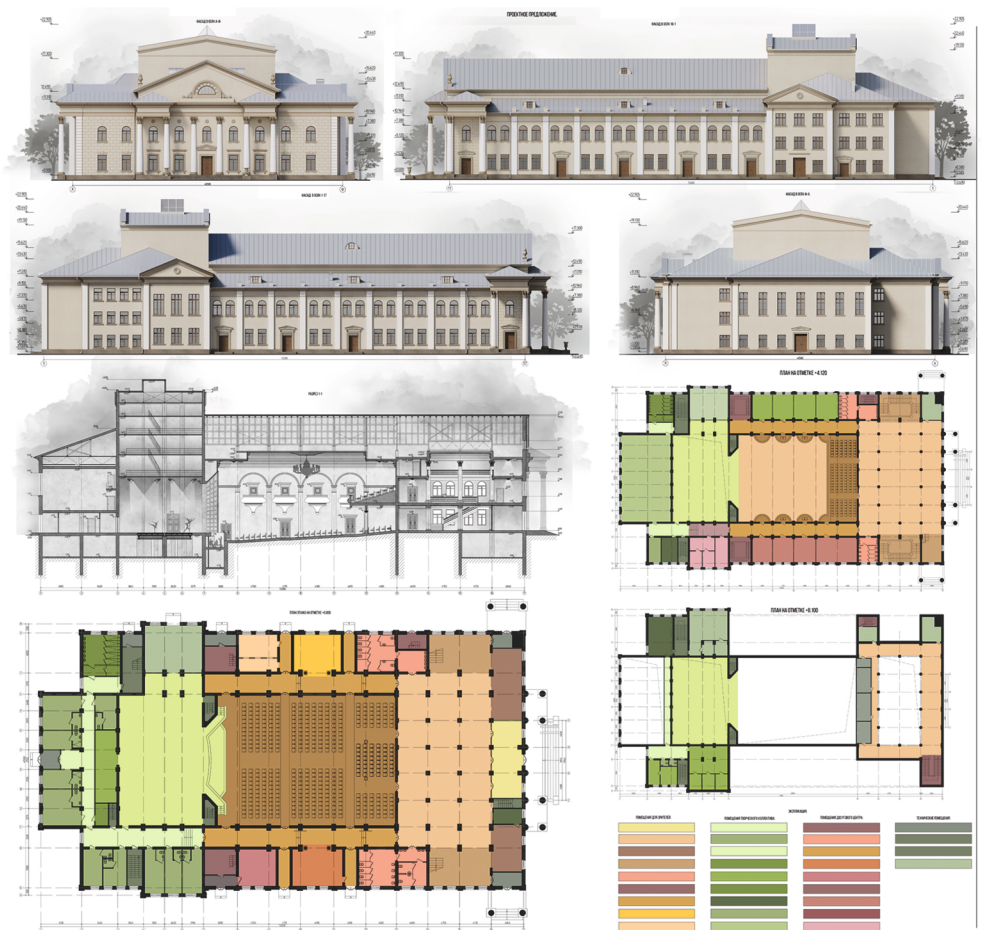

АИ

АРХИТЕКТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

03

03(39)-2024

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ
РЕСТАВРАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
АРХИТЕКТУРА ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ
ТВОРЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ АРХИТЕКТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО,
ПЛАНИРОВКА СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

ISSN 2411-4855 (print)

ISSN 2782-4640 (online)

**ФГБОУ ВО «ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**АРХИТЕКТУРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3(39)

2024

Воронеж

АРХИТЕКТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ № 3 (39) 2024

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-71182 от 27.09.2017
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Издаётся с января 2015 года

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет».

Редакционная коллегия

Енин А.Е., заслуженный архитектор РФ, канд. архитектуры, проф., ВГТУ (главный редактор); *Есаулов Г.В.*, заслуженный архитектор РФ, академик РААСН, д-р архитектуры, проф., МАРХИ; *Барсуков Е.М.*, канд. архитектуры, проф., ВГТУ; *Большаков А.Г.*, д-р архитектуры, проф., Иркутский технический университет; *Донцов Д.Г.*, д-р архитектуры, проф., Волгоградский ГАСУ; *Капустин П.В.*, канд. архитектуры, доц., ВГТУ; *Колесникова Т.Н.*, д-р архитектуры, проф., ОрелГТУ; *Грошева Т.И.*, канд. архитектуры, ВГТУ (ответственный секретарь); *Леденева Г.Л.*, канд. архитектуры, проф., ТГТУ; *Мелькумов В.Н.*, заслуженный деятель науки РФ, д-р техн. наук, проф., ВГТУ; *Метленков Н.Ф.*, д-р архитектуры, проф., МАРХИ; *Птичникова Г.А.*, д-р архитектуры, проф., Волгоградский ГАСУ; *Ракова М.В.*, директор департамента архитектуры и градостроительства Нижнего Новгорода; *Фирсова Н.В.*, канд. архитектуры, д-р геогр. наук, доц., ВГТУ; *Чесноков Г.А.*, канд. архитектуры, проф., ВГТУ; *Шубенков М.В.*, академик РААСН, д-р архитектуры, проф., МАРХИ; *Luca Zavagno*, PhD, Assistant Professor Department of Arts, Humanities and Social Sciences Faculty of Arts and Sciences Eastern Mediterranean University via Mersin10, Turkey Famagusta.

Выходит 4 раза в год.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 394006 г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84, ком. 1522. Тел./факс: +7(473)236-94-90, E-mail: af@vgasu.vrn.ru

АДРЕС УЧРЕДИТЕЛЯ И ИЗДАТЕЛЯ: 394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

СОДЕРЖАНИЕ

- ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ, РЕСТАВРАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

П.В. Капустин ОБ ОДНОЙ ПАРАДИГМЕ В ТЕОРИИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ 4

Е.С. Воронкина МОЗАИКА В АРХИТЕКТУРНОМ ОБЛИКЕ ВОРОНЕЖА КАК УНИКАЛЬНЫЙ ОБРАЗЕЦ СРЕДОВОГО ПОДХОДА..... 16

О.В. Кривцова, В.Г. Чесноков ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ ВОРОНЕЖСКОГО АВИАЗАВОДА КАК УНИКАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ КЛУБНОЙ АРХИТЕКТУРЫ 25

А.Е. Барсукова ФОРМИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО АНСАМБЛЯ ПЛОЩАДИ ЧЕРНЯХОВСКОГО И УЛИЦЫ МИРА В ВОРОНЕЖЕ 35

Д.А. Корнилова, А.М. Переславцев, В.И. Кучерявых ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ СКУЛЬПТУРЫ 42

- ЗДАНИЯ И СООРУЖЕНИЯ, ТВОРЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ АРХИТЕКТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.В. Кокорина, А.Е. Орлова КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РАЗРАБОТКА ОРАНЖЕРЕЙНОГО КОМПЛЕКСА НА ОСНОВЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА 50

Н.В. Семенова, К.Э. Иванов, В.С. Ревякина АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНЫЕ ПРИЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВНУТРЕННИХ ПРОСТРАНСТВ ПРИ РЕВИТАЛИЗАЦИИ БЫВШИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ 66

Е.В. Кокорина, В.Р. Сомова КОНЦЕПЦИЯ КРИПТО-КЛИМАТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ДЛЯ МАТЕРИКОВОЙ АРКТИКИ 73

- ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО, ПЛАНИРОВКА СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Д.В. Азарова, Г.М. Величко, Е.И. Гурьева ВЛИЯНИЕ МАСТЕР-ПЛАНА НА РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ Г. РОССОШЬ) 81

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ, РЕСТАВРАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 72.03:13:005

ОБ ОДНОЙ ПАРАДИГМЕ В ТЕОРИИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ

П.В. Капустин

Капустин П.В. канд. арх., зав. кафедрой теории и практики архитектурного проектирования, ВГТУ, Воронеж, Россия, тел.: 8 (473) 271-54-21, e-mail: ap-i-g@yandex.ru

Постановка задачи. Объектом статьи является сложный клубок различных идей и исследовательских подходов, окружающий представление о проектировании и проектном стиле мышления в последние полвека. На фоне ярко выраженной проблемности и концептуальной открытости фундаментальных исследований и разработок в сфере проектирования обращает на себя внимание парадигма т.н. "дизайн-мышления", претендующая на технологичность, методическую завершённость и практическую эффективность. Критическому анализу содержания, места и роли этой парадигмы в эволюции проектирования (прежде всего - архитектурного), посвящена настоящая статья.

Результаты и выводы. Проведен критический анализ квазипарадигмы, т.н. "дизайн-мышления", осуществлено различие её с исследованиями проектного мышления в нескольких теоретико-методологических традициях. Показана концептуальная вторичность "дизайн-мышления" в отношении ведущих традиций исследования проектирования и разработок его новых возможностей, указаны основные направления заимствования из этих традиций, отмечен коммерческий характер заимствований, их неправомерная и скороспелая технологизация.

Ключевые слова: проектирование, "дизайн-мышление", движение "рационализации" архитектурного проектирования, традиции архитектуры и проектные новации, редукция проектного мышления, гигиена архитектурного сознания.

Введение

В сложном переплетении многих научных и практических традиций, линий эволюции исследований, методического и консалтингового дискурса, конкурирующих интересов и споров различной интенсивности, окружающий представление о проектировании и проектном стиле мышления существуют весьма различные идеи и установки, часть из которых имеет откровенно паразитарный характер. Так, в этом противоречивом движении различных сил и интенций есть несколько заметных "идейных сгустков" или организованностей, претендующих на состоятельность и эффективность (чаще всего - вопреки проблемности общей атмосферы указанного движения). Средоточием таких именно организованностей, достаточно интенсивно "стягивающим на себя" внимание и ресурсы, всё более заметно выступает парадигма т.н. "дизайн-мышления". Рассмотрим происхождение этой идеологии, формирование её содержания, а также место и роль её в эволюции проектирования (прежде всего - архитектурного).

Исследования проектного мышления

В отличие от истории архитектурной деятельности, история изучения самой деятельности крайне молода: первая насчитывает тысячелетия, а вторая чуть более полвека. Разумеется, теоретические и квазитеоретические описания архитектуры известны довольно давно - с пресловутого трактата Витрувия и трактатов Ренессанса, однако все эти трактаты, равно как и множество иных, более ранних и более поздних форм осмысления архитектуры носили характер описаний известных памятников, обзоров доступных ноу-хау, рецептов и "советов бывалых", в лучшем случае - авторских интерпретаций должного в актуальной им практике. Для выхода на анализ деятельности и её методов средств очень долго не существовало (что справедливо и в отношении иных человеческих занятий) [1]. Парадигма деятельности как отдельного объекта исследования начинает формироваться лишь в середине XX столетия, а параллельно, и в тесной связи с ней, - новые (непсихологические)

©Капустин П.В., 2024

представления о мышлении. Идея деятельности как собирательной, охватывающей реальности любых процессов и явлений, объектов и замыслов стратегии исследования, становится центральной для школ методологии XX века, прежде всего - отечественной (Московский методологический кружок (ММК), системомыследеятельностная методология (СМД) под руководством Г.П. Щедровицкого), а также зарубежной - различных вариаций Activity Theory, теории принятия решений, "наук об искусственном" Г. Саймона, праксеологии Т. Котарбиньского и др. Одним из приоритетных объектов деятельностного исследования мышления закономерно становится проектирование, точнее - проектный тип мышления, сформировавшийся в почти самостоятельную культурную и практическую действительность как раз к этому времени.

Проектирование как особый тип мышления и деятельности к концу XX в. становится чрезвычайно популярно как в профессиональных сферах, так и вне их. Вершина проектного энтузиазма - 1950-70 гг., эпоха т.н. "тотального дизайна", когда, на фоне головокружительных успехов научно-технического прогресса возникает вера в преобразовательную силу проектных методов. Разновидности проектирования, в т.ч. инженерное, архитектурное, дизайнерское, оргуправленческое и др., практически не различались между собой, становятся предметом исследования и теоретических построений во всех ведущих методологических традициях мира. Напротив, интерес представляло то общее, что в них содержится, а также возможности повышения эффективности и универсальности этого общего. Будучи сопричастно успехам науки и техники, проектирование, не без оснований считалось тогда, обладает огромным гуманитарным и интеллектуальным потенциалом, способным, в т.ч. и подкорректировать перегибы научно-технического прогресса, кризис которого уже начал ощущаться на Западе к концу 1960 гг.; появляется то, что Томас Мальдонадо назвал "надеждой на проектирование" [2]. Проектирование в это время представляется универсальным средством решения любых проблем, оно проникает в самые различные области человеческих занятий, прежде всего - в стратегическое планирование, управление, бизнес, маркетинг и пр. Оно способствует формированию новых видов деятельности и активной трансформации известных видов, в т.ч. и тех, которые ранее обходились без проектных методов [прим. 1]. Не составляет исключения и архитектура, - её традиционные методы замещаются "рационально-проектными" (хотя процесс этот начался уже с 1920-х годов, если не считать влияния новоевропейской науки с XVIII в. [3, 4]).

В рамках методологических и теоретических разработок формируются отличающиеся друг от друга парадигмы проектного мышления. Формируясь в различных интеллектуальных, культурных и деловых контекстах, они оказываются ориентированы на различные типы задач - от построения новой онтологической картины, до прикладного применения в специализированных областях. При общей для методологического движения установке на практичность разработок, степень готовности их к непосредственному использованию в режиме "поваренной книги" (по словам Дж. Кр. Джонса [5]), различна: к последнему тяготеют плоды англоязычной теории проектирования, прежде всего - теории принятия решений (Solution Theory). (Мы специально писали о необходимости различения проектирования и принятия решений, о неудовлетворительности Solution Theory в статье, значимой и для темы настоящего текста [6].) Но особенно отличилась на данном направлении технология т.н. "дизайн-мышления", критике которой посвящена настоящая статья.

Проектное мышление versus архитектурные традиции

Архитектура с её глубинной историей изначально рассматривалась в методологическом движении как носительница богатого опыта организации созидательной деятельности, а в рамках построения понятия проектирования - как источник первичной проектности [7]. При этом, в СМД-методологии существует весьма снисходительное отношение ко всякому специальному и "предметному" проектированию, в т.ч. архитектурному. Отчасти - это

отголосок эпохи "тотального дизайна", но во многом и взгляд сверху вниз: с позиций продвинутой и фундированной методологии на "ползучую эмпирию" то ли практики, то ли поэзиса (по Платону). Известно, что, в архитектурной профессии (по меньшей мере - в части её) существует столь же пренебрежительное отношение к методологической традиции, да и к теории в целом, даже и "своей", то есть оформившейся вполне в границах "цеха", а не привносимой извне (как это имеет место с методологией проектирования и в отечественной, и в англоязычной традициях). Однако это тоже отголоски прошлого - древнего опыта деятельности, обладающего высокоразвитым умением, чего веками было более чем достаточно для высокого социального статуса архитекторов. Позиции критического знания и самоанализа там были не в чести. В результате богатейшая архитектурная эмпирия формировалась "исторически случайно", под влиянием текущих заказов, моды, множества иных факторов, но не на базе хорошо отрефлектированных методов и сформулированных принципов. Нужны ли архитектуре и в наше время указанные методы и принципы в точной форме знания, а также возможны ли они вообще - вопрос другой (по нашему убеждению, не нужны и невозможны). Но факт налицо: эмпирия архитектурной деятельности теоретико-методологического осмысления и должного критического анализа так и не получила. Редкие исключения - работы энтузиастов, каждый из которых, на поверку, оказывается представителем не только, и часто не столько повседневной эмпирии архитектурно-строительного производства, сколько всё того же методологического сообщества или родственного ему самоопределения. Оттого и аргументы в "серьёзности практического опыта" здесь перестают работать: опыт до сих пор довольно плохо осмыслен, практическим не описан (должным образом) и не переведён в действенные теоретические и практико-методические формы (пресловутая "типология зданий и сооружений" не может считаться таковой - ни генетически, ни эпистемологически [8-10]). Это обстоятельство, однако, не мешает профессии плохо усваивать методологические разработки, что нередко объясняется исторически затянувшейся у нас эпохой ремесла и крайне затруднённого формирования собственной *профессиональной* формы организации деятельности. По замечанию В.Л. Глазычева, методология "хорошо прочищает мозги", но для практического действия требуются всё же специализированные методы и средства.

В результате длительных усилий СМД-методологии, несмотря на чрезвычайно активное участие в ней дипломированных архитекторов, пришлось признать, что с архитектурой у методологии почти ничего не получилось (устное замечание Г.П. Щедровицкого). Получилось ли у других? "Надежда на проектирование", по суждению самого Т. Мальдонадо, так и не оправдалась. Построение "тотального", т.е. всеобщего, универсального и свободного от профессиональных или "объектных" (типологических) ограничений проектирования не состоялось. Равно как не состоялось построение "сферы" проектирования, не случилось его автономизации и обособления от всех прочих практик. Отечественная методология после этого ушла в политику, управление и бизнес; западная также существенно снизила уровень притязаний [прим. 2] и занялась "партикулярными" методами и приёмами т.н. "протокольного анализа" любых движений сознания проектировщика [11-13], окончательно вернувшись на рельсы психологии (или её подобия), находя свое предназначение в методических рекомендациях для образования, организованного соответствующим технологическим образом.

Необходимо отметить важнейший момент, кардинально значимый для темы нашей статьи: уже в 1990-2000 годы формируется новый устойчивый тренд на восстановление ценностей традиционной архитектуры. Ценности, приданные забвению в период проектно-методологического энтузиазма и его несбывшихся надежд, предстают, аки Феникс, вновь живыми (по крайней мере, в интенции), желанными и остро популярными. В эти годы формируется серьёзное, лишённое недавней постмодернистской иронии и недомолвок, обращение к "вечной" архитектурной классике, охватившее все развитые страны, включая Россию. Память места, локальная идентичность, адаптивная среда и т.п. идеи становятся в центр профессионального внимания [14-16]. Одновременно восстанавливаются в правах

забытые, казалось навсегда, теоретические, даже философические темы существования архитектуры в мире, во времени, в социальном пространстве; получает развитие тема автономности и суверенности архитектуры и архитектурного сознания, уже по-новому и жёстко различного с мышлением проектным [прим. 3] [17-19]. Эти новые тренды крайне трудно счесть сугубо методологическими: их основания совсем другие, место их до сих пор не вполне осознанно и не прописано в научных трудах. Тем более что чрезвычайно непросто и контекст их формирования, - достаточно напомнить об идее городской среды, с которой указанная линия развития морфологически не пересекается, хотя идеологически и резонирует [20, 21].

Проектное мышление versus "дизайн-мышление"

А теперь зададимся вопросом: как способна возникнуть, на что должна опираться, что должна собою представлять коммерческая редукция всего выше описанного? Или, говоря грубо, но прямым текстом, - как выглядит интеллектуальная "халтура" по поводу всего вышеупомянутого? Что из вышеупомянутого, можно (и легче всего) продать на рынке методик и рекомендаций, - а такой рынок к концу XX века вполне сформировали консалтинговые услуги и коучинг в области управления, организации бизнеса и т.п.

Ответом на такие вопросы является феномен так называемого "дизайн-мышления".

Термин не должен вводить в заблуждение: всякие отсылки к работам в области исследований и разработок по проблематике design thinking нельзя считать снятыми и сколь-либо развёрнутыми в парадигме "дизайн-мышления". Да и "парадигмой" последнюю можно назвать лишь, разумеется, в ироническом ключе, имея в виду её коммерческую успешность и деловую хватку, если не сказать нахрапистость. Беззастенчиво используя (в т.ч. иногда даже и со ссылками) тексты разработок, центрированных на журнал "Design Studies" (печатный орган "Design Research Society"), прежде всего - принципы из области Solution Theory и т.п. интеллектуальных традиций (которые сами по себе довольно проблематичны и уж точно не могут быть признаны истинами в последней инстанции (см., например, [17]), эта квазипарадигма начала с того, что позиционировала себя на рынке консалтинговых и коуч-услуг. Но аппетиты растут, и сегодня ареал распространения технологий "дизайн-мышления" становится угрожающе велик.

Речь именно о технологии - т.е. канонизированном ноу-хау, введённом в стандарт и норму для исполнителей, разделяющих тот скудный (но активно продвигаемый) набор постулатов, надёрганных из различных линий эволюции проектности второй половины XX века (ср. с богатейшим представлением этого ресурса у О.И. Генисаретского [22]).

Достаточно вслушаться в такие формулировки: "Дизайн-мышление (англ. design thinking) - методология решения инженерных, деловых и прочих задач, основывающаяся на творческом, а не аналитическом подходе. Главной особенностью дизайн-мышления, в отличие от аналитического мышления, является не критический анализ, а творческий процесс, в котором порой самые неожиданные идеи ведут к лучшему решению проблемы", - гласит Википедия, известная своей одиозностью. *Все высказанные в приведенной цитате утверждения ложны.* В самом деле: "дизайн-мышление" не имеет никакого права отождествлять с традицией исследования design thinking: являясь его сильной редукцией, данная "парадигма" лишь паразитирует на различных линиях эволюции Design Thinking Research (увы, такие сетевые переводчики, как Google Translate давно заражены ложной идеологией и не принимают (надолго) поправки на осмысленную и фундированную терминологию). Все дизайн-мышление уже давно не имеет права именоваться методологией, поскольку давно утратило, по меньшей мере, два базовых методологических качества: распремечивание и проблематизацию. "Дизайн-мышление" давно служит специализированным и сколь угодно предметным областям. Технологией "решения задач" т.н. "дизайн-мышление" является лишь постольку, поскольку всякая формулировка "решения" способна претендовать на снятие "задачи", т.е. лишь в силу нашей испорченности [6]. Различение технологий "дизайн-мышления" и аналитических методов - это и вовсе

анекдот из круга весьма плоских: оторваться от аналитики западное мышление неспособно тотально. "Понимающие науки", феноменологический подход и пр. изыски остаются в области досужих развлечений рассудочного разума, но когда речь доходит до "настоящего дела" (по М. Витрувию), - всё ставится на рельсы (или "козлы" - Gestell, уже по М. Хайдеггеру), прагматичного и массового функционирования, где всякой неаналитической романтике места уже не остаётся. Наконец, формулировка о "лучшем решении проблемы" и путях её достижения - с головой выдаёт аналитический, рассудочный (в т.ч. связанный с пресловутым "сравнением вариантов") метод работы, в котором нет места ничему неформализуемому. Et cetera.

Стоит сказать, что англоязычная теория проектирования достаточно давно свела всякие изыскания в области thinking in designing к термину "design thinking", что отражает как редуционистский стиль принятых там исследований, так и языковую специфику, плохо отвечающую задачам анализа интенциональностей и других тонкостей мыслительных процессов. Термин "design thinking" утвердился, по меньшей мере, после хрестоматийных исследований Брюса Арчера и его группы, где получил типологический смысл обозначения т.н. "третьей культуры" (т.е. не гуманитарной и не естественнонаучной) [23]. Этот терминологический коллапс, наряду с универсалистскими установками в утверждении "проектной культуры" сыграл дурную шутку, он не позволяет сегодня развернуться рефлексии и альтернативным поискам, хотя это, в целом, не наши проблемы. И всё же, в отличие от здоровой линии исследований проектирования в англоязычной традиции, - линии, более-менее открытой для проблематизации, рефлексии, критики и самокритики, - её рыночная версия не отличается указанными доблестями. В ней уже "нет проблем", нет нерешённых вопросов и нет сомнений (т.е. всего, свойственного живой, не технологизированной мысли). Напротив, преобладают рецепты и методические инструкции, - увы, на них столь падки неокрепшие умы молодых проектировщиков.

Квазипарадигма "дизайн-мышления" зародилась в 1990-х годах (имея несколько более давние корни) на Западе, была активно внедряема в российское интеллектуальное пространство, прежде всего - в структуры бизнеса, бизнес-образования, коучинга в этих сферах. Парадигма изначально была нацелена на упрощённый подход, эксплуатирующий редуцированную версию разработок зарубежной, прежде всего англоязычной теории проектирования. Несмотря на относительную популярность "дизайн-мышления" на Западе в 1990-2000 гг., её основным назначением являлось (и является донныне) внедрение в постсоветских странах. Центральный мотив такого внедрения - заявляемая эффективность якобы передовых технологий, которые следует осваивать "третьим странам", усваивающим для себя впервые механизмы бизнеса, предпринимательства, рыночной экономики et cetera. Доступность формулировок этой парадигмы, а также принятые в них упрощения на таком фоне выглядели как достоинство. Наряду с печально известным "Экономиксом", квазипарадигма "дизайн-мышления" (далее ДМ) назначалась средством "несения света" в сумеречные страны и регионы, и, разумеется, курировались известными организациями (центральный проводник ДМ - Стэнфордский университет, связи которого со спецслужбами США не составляют тайны).

О "тройских стратегиях" в проектном образовании и управленческом консалтинге

Тем самым, ДМ, как и пресловутый "Экономикс", сегодня можно уверенно причислять к т.н. "тройским стратегиям" в образовании и консалтинге - стратегиями, целенаправленно закладывающим интеллектуальное и концептуальное отставание "обучаемых" от действительно актуальных идей и парадигм.

Концептуальный ряд ДМ представляет собой одну из частных, методологически необязательных и вполне исторически "случайных" редуциций от широкого потока исследований и разработок англоязычной теории проектирования (см. журнал "Design Studies" за всю его полувековую историю). К началу 2000-х годов в рамках начавшейся к

тому времени развлекаться русскоязычной линией "дизайн-мышления", появляется множество переводов с английского, в которых беззастенчиво используются опосредованные отсылки "второй свежести" (если не "третьей") - видимость традиции состоялась. И появляется опасная уверенность, что на этой "основе" можно создавать методики, научные статьи и диссертации [24-26].

Однако данная редукция оказалась коммерчески эффективной, - но лишь в области бизнеса, маркетинга, консалтинга и широко распространившихся услуг по деловому и управленческому обучению. Коммерческая эффективность, заметим, вовсе не оправдывает изначально зауженный концептуальный склад технологии ДМ, по сути представляющий собой технологизированную (алгоритмизированную) методику осуществления квазипроектных действий. Последнее справедливо как для всей схематики ДМ, так и для отдельных её элементов. На богатейшем материале разнообразных разработок по техникам и "технологиям" проектирования во всём мире к концу XX в. подобные методики оказались возможным легко создавать массово, без всяких интеллектуальных затрат; что и случилось.

Сказанное хорошо видно, например, на печальном примере скороспешной (если не сказать скоропалительной) "профессионализации" управленческого консалтинга в постсоветской России. Разумеется, здесь мы опять имеем дело с квазипрофессионализацией, поскольку выстраиванием соответствующих категории данной профессии культурно-исторических институтов никто не озаботился, не говоря уже о соответствующей концептуальной работе [27]. Результат налицо. В области (так и не ставшей *сферой деятельности*, т.е. так и не снявшей сколь-либо значимый опыт проектности) сегодня преобладают манипуляции и откровенно популистские слоганы, вроде такого, якобы призванного завлечь заинтересованных пользователей: "Узнайте, почему культура, искусство и творчество - недооцененный актив для бизнеса!" (из просторов Интернета). Вот, в самом деле, узнайте... Только у нас и за немалые деньги узнайте (при том, что авторы слогана, что очевидно уже по самой его форме, ни к культуре, ни к творчеству, ни к искусству ни малейшего отношения не имеют). Печальна история сия.

Так, большие сомнения вызывает этап методики ДМ по имени "Эмпатия", которому последнее время апологеты ДМ уделяют внимание [26]. Верное слово "эмпатия", за которым действительно стоят многие надежды на гуманизацию проектирования, на т.н. "феноменологический поворот" в нём, не должно вводить в заблуждение. Оно не имеет отношения ни к античным движениям мысли и чувства, ни к актуальным. Здесь это - очень сильно упрощённая и недопустимо формализованная вариация стратегии соучаствующего проектирования. Последнего сегодня известно несколько моделей и схем, но почти все они сохраняют гуманистический потенциал, плодотворно в наши дни сказывающийся на развитии проектной и, что особенно важно, архитектурной деятельности, а также и образования. Собственно, в сфере архитектурно проектирования, в его критической рефлексии со стороны профессионалов, а также в критической социальной рецепции родилось соучаствующее (партиципативное) проектирование. Безоглядная эксплуатация таких идей, как и многих иных, присвоение их без понимания причин и смысла их возникновения, - генеральная стратегия парадигмы "дизайн-мышления", позволившая ей выглядеть как что-то стоящее в эпоху перемен, в период известного упадка теоретико-методологических исследований, особенно в странах СНГ (1990-е - начало 2000-х гг.).

Инфицирование архитектурного сознания

В этой связи наибольшее возражение вызывает продвигаемый авторами отечественной ДМ-версии взгляд со стороны ДМ на архитектурное проектирование как на что-то отсталое и консервативное; на то, что можно с помощью ассимиляции идей ДМ привести к гораздо более развитым состояниям [26]. Это не столько ошибочная точка зрения (ведь проектирование методологически не "стерильно", оно способно многое обратить себе в пользу), сколько пагубная и потенциально разрушительная идеология, особенно в области образования. Отметим здесь: уже само по себе насыщение традиционной архитектурной

деятельности различными формами автономизирующей проектности, происходившее, по меньшей мере, с XV столетия, до сих пор представляет собою непростую историко-методологическую проблему, решение которой всё ещё неочевидно [3, 28, 29]. Но, по крайней мере, это-то было более или менее "естественное" выращивание архитектурно-проектного метода, занявшее века эволюции деятельности. Здесь же нам предлагают трансформацию сложившегося архитектурного проектирования по лекалам рассудочного и в высокой степени парциального "препарата" из теорий 1950-70-х годов, - "препарата", сгенерированного пару десятилетий назад в определённой конъюнктурной обстановке и предназначенного для совсем иных задач. Порочность такой установки, повторим, особенно в области архитектурного образования, нельзя недооценивать.

При всей своей генетической средствально-инструментальной незавершенности, архитектурная идеология имеет одно неоспоримое качество: она опирается на тысячелетнюю историю. Опыт многих веков превалирует в ней. Сегодня, в отличие от выпендрочно-энтузиастических идефиксов 1950-70 годов (а в нашей стране - и до 1990-х), сие обстоятельство не является недостатком, но, напротив, выступает фундаментальным преимуществом. И, напротив, жизненный цикл идей в высшей степени определённых и точно сформулированных (а это и есть интеллектуальная мода 1960-70-х), оказывается до обидного недолог. Последнее суждение, увы, справедливо и для многих идей и предложений в области проектности, - её скоропалительные формулировки довольно быстро обнаруживают как свои границы, так и сиюминутный интерес тех, кто эти границы столь тенденциозно провёл.

В области ДМ, особенно в его российской вариации (англоязычная, в отличие от неё, ещё помнит как своё происхождение, так и историю проблематизации, с которой ей пришлось столкнуться), на сегодня присутствует немалое количество заблуждений, ошибок, ложных отождествлений, а то и откровенных подтасовок. К таковым нельзя не отнести известные, если не сказать одиозные, тезисы, в частности следующие (мы, проявляя корректность, не даём здесь ссылок на источники, однако они легко обнаружимы заинтересованным поиском на просторах сети Интернет):

- "Дизайн-мышление – это метод создания продуктов и услуг, ориентированных на человека". В рамках формально-рационалистических процедур выйти на "человека" не представляется возможным. Тот факт, что ДМ интенсивно присваивает себе некоторые технологии соучастия, отнюдь не делает эту парадигму социально-экологически ориентированной (ср. [20]).
- "Дизайн-мышление представляет собой новое...", - что бы ни последовало далее в спецификации этого "нового", всё представляет собою ложное утверждение. Ибо в ДМ нет компонентов новизны (в рамках более-менее методологически компетентного взгляда, разумеется). Прямое введение в заблуждение здесь направлено на коммерческую составляющую маркетинга ДМ, увы, довольно агрессивного уже сегодня.
- "Процесс архитектурного проектирования по умолчанию близок и сродни этой методике, ведь дизайн-мышление появилось на стыке творческого и инженерного подходов к проектированию. К сожалению, присутствие архитекторов в обсуждениях и применении дизайн-мышления на практике остается минимальным". Лживость этого утверждения воистину иезуитская. Опора на исконную архитектурную проектность в разработках как отечественной, так и зарубежной методологии проектирования известна. Но известна она, скорее, печальным результатом "неснятия", о котором мы упомянули выше. Индульгировать к этому опыту сегодня - верх цинизма. Или же - результат тотальной неосведомлённости. А уж участие архитекторов в продвижении куда как более развитой методологии и до наших дней остаётся беспрецедентным; с ним может сравниться лишь участие их же (наряду с психологами, географами, социологами и др.) в пресловутом "средовом подходе", но даже и там - в более

скромных масштабах (если не принимать в расчёт последовавшую историю редукции парадигмы "городская среда" и поглощения её обыденным профессиональным сознанием (см. об этом: [21])).

- "Архитекторы могли бы использовать дизайн-мышление, чтобы изменить или усовершенствовать архитектурную деятельность, которая сталкивается с проблемами и запросами современности", - здесь перед нами вполне обычный тезис (архаический по своей сути, хотя он и старается выглядеть "инновационным") времён Design Methods Movement, когда пришедшее из традиции (пусть бы и недавней) рассматривалось как отсталое и не соответствующее "запросам современности" (сформулировать которые в должной степени концептуальности никто до сих пор так и не удосужился).
- "Современные архитекторы только начинают использовать дизайн-мышление на всех этапах проектирования, в основном для создания общественных пространств и социальных объектов". О чём это? О том, что некоторые архитекторы, травмированные плоской технологией ДИ в силу слабой интеллектуальной гигиены в содержании ОПОП и РП некоторых дисциплин архитектурного образования в некоторых высших школах, начинают предпочитать простые и методически прописанные процедурные действия живой и полнокровной проектности архитектуры. Заметим: ссылка на определённую "типологию объектов" здесь характерна и неизбежна (ср. с [17]).

Перечень "заблуждений" ДМ можно продолжать, увы, и далее. Это именно в кавычках "заблуждения", поскольку они не есть искренние ошибки, но сознательные (или полусознательные - в сочинениях второго и третьего "поколений" авторов, пишущих в рамках ДМ) подлоги, совершаемые регулярно и неизбежно во имя сохранения целостности и "стройности" однажды принятой квазипарадигмы.

Заключение

В настоящее время растёт критическое отношение к парадигме ДМ, в том числе и Стэнфордском университете. Эйфория ушла, приходит отрезвление и проблематизация. На этом фоне, продолжение попыток пропаганды ДМ представляется по меньшей мере неактуальным.

Сказанное позволяет утверждать: значимое для апологетов ДМ суждение о его антропоцентричности и даже гуманизме представляется ложным, намеренно вводящим в заблуждение. Впрочем, в сравнении с некоторыми агрессивными стратегиями бизнеса вне ДМ, это суждение могло бы выглядеть правдоподобно, но ведь речь идёт о сравнении ДМ и архитектурного проектирования, а в последнем сегодня известны значительно более развитые и гуманистические техники действия.

На освоение существенно более полноценных и "здоровых" методик и техник архитектурного и дизайнерского проектного мышления, известных к настоящему времени, а тем более потенциально ждущих своего развёртывания, необходимо направлять всю энергию отечественной научной и педагогической мысли. Да, они не столь технологизированы, как ДМ, их освоение не может пока ограничиться прямым методическим усвоением и процедурой научения. Однако они свободны от узости и догматизма, обладают потенциалом действительного развития проектного мышления и деятельности в аспектах гуманистического, культуросообразного и социально-ориентированного развёртывания.

Примечания:

1. "Проектирование... представало как автономная и чрезвычайно эффективная сфера деятельности, обещавшая решение многих проблем и открывавшая заманчивые перспективы, так как давала новый тип интеллектуальной деятельности. В духе романтического культа бесконечных возможностей творчества, проектирование

мыслилось как тотальная, всепроникающая сила будущих столетий" - писал уже в 1991 году А.Г. Раппапорт об этом периоде [30, с. 20].

2. Стоит напомнить: уровень притязаний англоязычной теории и методологии проектирования изначально был весьма высок. Начиная с оформления ведущих сообществ исследователей проектирования в начале 1960-х гг. ("Design Research Society" - в Великобритании и "Design Methods Group" - в США) основной задачей считалась разработка новых и эффективных проектных методов, способных вытеснить методы традиционные [5], то есть намечалась всеобщая перестройка видов деятельности. Вся идеология "Движения за методы проектирования (Design Methods Movement) изначально была универсалистской и "тотальной", т.е. рассматривающей профессиональные особенности применения проектирования как исторические рудименты. Уже Р.Б. Фуллер, первый идеолог "тотального дизайна", утверждал, что совершенное проектирование отменяет все остальные интеллектуальные стратегии, в т.ч. политику и военное дело. Что уж говорить о тотальном переустройстве всего окружающего предметно-пространственного мира - эта идея, авангардистская по генезису, владела умами едва ли не на протяжении всего XX века, и только к его концу сменилась на экологически ориентированные идеи, вроде т.н. "устойчивого развития" и т.п.
3. Взаимоотношения архитектуры и проектирования всегда были осложнёнными взаимным недоверием и отягощенными амбициями обеих сторон. Но, если в период проектно-методологического энтузиазма могли появляться тексты вроде знаменитой статьи А.Г. Раппапорта "Теория архитектуры и теория проектирования" (1978 г.) [31], в которой утверждалось (и не без основания!), что все теории архитектуры построены на прототипах, а сегодня нужна теория непрототипического действия, то в 1990-2000-е гг. проектная центрация теории начинает выглядеть чем-то... мало привлекательным. Гораздо интереснее стало базироваться на извечных традициях и при этом постоянно помнить о принципиальной ограниченности новоевропейского рационалистического проектирования.

Библиографический список

1. Глазычев В.Л. Эволюция творчества в архитектуре. - М.: Стройиздат, 1986. - 496 с. См. также: http://www.glazychev.ru/books/evolut_tvorchestva/evolut_tvorchestva_01.htm (дата обращения 10.08.2024).
2. Maldonado T. La speranza progettuale. - Torino, 1970. - 145 p.
3. Капустин, П. В. Новоевропейская наука в эволюции проектного моделирования: предмет знания как модель объекта / П. В. Капустин // Научный журнал строительства и архитектуры. - 2023. - № 3 (71). - С. 123-136. - DOI 10.36622/VSTU.2023.3.71.013.
4. Капустин П.В. Аналитика и моделирование в генезисе архитектурного проектирования эпохи рационализма // Известия высших учебных заведений. Строительство. – 2020. - №9. - С. 108 - 117. Режим доступа: <http://izvuzstr.sibstrin.ru/uploads/publications/da1a41b8ca1cc8d0bee922b78713042054e7e519.pdf> - DOI: 10.32683/0536-1052-2020-741-9-108-117 (дата обращения 10.08.2024).
5. Джонс Дж. Кр. Методы проектирования. М.: Мир, 1986. – 326 с.
6. Капустин П.В. Проектирование и принятие решений // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: ВГТУ. - 2021. - № 3 (27). - С. 13 - 19.
7. Никитин В. А. Архитектура и методология // Вопросы методологии. - 1991. - № 1. - С. 38 - 43. См., также: https://www.kentavr.mathedu.ru/text/voprosy_metodologii_1991_1/p1/ (дата обращения 10.08.2024).
8. Капустин П.В. Композиция и типология в эволюции архитектурного проектирования XX века // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: Воронежский ГАСУ. - 2016. - № 3 (7). - С. 15 - 23.

9. Капустин П.В. К вопросу о происхождении функциональной типологии в архитектуре // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: ВГТУ. - 2016. - № 4 (8). - С. 25 - 36.
10. Капустин П.В. Функция и власть: формирование функционализма в сфере политического. [Электронный ресурс] / П.В. Капустин // Архитектон: известия вузов. – 2017. – №3(59). – Режим доступа: http://archvuz.ru/2017_3/2/ (дата обращения 10.08.2024).
11. Акин О. Психология архитектурного проектирования. - М.: Стройиздат, 1996. - 208 с.
12. Gero J., McNeill T. An Approach to the Analysis of Design Protocols // Design Studies. - Vol. 19. - № 1. - 1998. - pp 21 - 62.
13. Goldschmidt G. Linkography. Unfolding the Design Process. - The MIT Press, 2014. - 216 p.
14. Капустин П.В. Миметический дизайн // Архитектура и строительство России. - 2017. - № 4 (224). - С. 114 - 115.
15. Капустин П., Асташов Д. Борисоглебск. Идентичность малого города // Проект Байкал. Журнал по архитектуре, дизайну и градостроительству. - № 65. - 2020. - С. 44 - 49.
16. Капустин П.В. Ценностная ориентация в проектной культуре // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: ВГТУ. - 2020. - № 2 (22). - С. 38 - 43.
17. Капустин П.В. Проектное мышление и архитектурное сознание. Критическое введение в онтологию и феноменологию архитектурного проектирования (монография). – Saarbrucken, Germany: Lambert Academic Publishing, 2012. – 252 с.
18. Раппапорт А.Г. Об интеллектуальном суверенитете архитектуры // Архитектура и культура. М-лы Всесоюзной науч. конфер. ВНИИТАГ. - М.: ВНИИТАГ, 1990. – 2 т. - Т. 1. - С. 43 - 48. См. также: http://papardes.blogspot.ru/search?q=суверенитете#!/2009/10/blog-post_7989.html
19. Раппапорт А.Г. Автономия и смысл архитектуры // Башня и лабиринт. Блог А.Г. Раппапорта. – URL: <http://papardes.blogspot.com/2012/08/blog-post.html> (дата обращения 10.08.2024).
20. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. - М.: Наука, 1984. – 179 с. См. также: http://www.glazychev.ru/books/soc_ecolog/soc_ecolog.htm (дата обращения 10.08.2024).
21. Капустин П.В. Среда versus архитектура: коллизия профессионального самосознания // Архитектура и строительство России. - 2021. - № 2 (238). - С. 15 - 20.
22. Генисаретский О.И. Философия проектности: из истории проектной культуры второй половины XX века. - М.: URSS, 2015. - 399 с.
23. Archer V. 'Design as a Discipline' // Design Studies. - Vol 1. - No 1, July 1979, - pp 17-20.
24. Храмова Е. Дизайн-мышление и его роль в формировании инновационной экономики. - М.: МШУ Сколково, 2011. - С. 105 - 116.
25. Богомолова И.С. Генерация идей в архитектурном проектировании с использованием инструментов дизайн-мышления // Архитектон: известия вузов. – 2023. – №4 (84). – URL: http://archvuz.ru/2023_4/22/
26. Богомолова И.С. Процесс взаимодействия архитектурного проектирования и дизайн-мышления на примере этапа "Эмпатия" // Научный журнал строительства и архитектуры. - 2024. - № 2 (74). - С. 129 - 137.
27. Капустин П.В. Организационное консультирование как пространство трансляции проектной культуры // Организационное консультирование как ресурс развития общества, государства, политики и бизнеса. М-лы научно-практич. конфер. - М.: Российское Психологическое общество, 1995. - С. 129-132.
28. Капустин П.В. Проектная модель как средство мышления в архитектурной практике и теории Ренессанса // Научный журнал строительства и архитектуры. - 2021. - № 4 (64). - С. 146-158. - DOI: 10.36622/VSTU.2021.64.4.014.
29. Капустин П.В. Эволюция проектного моделирования в эпоху Просвещения: знаки как репрезентации вещей // Научный журнал строительства и архитектуры. - 2022. - № 4 (68). - С. 121-133. - DOI: 10.36622/VSTU.2022.68.4.011.

30. Раппапорт А.Г. Границы проектирования // Вопросы методологии. – 1991. - № 1. - С. 19 - 38. См. также часть статьи в: Башня и лабиринт. Блог А.Г. Раппапорта – URL: http://papardes.blogspot.ru/2009/08/blog-post_5458.html (дата обращения 10.08.2024).
31. Раппапорт А.Г. Теория архитектуры и теория проектирования // Зодчество 2 (21). - М.: Стройиздат, 1978. - С. 34 - 38.

Bibliography list

1. Glazychev V.L. The Evolution of Creativity in Architecture. - Moscow: Stroyizdat, 1986. - 496 p. See also: http://www.glazychev.ru/books/evolut_tvorchestva/evolut_tvorchestva_01.htm (date accessed 10.08.2024).
2. Maldonado T. La speranza progettuale. - Torino, 1970. - 145 p.
3. Kapustin P.V. New European science in the evolution of project modeling: the subject of knowledge as an object model // Scientific Journal of Building Construction and Architecture. - 2023. - No. 3 (71). - pp 123 - 136. - DOI 10.36622/VSTU.2023.3.71.013.
4. Kapustin P.V. Analytics and modeling in the genesis of architectural design of the era of rationalism // News of Higher Educational Institutions. Construction. - 2020. - No. 9. - pp 108 - 117. - DOI: 10.32683/0536-1052-2020-741-9-108-117 (date accessed 10.08.2024).
5. Jones J.C. Design Methods. Seeds of Human Futures. - Moscow: Mir, 1986. - 326 p.
6. Kapustin P.V. Design Thinking and Decision Making // Architectural Studies. Science Magazine. - Voronezh: VSTU. - 2021. - № 3 (27). - pp 13-19.
7. Nikitin V.A. Architecture and Methodology // Problems of Methodology. - 1991. - № 1. - pp 38 - 43. See also: https://www.kentavr.mathedu.ru/text/voprosy_metodologii_1991_1/p1/ (date accessed 10.08.2024).
8. Kapustin P.V. Composition and Typology in the Evolution of Architectural Designing of XX century // Architectural Studies. Science Magazine. - Voronezh: Voronezh State Un. of ACE. - 2016. - № 3 (7). - pp 15 - 23.
9. Kapustin P.V. On the Origin of Functional Typology in Architecture // Architectural Studies. Science Magazine. - Voronezh: Voronezh State Un. of ACE. - 2016. - № 4 (8). - pp 25 - 36.
10. Kapustin P.V. Function and Power: the formation of functionalism in the political sphere // Architecton: Proceedings of Higher Education. - 2017. - No. 3 (59) [Electronic resource]. - Access mode: https://archvuz.ru/2017_3/2/ (date accessed 10.08.2024).
11. Akin O. Psychology of Architectural Design. - Moscow: Stroyizdat, 1996. - 208 p.
12. Gero J., McNeill T. An Approach to the Analysis of Design Protocols // Design Studies. - Vol. 19. - № 1. - 1998. - pp 21 - 62.
13. Goldschmidt G. Linkography. Unfolding the Design Process. - The MIT Press, 2014. - 216 p.
14. Kapustin P.V. Mimetic design // Architecture and Construction of Russia. - 2017. - No. 4 (224). - pp 114 - 115.
15. Kapustin P., Astashov D. Borisoglebsk. Identity of a small town // Project Baikal. Journal of architecture, design and urban planning. - No. 65. - 2020. - pp 44 - 49.
16. Kapustin P.V. Value Orientation in Culture of Designing // Architectural Studies. Science Magazine. - Voronezh: VSTU. - 2020. - № 2 (22). - pp 38 - 43.
17. Kapustin P.V. Design Thinking and Architectural Consciousness. Critical introduction to Ontology and Phenomenology of Architectural Designing (monograph). - Saarbrücken, Germany: Lambert Academic Publishing, 2012. - 252 p.
18. Rappaport A.G. On the intellectual sovereignty of architecture // Architecture and Culture. Proc. of the All-Union Scientific Conference. - Moscow: VNIITAG (All-Union Research Institute of Theory of Architecture and Urban Planning), 1990. - 2 v. - V. 1. - pp 43 - 48. See also: http://papardes.blogspot.ru/search?q=сувенителей#!/2009/10/blog-post_7989.html
19. Rappaport A.G. Autonomy and the meaning of architecture // The Tower and the Labyrinth. Blog of A.G. Rappaport. – URL: <http://papardes.blogspot.com/2012/08/blog-post.html> (date accessed 10.08.2024).

20. Glazychev V.L. Socio-Ecological Interpretation of the Urban Environment. - Moscow: Nauka, 1984. – 179 p. See also: http://www.glazychev.ru/books/soc_ ecolog / soc_ ecolog.htm (date accessed 10.08.2024).
21. Kapustin P.V. Environment versus architecture: a collision of professional self-awareness // Architecture and Construction of Russia. - 2021. - No. 2 (238). - pp 15 - 20.
22. Genisaretsky O.I. Philosophy of designess: from the history of design culture of the second half of the 20th century. - Moscow: URSS, 2015. - 399 p.
23. Archer B. 'Design as a Discipline' // Design Studies. - Vol 1. - No 1, July 1979, - pp 17-20.
24. Khramkova E. Design-thinking and its role in the formation of an innovative economy. - Moscow: Skolkovo Moscow School of Management, 2011. - pp 105 - 116.
25. Bogomolova I.S. Generation of ideas in architectural design using design-thinking tools // Architecton: Proceedings of Higher Education. - 2023. - No. 4 (84). - URL: http://archvuz.ru/2023_4/22/
26. Bogomolova I.S. The process of interaction between architectural design and design-thinking on the example of the "Empathy" stage // Scientific Journal of Building Construction and Architecture. - 2024. - No. 2 (74). - pp 129 - 137.
27. Kapustin P.V. Organizational consulting as a space for broadcasting project culture // Organizational consulting as a resource for the development of society, state, politics and business. Proc. scientific-practical. conference. - Moscow: Russian Psychological Society, 1995. - pp 129-132.
28. Kapustin P.V. Design Model as a Means of Thinking in Architectural Practice and Theory of Renaissance // Scientific Journal of Building Construction and Architecture. - 2021. - No. 4 (64). - pp 146 - 158.
29. Kapustin P.V. Evolution of project modeling in the age of Enlightenment: signs as representations of things // Scientific Journal of Construction and Architecture. - 2022. - № 4 (68). - pp 121-133. - DOI: 10.36622/VSTU.2022.68.4.011.
30. Rappaport A.G. Boundaries of Designing // Problems of Methodology. - 1991. - No. 1. - pp 19 - 38. See also part of the article in: The Tower and the Labyrinth. Blog of A.G. Rappaport – URL: http://papardes.blogspot.ru/2009/08/blog-post_5458.html (date accessed 10.08.2024).
31. Rappaport A.G. Theory of Architecture and Theory of Designing // Zodchestvo (Architecture) 2 (21). - Moscow: Stroyizdat, 1978. - pp 34 - 38.

ABOUT ONE PARADIGM IN DESIGN THEORY

P.V. Kapustin

Kapustin P.V. Ph.D in Architecture, Head of Dept. of Theory and Practice of Architectural Designing, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia, ph. 8 (473) 271-54-21 e-mail: ap-i-g@yandex.ru

Background. The object of the article is a complex tangle of various ideas and research approaches surrounding the concept of designing and the design style of thinking in the last half century. Against the background of the pronounced problematic and conceptual openness of fundamental research and development in the field of designing, attention is drawn to the paradigm of the so-called "design-thinking", which claims to be technological, methodologically complete and practical effective. The present article is devoted to a critical analysis of the content, place and role of this paradigm in the evolution of designing (primarily architectural designing).

Results and conclusions. A critical analysis of the quasi-paradigm of the so-called "design-thinking" is carried out, its distinction is made from the studies of thinking in designing in several theoretical and methodological traditions. The conceptual secondary nature of "design-thinking" is shown in relation to the leading traditions of design research and development of its new capabilities, the main directions of borrowing from these traditions are indicated, the commercial nature of borrowings, their illegal and hasty technologization are noted.

Keywords: designing, "design-thinking", the movement of "rationalization" of architectural design, architectural traditions and design innovations, reduction of thinking in designing, hygiene of architectural consciousness.

МОЗАИКА В АРХИТЕКТУРНОМ ОБЛИКЕ ВОРОНЕЖА КАК УНИКАЛЬНЫЙ ОБРАЗЕЦ СРЕДОВОГО ПОДХОДА

Е.С. Воронкина

Воронкина Е.С., ст. преп., кафедра основ проектирования и архитектурной графики, ВГТУ, Воронеж, Россия, тел. 89529587851, e-mail: lenvot@mail.ru

Постановка задачи: Изучение использования мозаики как самого близкого к архитектуре вида монументального искусства в городском пространстве Воронежа, её влияния на формирование архитектурной среды. Рассмотрение предпосылок развития мозаики и знакомство с существующими мозаичными произведениями в нашем городе.

Результаты и выводы: Проанализирован опыт использования мозаики на примере конкретных воронежских зданий, начиная с постмодернистской архитектуры советского периода и заканчивая современными образцами применения мозаичного искусства. Также уделено внимание проблеме сохранения уцелевших образцов, как уникального и практически исчезнувшего вида искусства, и предпосылок современного развития мозаики.

Ключевые слова: мозаика, монументальное искусство, смальта, городская среда, мозаичное панно.

Введение

Мозаика является одним из видов монументального искусства, неразрывно связанного с архитектурной средой. При этом работа художника-монументалиста заключается в преобразовании пространства, в переосмыслении архитектуры путем создания акцентов, вносящих в неё новое содержание. Такое понимание роли монументального искусства в архитектуре можно считать наиболее интересным. Здесь художник и архитектор взаимодействуют не только на уровне осмысления общей концепции пространства, но и самым, что ни на есть практическим образом.

Монументальная мозаика в нашей стране имеет древние традиции, восходящие к 10 – 11 векам. Она украшала величественные соборы русских городов эпохи Киевской Руси, являясь отражением византийского влияния в связи с принятием христианства. Однако постепенно мозаичное искусство вытеснялось использованием фресок, и период её расцвета сменился забвением и полной утратой найденных секретов производства. И только в 18 веке Михаил Васильевич Ломоносов после долгих и многочисленных опытов заново открыл способы изготовления смальты разных оттенков. Во второй половине 19 века мозаичные мастерские А.А. Фролова, созданные при Академии художеств, начинают активно трудиться над переводами живописных полотен Исакиевского собора Санкт –Петербурга в мозаики.

В СССР после длительного перерыва деятельность мозаичной мастерской возобновили в 1930-х годах именно на базе Академии художеств. Впервые в советской архитектуре мозаику применили для изображения гербов СССР на фасаде Киевского вокзала в Москве. Затем она была использована при внутренней отделке мавзолея Ленина, при оформлении интерьеров станций московского метрополитена, на фасадах общественно значимых зданий. Учитывая, что техника мозаики, особенно из смальты, довольно трудоемкая, требующая немалых затрат, в крупных городах начинают возводиться смальтовые заводы, поставляющие этот достаточно дорогой материал в разные точки страны.

В 1955 году в СССР выходит постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», которое кардинально меняет курс развития архитектуры со сталинского неоклассицизма на советский модернизм. Новые требования

приводят к возникновению типового проектирования и резкому уменьшению индивидуальных авторских проектов. Насыщение всяческого рода декором в виде портиков, капителей, лепнины оказалось под запретом, но, к счастью, мозаика не попала под эти своеобразные хрущевские «санкции».

©Воронкина Е.С., 2024

Советская мозаика в архитектуре Воронежа

Архитектура Воронежа 1960-1980-х годов в полной мере отражала все характерные черты советского постмодернизма, главными из которых были функциональность и практичность. На смену сталинского неоклассицизма приходит типовое строительство, в связи с чем, архитекторы сталкиваются с проблемой создания визуально комфортной городской среды, разнообразной, интересной и запоминающейся. В связи с новыми задачами архитектуры и градостроительства возрастает роль монументально - художественного оформления, как способа разнообразить и украсить вновь возводимые сооружения. Мозаика начинает активно применяться в архитектурно-художественном оформлении по всему городу на фасадах общественных и жилых зданий, на остановках, в интерьерах. Тематика мозаичных панно отражала важные исторические события, научные достижения советской эпохи, стремления людей того времени, простые человеческие ценности, воспевала подвиги героев различных эпох.

Создание мозаик требовало привлечения профессиональных художников-монументалистов, а дорогостоящую стеклянную смальту, как самый популярный материал, и трудоемкий процесс, занимающий иногда несколько месяцев, оплачивали крупные воронежские заводы. Один из них – это КБХ самый богатый завод в Воронеже, оплативший в свое время создание большого количества произведений монументального искусства. К сожалению до нашего времени «дожили» далеко не все мозаичные полотна, но то, что мы можем увидеть сейчас представляет огромный интерес не только с профессиональной точки зрения, но и для простого обывателя, мало разбирающегося в искусстве.

Одна из самых известных мозаик нашего города украшает интерьер кинотеатра «Пролетарий», находящегося в самом центре и по праву считающегося визитной карточкой Воронежа. Панно «Прометей, несущий огонь людям» создано известным советским и российским художником Е.М. Аблиным, автором крупнейших в СССР мозаичных панно, мастером абстрактных форм в архитектуре общественных зданий. Панно из смальты было смонтировано в 1968 году в новой остекленной круглой пристройке, возведенной после реконструкции основного здания кинотеатра (рис.1).

Рис. 1. Панно в кинотеатре «Пролетарий»: а) фото 1970-х годов; б) фото 2022 г. [4]

С какой ответственностью и профессионализмом художники подходили к работе можно убедиться на примере целого ряда эскизов к данной мозаике (рис. 2, 3). В них наглядно прослеживается творческий поиск автора через применение различных концепций образного и цветового решения от первоначальной идеи до итогового варианта.

Рис. 2. Эскиз первоначального варианта панно. Картон, темпера. 712x980 [4]

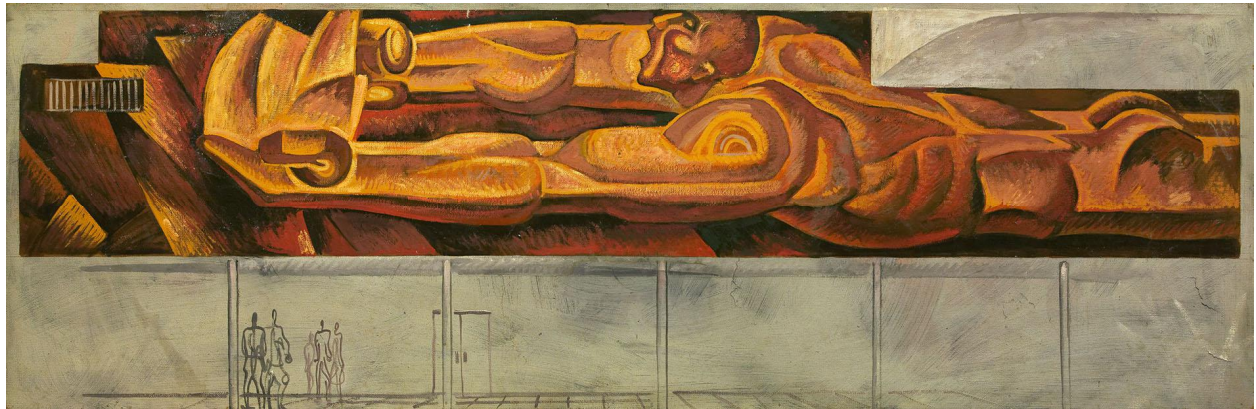

Рис. 3. Эскиз окончательного варианта. Оргалит, масло. 650x1987 [4]

На торце здания Всероссийского НИИ лесной генетики, селекции и биотехнологии (ул. Ломоносова, 105), построенного в 1970 году, прекрасно сохранилось мозаичное панно, изображающее ученых-генетиков и селекционеров, авторства Григория Михайловича Перцева (рис. 4), художника-монументалиста, реставратора, педагога, Заслуженного деятеля искусств РСФСР, который с 1971 по 1978 год был главным художником Воронежа. Еще одно сохранившееся панно его авторства можно увидеть на станции «Березовая роща» (рис. 5).

Рис. 4. Здание Всероссийского НИИ лесной генетики, селекции и биотехнологии на ул. Ломоносова, 105. Источник фото: <https://vif-vrn.ru/viewtopic.php?t=1087>

Рис. 5. Мозаика на станции «Березовая роща»: а) фото 1970-х годов; б) фото 2022 г.
 Источник фото: <https://vif-vrn.ru/viewtopic.php?t=367>

Для целого ряда мозаик, украшавших наш город во времена СССР, была характерна космическая тематика. Это не удивительно, поскольку Воронеж внес огромный вклад в развитие советской космонавтики, обеспечив не только первый полет человека в космос, но и работу первых в мире орбитальных станций. Ярким примером подобной тематики являются мозаичные полотна художника Эдуарда Григорьевича Плотникова на здании бывшего клуба космонавтики на ул. Олеко Дундича, 25, в котором в настоящее время находится Дом детского творчества Советского района. Интересным является тот факт, что сам клуб был построен в 1963 году, а оригинальная по композиции мозаика была создана художником лишь в 1980 году. Мозаичные панно на двух фасадах здания, выполненные из смальты и отличающиеся многообразием цветовой гаммы, придали объекту неповторимый окрас, сделав его эстетической изюминкой на пересечении оживленных улиц (рис 6,7). Кстати, под руководством Эдуарда Григорьевича Плотникова, который с 1968 по 1989 год являлся руководителем проектной группы воронежского творческо-производственного комбината, было разработано и воплощено около двухсот объектов культурно-бытового назначения, сформировавших облик нашего города.

Рис. 6. Мозаика на бывшем Клубе космонавтики
 Источник фото: https://pikabu.ru/story/mozaiki_na_byivshem_klube_kosmonavtiki_v_voronezhe_8866886

Рис. 7. Мозаика на бывшем Клубе космонавтики

Источник фото:https://pikabu.ru/story/mozaiki_na_byivshem_klube_kosmonavtiki_v_voronezhe_8866886

Одну из самых больших и ярких мозаик Воронежа также на тему космоса можно увидеть на фасаде здания Бизнес центра на Московском проспекте, 97, бывшем научно-производственном отделении «Энергия» (рис.8). Мозаика авторства художников Владимира Клепинина и Василия Карева, запланированная архитекторами на этапе проектирования в 1988 году, заполняет собой квадратный выступ фасада, выходящего на оживленный Московский проспект. Это делает ее доступной для восприятия проезжающих по оживленной трассе воронежцев и гостей города. Благодаря новаторскому композиционному решению панно создает визуальный эффект трехмерного пространства. Большинство воронежских мозаик выполнялось из квадратов-модулей способом «обратного набора», когда в мастерской изображение выкладывалось в опалубке, и заливалось цементом с обратной стороны, в который вставлялись крепления для настенного монтажа. По заранее разработанной схеме плитки с выложенными частями мозаика монтировались на стену. Границы этих модулей можно рассмотреть практически на каждом из сохранившихся мозаичных панно. А вот для описанной выше мозаики на телецентре, был применен метод «прямого набора», когда изображение выкладывалось целиком непосредственно на стене кусочек к кусочку.

В процессе развития этого вида монументального искусства, используемые материалы претерпевали изменения в сторону удешевления (фаянсовые плитки, фарфоровый бой, бетон, металл, цветной кирпич), что позволяло значительно расширить объемы применения мозаики и стать одним из основных способов придания индивидуальности типовым сооружениям.

Рис. 8. Бизнес-центр на Московском Проспекте, 97.

Рис. 9. Мозаика на жилом доме №72 по ул. Кольцовская [6]

Источник фото: https://pikabu.ru/story/sovetskoj_mozaiki_post_4333045

Наряду с общественными зданиями мозаику активно применяли для оформления жилых типовых многоэтажек. В Воронеже самая крупная подобная мозаика, дошедшая до нас в неизменном виде, расположена на торцевом фасаде жилого дома на ул. Кольцовская, 72. Автором выступил Юрий Григорьевич Казинер - советский художник-график, плакатист, член Союза художников СССР, проживший в Воронеже с 1958 до 1989. Панно, выполненное из глазурованной керамической плитки в 1971 году, занимает большую часть фасада, позволяя помимо эстетической задачи частично решить проблему утепления торцевой части здания. Несмотря на простоту цветового решения, графическая стилизация с интересно обыгранными деталями создает эффектную и гармоничную композицию (рис.9), внося своеобразный акцент в городскую среду.

Современные тенденции развития и проблемы сохранения воронежской мозаики

В современной архитектуре Воронежа примеров использования мозаики совсем немного. Одним из них является мозаика «Косберг сработал» на торцевой стене дома №49 по ул. Степана Разина (рис.10). Панно, выполненное в стиле соцреализма, посвящено легендарному воронежскому конструктору Семену Косбергу и является образцом стрит-арта - современного урбанистического искусства. При чем, одним из художников и кураторов процесса создания мозаики стал выпускник нашего факультета Ян Посадский. Работа заняла почти целый год с привлечением около тридцати человек для сборки панно на фасаде дома.

Рис. 10. Мозаика на жилом доме №49 по ул. Степана Разина [7]

Еще один из ярких примеров современной мозаики это яркая мозаичная панорама в Центре креативных индустрий «Матрешка» в парке «Орленок» (рис.11). Композиция, размещенная внутри здания на каждом из трех этажей, выполнена по мотивам космической мозаики, украшавшей интерьер снесенного ДК 50-летия Октября (рис.2). В качестве материала автор, воронежская художница-мозаист Татьяна Федечкина, использовала витражное стекло Тиффани, многие из кусочков которого покрыты перламутром, что создает необычный эффект игры света при разном освещении. Панно состоит из 152 панелей, размером 60х60 см, которые после изготовления в мастерской в течении девяти месяцев монтировали на стены. Мало кто в Воронеже в настоящее время решается на использование такого способа преобразования городской среды из-за огромной стоимости материала и очень небольшого количества специалистов в этой области. Довольно затратным является и процесс реставрации советской мозаики, поэтому очень важно попытаться сохранить от разрушения то немногое, что еще осталось.

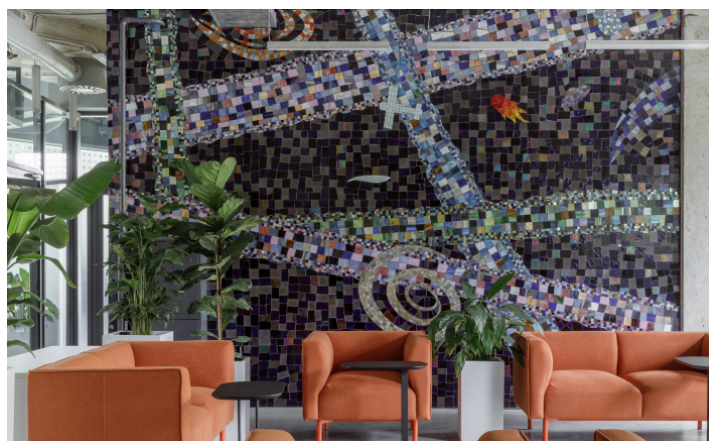
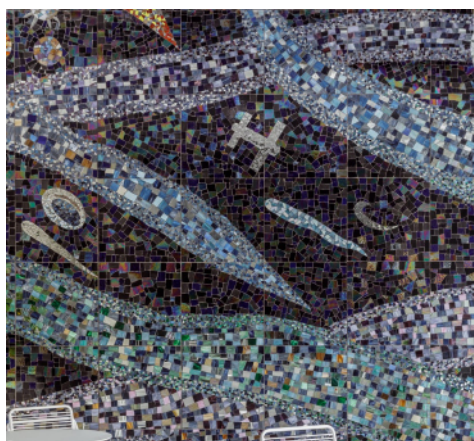

Рис. 11. Мозаика в Центре креативных индустрий «Матрешка» на ул. Студенческая, 5 [11]

– Нужно провести переучет объектов с советской мозаикой, поставить ее на охрану. Она так же ценна, как и дореволюционные дома, – считает воронежский архитектор Николай Гуненков. Стоит отметить, что в последнее время на проблему сохранения мозаики обращают внимание не только искусствоведы и архитекторы. Местные активисты и общественные деятели привлекают внимание к проблеме сохранения этого уникального наследия отечественного модернизма. Но поскольку мозаичные панно не включены в перечень объектов культурного наследия, судьба многих из них плачевна: одни замуровываются под новыми фасадами, другие сбиваются во время ремонта или просто уничтожаются вместе со сносимыми зданиями. Так во время сноса небезызвестного ДК 50-летия Октября, несмотря на многочисленные попытки помешать данному процессу, было демонтировано мозаичное панно размером 19х3.5 м из смальты и антрацита художника Григория Перцева, украшавшее вестибюль здания.

Заключение

В настоящее время очень важным является акцентирование внимания на проблеме сохранения мозаичных произведений. Пора осознать: мозаика имеет огромную историческую, культурную и художественную ценность. В ней отражена история страны, в том числе напрямую связанная с нашим городом. Несмотря на идеологическую подоплеку, советским художникам удавалось создавать настоящие произведения искусства в явно авангардистском стиле, достаточно прогрессивные по своей образной подаче и не утратившими актуальность и в наши дни. К тому же мозаика отличается от всех остальных видов монументально – декоративного искусства особой стойкостью и долговечностью: цвет мозаичных панно остается неизменным при любых климатических условиях. Это решает одну из главных проблем колористики наружных фасадов – сохранение первоначальной цветовой палитры в неизменном виде в течение длительного времени. А

включение мозаики в современную архитектуру имеет огромную важность в сфере эмоционального воздействия формы на человека, меняя восприятие не только конкретного здания, но и всего архитектурного пространства.

Библиографический список

1. Степанов Г.П. Композиционные проблемы синтеза искусств. – Ленинград: Художник РСФСР, 1984. – 320с. : ил.
2. Воронежская историко-культурная энциклопедия. Персоналии. — Изд. 2-е, доп., исп. — Под общ. ред. О. Г. Ласунского. — Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2009. — 660с.
3. Как сохранить монументальные шедевры советской мозаики в России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://profile.ru/culture/kak-soxranit-monumentalnye-shedevry-sovetskoj-mozaiki-v-rossii-266013/>
4. Работы в архитектуре. Мозаика «Прометей, несущий огонь людям» в к/т «Пролетарий» в Воронеже. 1968 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ablin.ru/architecture/mozaika-prometei-nesushii-ogon-lyudyam-v-kt-proletarii-v-voronezhe-1968/>
5. Звезды, цветы и вывески. Где в Воронеже остались «приветы» из советского прошлого [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://riavrn.ru/news/zvezdy-tsvety-i-vyveski-gde-v-voronezhe-ostalis-privety-iz-sovetskogo-proshlogo-/>
6. Советский след. Где в Воронеже сохранились мозаики эпохи СССР [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://riavrn.ru/news/sovetskiy-sled-gde-v-voronezhe-sokhranilis-mozaiki-epokhi-sssr/>
7. В Воронеже появилась огромная мозаика «Косберг сработал» – Режим доступа: <https://riavrn.ru/news/v-voronezhe-poyavilas-ogromnaya-mozaika-kosberg-srabortal/?ysclid=lwphal4p68549992519/>
8. Николаев В. Платье для города // Молодой коммунар. - 1975. – 6 февраля
9. Лиходлевская Н. Дизайнер и его искусство // Воронежский курьер. – 2003. – 1 апреля
10. Попова В. В окружении дизайнера // Воронежские вести. – 2003. – 4 апреля
11. Космос в матрешке – Режим доступа: <https://archi.ru/russia/99240/kosmos-v-matreshke/>
12. Енин А.Е. Роль и место объектов культурного наследия в современной градостроительной деятельности // Заплавная А.Э., Бутко Е.И. / Архитектурные исследования. 2023. № 3 (35). С. 34-42.
13. Енин А.Е. Проблемы образно-эмоционального восприятия и формирования жилого квартала // Гурьев С.Н., Виниченко Е.А. / Архитектурные исследования. 2024. № 1 (37). С. 92-98.
14. Енин А.Е. Актуальные системные проблемы формирования застройки центра г. Воронежа // Енин А.Е. / Архитектурные исследования. 2015. № 1 (1). С. 4-10.

Bibliography list

1. Stepanov G.P. Compositional problems of art synthesis. – Leningrad: Artist of the RSFSR, 1984. – 320 p.: ill.
2. Voronezh Historical and Cultural Encyclopedia. Personalities. — Ed. 2nd, additional, sp. — Under general. ed. O. G. Lasunsky. — Voronezh: Center for Spiritual Revival of the Chernozem Region, 2009. — 660 p.
3. How to preserve monumental masterpieces of Soviet mosaics in Russia [Electronic resource] – Access mode: <https://profile.ru/culture/kak-soxranit-monumentalnye-shedevry-sovetskoj-mozaiki-v-rossii-266013/>
4. Works in architecture. Mosaic “Prometheus bringing fire to people” in the cinema “Proletary” in Voronezh. 1968 [Electronic resource] – Access mode: <http://ablin.ru/architecture/mozaika-prometei-nesushii-ogon-lyudyam-v-kt-proletarii-v-voronezhe-1968/>
5. Stars, flowers and signs. Where in Voronezh are there “greetings” from the soviet past

- [Electronic resource] – Access mode: [https://riavrn.ru/news/zvezdy-tsvety-i-vyveski-gde-v-voronezhe-ostalis-privety-iz-sovetskogo-proshlogo-/](https://riavrn.ru/news/zvezdy-tsvety-i-vyveski-gde-v-voronezhe-ostalis-privety-iz-sovetskogo-proshlogo/)
6. Soviet trace. Where in Voronezh are mosaics from the USSR era preserved [Electronic resource] – Access mode: <https://riavrn.ru/news/sovetskiy-sled-gde-v-voronezhe-sokhranilis-mozaiki-epokhi-sssr/>
7. A huge mosaic “Cosberg worked” appeared in Voronezh [Electronic resource] – Access mode: <https://riavrn.ru/news/v-voronezhe-poyavilas-ogromnaya-mozaika-kosberg-srabotal/?ysclid=lwphal4p68549992519/>
8. Nikolaev V. Dress for the city // Young Communard. - 1975. – February 6
9. Likhodlevskaya N. Designer and his art // Voronezh Courier. – 2003. – April 1
10. Popova V. Surrounded by design // Voronezh News. – 2003. – April 4
11. Space in a matryoshka – Access mode: <https://archi.ru/russia/99240/kosmos-v-matreshke/>
12. Enin A.E. The Role and Place of Cultural Heritage Objects in Modern Urban Planning // Zaplavnaya A.E., Butko E.I. / Architectural Research. 2023. № 3 (35). Pp. 34-42.
13. Enin A.E. Problemy obrazno-emotsional'nogo vospriyatiya i formirovaniya zhilogo kvartala [Problems of image and emotional perception and formation of a residential quarter]. 2024. № 1 (37). Pp. 92-98.
14. Enin A.E. Actual System Problems of Formation of the Development of the Center of Voronezh // Enin A.E. / Architectural Research. 2015. № 1 (1). Pp. 4-10.

MOSAIC IN THE ARCHITECTURAL APPEARANCE OF VORONEZH AS A UNIQUE EXAMPLE OF ENVIRONMENTAL APPROACH

E.S. Voronkina

Voronkina E.S., senior lecturer, Department of Fundamentals of Design and Architectural Graphics, VSTU, Voronezh, Russia, tel. 89529587851, e-mail: lenvot@mail.ru

Formulation of the problem: Studying the use of mosaics as the closest type of monumental art to architecture in the urban space of Voronezh, its influence on the formation of the architectural environment. Consideration of the prerequisites for the development of mosaics and acquaintance with existing mosaic works in our city.

Results and conclusions: The experience of using mosaics is analyzed using the example of specific Voronezh buildings, starting from postmodern architecture of the Soviet period and ending with modern examples of the use of mosaic art. Attention is also paid to the problem of preserving surviving examples, as a unique and almost extinct form of art, and the prerequisites for the modern development of mosaics.

Keywords: mosaic, monumental art, smalt, urban environment, mosaic panel.

ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ ВОРОНЕЖСКОГО АВИАЗАВОДА КАК УНИКАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ КЛУБНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

О.В. Кривцова, В.Г. Чесноков

Кривцова В.О., магистрант кафедры композиции и сохранения архитектурно-градостроительного наследия, ВГТУ, Воронеж, Россия, тел. +79601391645, e-mail: krivtsovawork@gmail.ru

Чесноков В.Г., канд. ист. наук, доцент кафедры композиции и сохранения архитектурно-градостроительного наследия, ВГТУ, Воронеж, Россия, тел.: +79155454989, e-mail: che.vir@yandex.ru

Постановка задачи. Историко-архитектурный анализ Дворца культуры имени В. И. Ленина с точки зрения уникальности как клубного здания и вариант его приспособления для современного использования.

Результаты и выводы. Рассмотрены краткая история здания, проблема функциональности и проект современного приспособления.

Ключевые слова: театральные зрелищные здания, рабочий клуб, дворец культуры, проблема сохранения и современного приспособления.

Введение

Дворцы культуры и клубы – часть государственной системы доступного созидательного досуга, созданная в СССР. Эти учреждения организовывали кружки, театральные постановки, концерты, лекции, спортивные мероприятия и многое другое.

Дворец культуры им. В.И. Ленина – крупное общественное сооружение, расположенное по адресу улица Циолковского, 18. В прошлом это центр культурно-массовой и просветительской работы Левобережного района города Воронежа. Несмотря на то, что здание Дворца культуры не находится под государственной охраной, оно имеет важное значение в формировании историко-градостроительной среды и является ценным архитектурным элементом не только улицы, но и всего квартала. Здание ДК представляет собой яркий образец советского неоклассицизма середины XX века.

История дворца культуры имени В. И. Ленина

Датой учреждения Левобережного района г. Воронежа считается 1930 год, когда к городу присоединили слободы Монастырщеньку и Придачу. В это время началось формирование улиц: Циолковского, Ленинградская, Полины Осипенко, Беляевой и Героев Стратосферы [1].

В 1932 году было закончено строительство Воронежского авиационного завода. На близлежащей территории в 1930-е были построены жилые дома для работников завода, стадион [1]. У стадиона на северо-западном участке улицы Циолковского в 1932-1936 гг. возвели клуб имени К. Е. Ворошилова. Точную дату открытия клуба выяснить не удалось, однако, из заметки в газете «Коммуна» от 1 марта 1936 г. следует, что открытие либо уже только что состоялось, либо было намечено на конец месяца [2]. В это время в клубе должен был работать филиал «Молодого театра».

Здание клуба имеет черты, характерные для советского конструктивизма, при этом напоминая в большей степени заводское, чем общественное здание. Во время Великой Отечественной войны первое здание клуба было в значительной степени повреждено.

©Кривцова О.В., Чесноков В.Г., 2024

Рис. 1. Архивная фотография, клуб имени К. Е. Ворошилова, 1936 г.

В ходе проведения историко-архивных исследований был обнаружен архивный проект дворца культуры, который датируется 1951 г. Автором проекта, выполненным в Харьковском филиале института «ГИПРОАВИАПРОМ», стал архитектор Л. Я. Симановский [3]. Исходя из данных, представленных техническим проектом, разрушение здания довоенного здания имела следующие разрушения по элементам: фундаменты – 20%, стены шлакобетонные – 40%, стены кирпичные – 30 %, колонны железобетонные – 20 %, перегородки – 100%, лестницы – 100%, оконные переплеты – 100%, кровля – 100%, внутренняя сантехника – 100%, отделка фасадов – 100%. Приведенная оценка и дальнейшие данные пояснительной записки, позволили выяснить, что новое здание ДК имени В.И. Ленина строилось на базе сохранившихся конструкций клуба. Объемно-планировочная схема здания была принята в соответствии с имеющимся довоенным каркасом с учетом увеличения кубатуры и возведения дополнительных конструктивных элементов. Все фасады были полностью реконструированы и отделаны заново. Проектом предусматривалось решение композиции фасадов и архитектурных элементов здания в стиле неоклассицизма.

Строительство осуществлялось в 1955-1957 гг. Новый дворец культуры торжественно открылся 21 декабря 1957 года и первоначально был назван в честь 40-летия Октября [4].

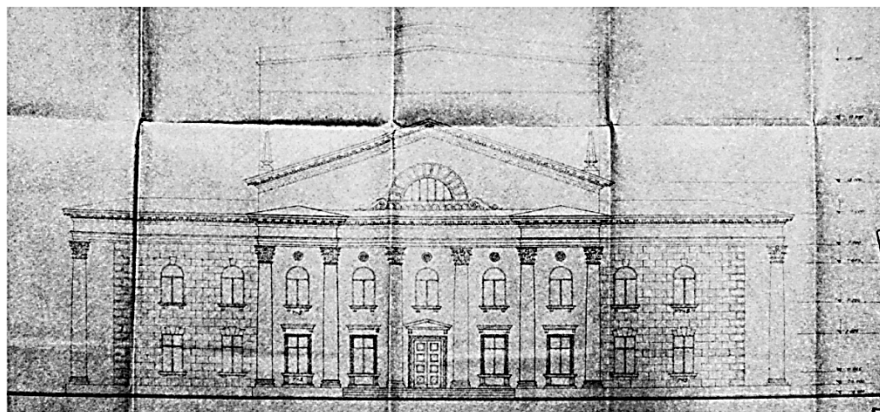

Рис. 2. Проект Дворца культуры имени В. И. Ленина, 1951 г. Северо-восточный фасад.

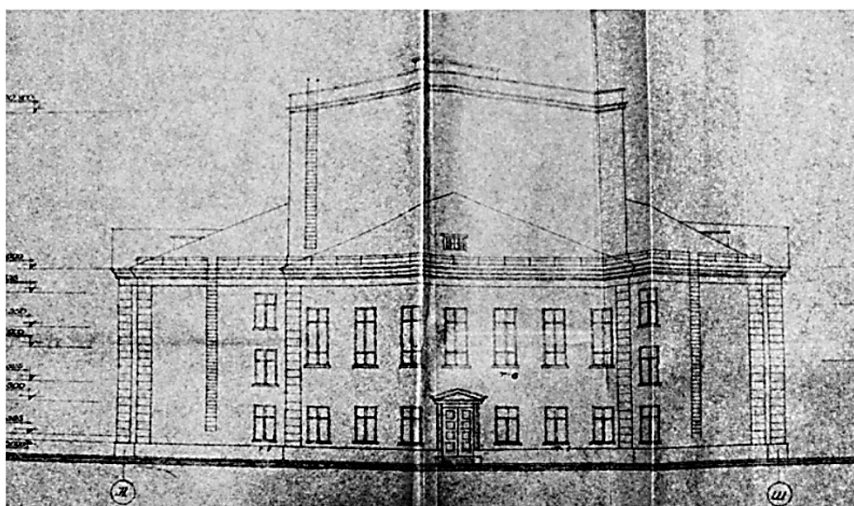

Рис. 3. Проект Дворца культуры имени В. И. Ленина, 1951 г. Юго-западный фасад.

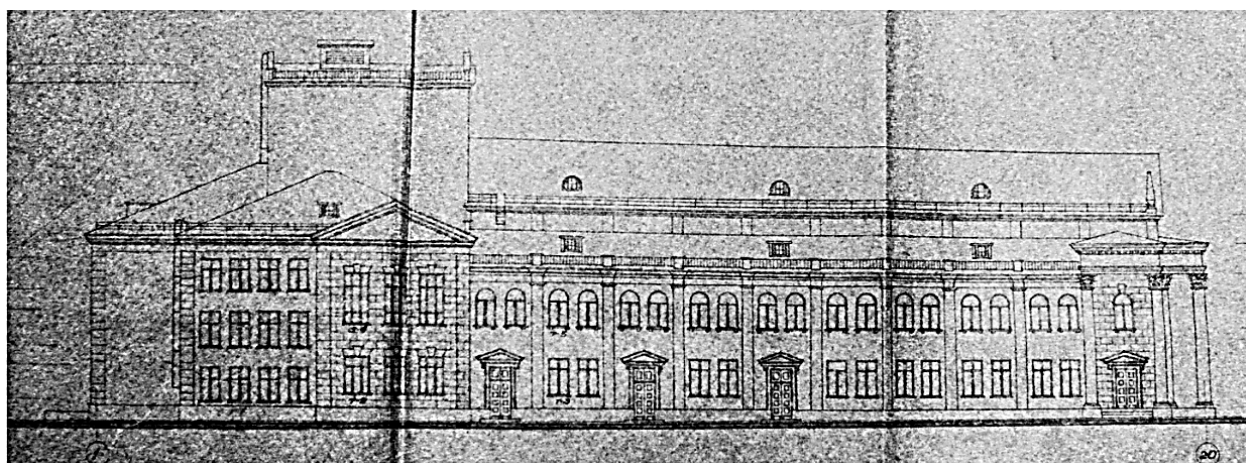

Рис. 4. Проект Дворца культуры имени В. И. Ленина, 1951 г. Юго-восточный фасад.

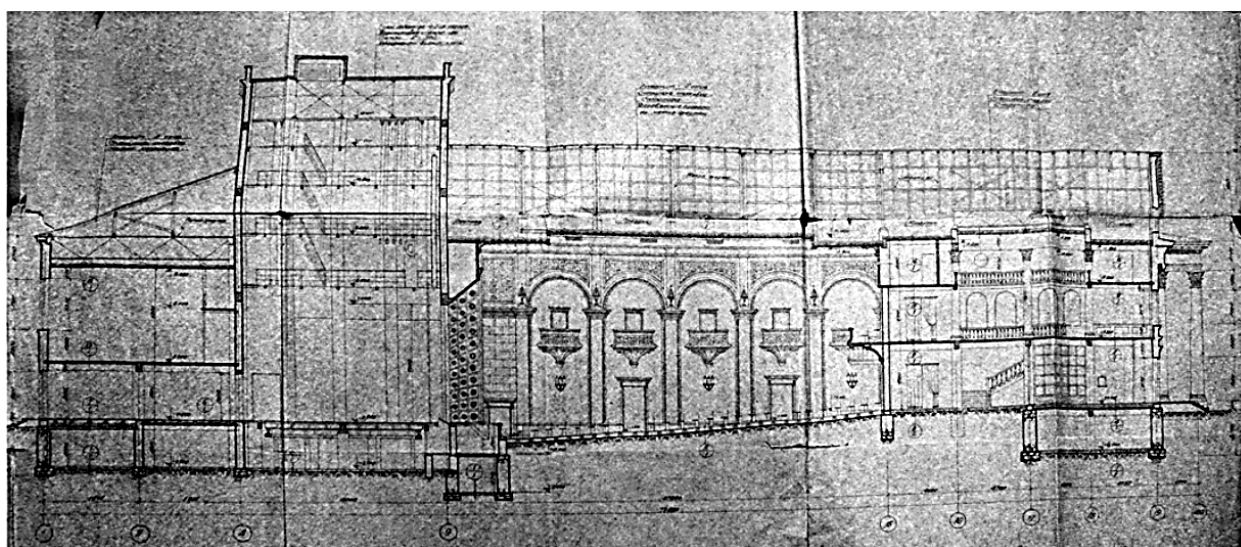

Рис. 5. Проект Дворца культуры имени В. И. Ленина, 1951 г. Продольный разрез.

Обнаруженные чертежи свидетельствуют о том, что работы по реконструкции были выполнены в соответствии с проектом Л.Я. Симановского. Сохранились задумки автора: объёмно-пространственная композиция, планировочная структура и архитектурные решения фасадов и интерьеров, самая уникальная деталь сооружения – сценическая часть с поворотным кругом. Этот механизм встречается редко в подобного рода сооружениях. Так же сохранился исторический декор интерьера. В особенности богато украшен зрительный зал на 1000 мест.

Рис. 6. Архивная фотография, Дворец культуры имени В.И. Ленина, 1958 г.

Рис. 7. Архивная фотография, Дворец культуры имени В.И. Ленина, 1967 г.

Здание Дворца культуры выполнено по авторскому проекту, но его пространственно-планировочная схема характерна для типовых дворцов культуры того периода. Функционально структура здания делится на три части: двухэтажный зрительский комплекс, сценический комплекс, комплекс клубных помещений (кружковые, библиотека, спортзал).

Зрительский зал является ядром пространственно-планировочной структуры и связывает зрительский и служебный комплексы. Таким образом, они отделены друг от друга и могут развиваться по разным сценариям.

На фасадах здания сохранился пышный исторический декор. В композиции фасадов применена ордерная система. Парадный вход на главном фасаде акцентирует шестиколонный раскрепованный портик с треугольным фронтоном. Капители колонн портика, формируются по принципу построения капители композитного ордера, украшены элементами советской символики (колосья и звезды). В тимпане по центру фасада располагается полукруглое окно с развитым наличником. Карнизы, украшенные кронштейнами с листьями аканта, венчают главный фасад здания. Остальные фасады декорированы менее сложными венчающими, а также подоконными карнизами.

Рис. 8. Современная фотография Дворца культуры имени В. И. Ленина. Главный фасад.
Автор: Кривцова В.О., июль, 2022 г.

Рис. 9. Современная фотография Дворца культуры имени В. И. Ленина. Главный фасад. Фрагмент.
Автор: Кривцова В.О., июль, 2022 г.

Так же сохранился исторический интерьер в зрительной части дворца культуры. Зрительный зал имеет два яруса. Сцена глубинная колосниковая. Перспективный портал сцены формируется из профилированного наличника, опоясывающего прямоугольный проем, и венчающей скульптуры. Композиция представляет собой лиру, симметрично украшенную драпировками, листьями аканта и гирляндой. Откос сцены декорирован филенками. Сцена просторная, оборудована поворотным врезным кругом, штанкетными подъемами, антрактным занавесом и софитами. Сохранились подлинники светильники. Осветительные приборы: в центральном плафоне расположена подвесная двухъярусная

чеканная люстра. В плафонах, образованными кессонами балкона, имеются подвесные бронзовые люстры полусферической формы с декором из хрусталя.

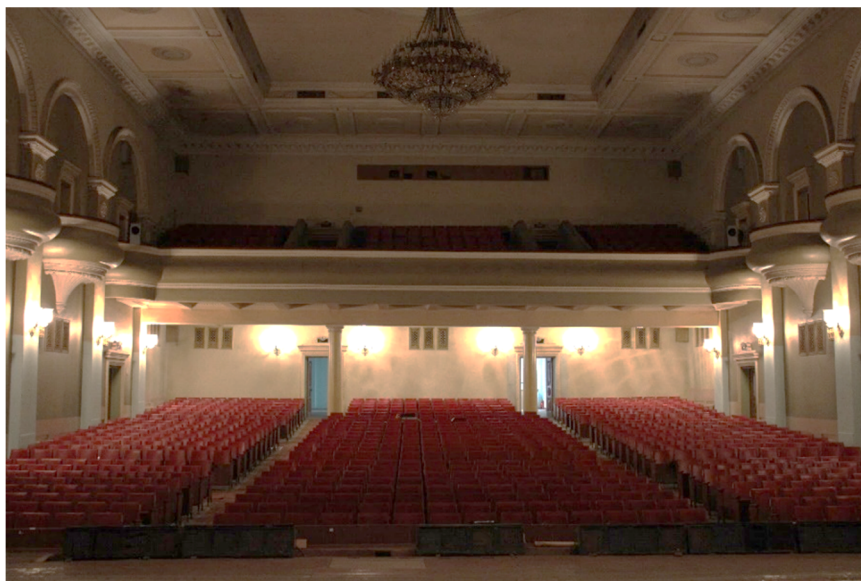

Рис. 10. Современная фотография Дворца культуры имени В. И. Ленина. Зрительный зал.
Автор: Кривцова В. О., июль, 2022 г.

На втором этаже расположено фойе. Структура двусветного пространства включает 8 пар колонн, капители которых схожи с композитным орденом. Объемно-пространственные и архитектурные особенности фойе соответствуют устойчивому типу интерьеров фойе крупных общественных зданий конца 1940-х — начала 50-х годов.

Рис. 11. Современная фотография Дворца культуры имени В.И. Ленина. Фойе.
Автор: Кривцова В.О., июль, 2022 г.

Здание не функционирует на протяжении нескольких лет, что является главной причиной его запустения. Для актуализации уникального здания в выпускной квалификационной работе Кривцовой В.О. «Реконструкция в режиме реставрации Дворца культуры имени В. И. Ленина» предлагается вариант современного приспособления.

Проектные предложения для современного приспособления

Помимо исторической, архитектурно-эстетической и художественной ценностей Дворец культуры обладает материальной, утилитарной ценностями, как объект недвижимости. Поэтому в комплексе с реставрацией и ремонтом решались задачи приспособления здания дворца культуры для возможности использования вновь, как в 1930-е гг., в качестве филиала для театральной труппы (на Левом берегу нет театров), а также для досугового центра в соответствии с современными эксплуатационными нормами.

При разработке проектных решений использованы архитектурные характеристики каркаса здания, созданного по проекту Л.Я. Симановского и результаты комплексных научных историко-архивных и архитектурных исследований.

Комплексные научные исследования показали, что здание театра сохранило до нашего времени облик, полученный в ходе послевоенной реконструкции 1950-х годов, однако требует проведения работ по сохранению для возвращения архитектурно-художественной выразительности облика фасадов и интерьеров.

Для этого предлагается реставрация с элементами воссоздания декоративных элементов и цветового решения фасадов и парадных интерьеров, определенных как обладающие подлинными характеристиками, составляющими историко-культурную ценность, на оптимальный период реставрации.

В ходе историко-градостроительного исследования была проанализирована прилегающая территория на наличие каких-либо культурно-массовых учреждений и досуговых центров. В районе 1 км располагаются только центры развития и клубы для детей. В связи с этим, ставится цель организации в здании Дворца культуры досугового центра ориентированного на взрослых.

Пространственно-планировочная структура с существующими помещениями приспособляется для современного использования следующим образом:

1) Перепланировка зрительных мест с учетом современных требований. До проекта – 1000 мест, после 656 мест.

2) Перепланировка в помещениях на первом и втором этажах напротив зрительного зала;

3) Установка в санузлах санитарных приборов в соответствии с нормами на количество работников и посетителей.

4) Приспособление помещений на втором этаже напротив зрительского зала для досугового центра.

5) На первом этаже в помещении буфета приспособление под кофейню, которая будет обслуживать посетителей вне зависимости от времени проведения представлений.

Фойе второго этажа может использоваться как выставочное пространство для творчества посетителей досугового центра.

Рис. 12. Выпускная квалификационная работа студентки группы БРАН-181 Кривцова В.О. Руководитель: доц. Чесноков В.Г. 2023 г. Проект приспособления.

Рис. 13. Выпускная квалификационная работа студентки группы БРАН-181 Кривцова В.О. Руководитель: доц. Чесноков В.Г. 2023 г. Визуализация экстерьера.

Проектным предложением предполагается реставрация сквера Циолковского в соответствие современным архитектурно-строительным и эксплуатационным требованиям, предъявляемым к объектам озеленения города, привести в соответствии с СП 82.13330.2016 «Благоустройство территорий». С опорой на архивный проект Л. Я. Симановского и с некоторыми дополнениями. Например, появляется зона отдыха в виде амфитеатра, детская площадка, парковочные места для персонала и зона ТБО, а также предлагается перенести парковку для посетителей (ранее она была расположена напротив главного фасада объекта) и увеличение количества парковочных мест.

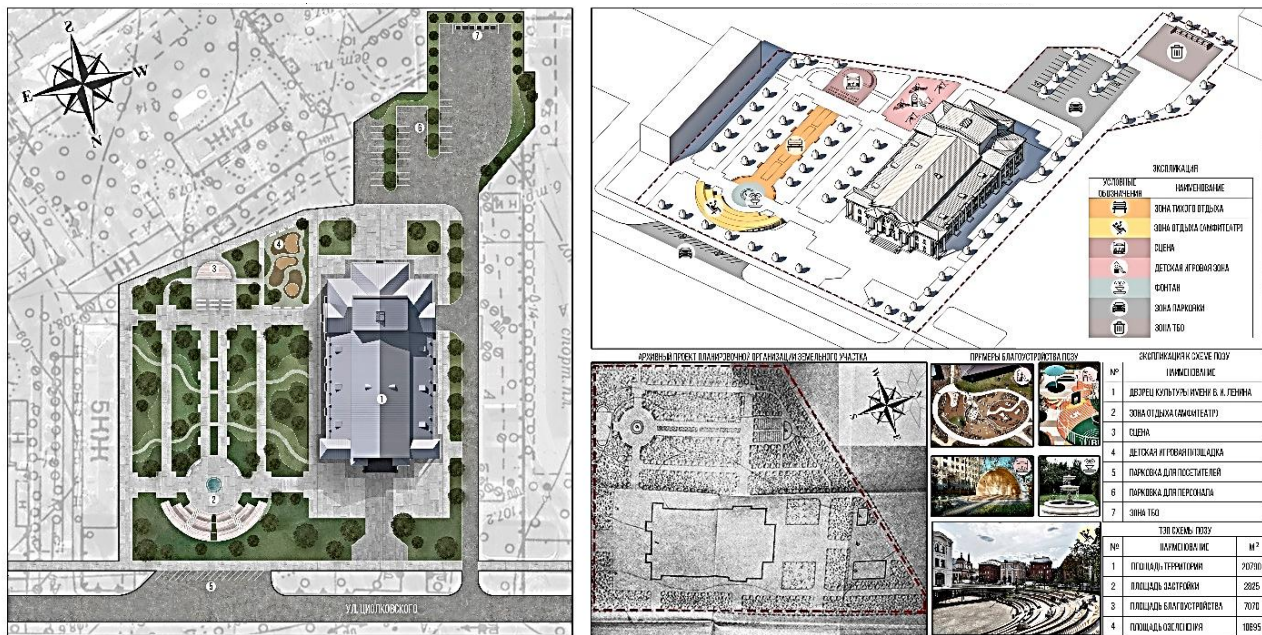

Рис. 14. Выпускная квалификационная работа студентки группы БРАН-181 Кривцова В.О. Руководитель: доц. Чесноков В.Г. 2023 г. СПОЗУ и концепция реновации сквера ДК.

Заключение

Дворец культуры имени В.И. Ленина обладает историко-культурной ценностью и несет в себе потенциал для комфортного современного использования. Архитектурный облик фасадов здания и интерьеры выдержаны в стиле советского неоклассицизма. Благодаря высокой степени сохранности и сейчас они погружают наблюдателя в эпоху, которую хранят. Реставрация фасадов и парадных зрительских пространств поможет сфокусироваться на подлинных особенностях объекта и вернет ему эмоционально-художественную ценность, а приспособление непарадных помещений повысит удобство использования объекта.

Приспособление ДК под культурно-досуговый центр фактически вернет зданию его первоначальную социальную функцию: предоставить различным группам взрослого населения Левого берега возможность развивать свои творческие способности и активно участвовать в культурной жизни города.

Библиографический список:

1. Попов П.А. Воронеж. История города в названиях улиц / П.А. Попов. - Воронеж : Кварта, 2003 – С. 136.
2. ФИЛИАЛ МОЛОДОГО ТЕАТРА НА ЗАВОДЕ № 18 // Коммуна. 1936. 1 мар. – С. 4.
3. Чесноков, Г.А. Архитектурно-планировочное развитие города Воронежа: (Советск. период) : Учеб. пособие / Г.А. Чесноков; Воронеж. государственная архитектурно-строительная академия. 1998. – С. 103.
4. М. Васильев. Загорелись огни дворца // Коммуна. 1957. 25 дек. – С. 4.

Bibliography list

1. Popov, P.A. Voronezh. The history of the city in the names of streets / P.A. Popov. - Voronezh : Kvarata, 2003 - P. 136.
2. The Young Theatre's Branch at Factory No. 18 // Kommuna. 1936. 1 Mar. - P. 4.

3. Chesnokov, G.A. Architectural and planning development of the city of Voronezh: (Soviet period) : Textbook / G.A. Chesnokov; Voronezh State Academy of Architecture and Civil Engineering. 1998. - P. 103.
4. M. Vasiliev. The lights of the palace lit up // Kommuna. 1957. 25 December. - P. 4.

PALACE OF CULTURE OF THE VORONEZH AIRCRAFT PLANT AS A UNIQUE OBJECT OF CLUB ARCHITECTURE

O.V. Krivtsova, V.G. Chesnokov

Krivtsova V.O., Master's Degree Student of the Department of Composition and Preservation of Architectural and Urban Planning Heritage, VSTU, Russia, Voronezh, tel. +79601391645, e-mail: krivtsovawork@gmail.ru
Chesnokov V.G., Cand. East. Doctor of Engineering, Associate Professor of the Department of Composition and Preservation of Architectural and Urban Planning Heritage, VSTU, Russia, Voronezh, tel.: +79155454989, e-mail: che.vir@yandex.ru

Problem statement. Historical and architectural analysis of the Palace of Culture named after V. I. Lenin from the point of view of uniqueness as a club building and the option of its adaptation for modern use.

Results and conclusions. A brief history of the building, the problem of functionality and the design of modern adaptation are considered.

Keywords: theatrical and entertainment buildings, workers' club, palace of culture, the problem of preservation and modern adaptation.

ФОРМИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО АНСАМБЛЯ ПЛОЩАДИ ЧЕРНЯХОВСКОГО И УЛИЦЫ МИРА В ВОРОНЕЖЕ

А.Е. Барсукова

Барсукова А.Е. старший преподаватель, кафедра дизайна, ВГТУ, Воронеж, Россия

Постановка задачи. В данной работе рассмотрены особенности формирования фрагмента центральной части города. Статья посвящена вопросам восстановления Воронежа, как одного из наиболее разрушенных во время Великой Отечественной войны городов страны, на основе реализации принципа ансамблевого строительства. Рассмотрены особенности формирования фрагмента центральной части города - улицы Мира в ансамбле с площадью Черняховского. Проведен сравнительный анализ с улицей Росси в Санкт-Петербурге.

Результаты и выводы. Сравнительный анализ архитектурного ансамбля площади Черняховского и улицы Мира в Воронеже с архитектурным ансамблем площади Островского и улицы Зодчего Росси в Санкт-Петербурге позволяет сделать выводы об определенных сходствах в организации пространства и использовании композиционных приемов для создания выразительного архитектурного образа.

Ключевые слова: архитектурный ансамбль, планировочная структура, ордерная система, архитектурно-художественный образ, объемно-пространственная композиция.

Введение

Середина прошлого столетия для Воронежа ознаменовалась радикальным изменением его архитектурно-художественного облика. Этому способствовали различные обстоятельства, к основным из которых следует отнести разрушительные последствия Великой Отечественной войны.

В результате боев, продолжавшихся с лета 1942 г. по январь 1943 г., город был превращен в развалины. По степени разрушений, нанесенных городу, Воронеж уступал только Сталинграду и Севастополю и вошел в число 15 наиболее разрушенных городов страны, первоочередное восстановление которых предусматривалось постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 16 ноября 1945 года [1].

По воспоминания Н.В. Троицкого (1900-1984), назначенного Управлением по делам Архитектуры РСФСР и утвержденного ЦК ВКП(б) главным архитектором Воронежа осенью 1943 г., «некоторые считали, что Воронеж надо строить заново и на другом месте» [2].

Восстановление Воронежа началось сразу же после его освобождения от немецко-фашистских захватчиков 25 января 1943 года. Его состояние требовало чрезвычайных мер и особых принципов проектирования. Они были выработаны и нашли свое отражение в ряде документов, и в первую очередь, в Генеральном плане города и проекте детальной планировки центра, разработанных под руководством академика архитектуры Л.В. Руднева (1885-1956) и утвержденных 19 ноября 1946 г. Советом Министров РСФСР.

Л.В. Руднев был одним из первых среди академиков и членов-корреспондентов Академии архитектуры СССР, привлеченных в качестве крупных мастеров к руководству творчески-экспериментальными мастерскими по разработке проектов восстановления разрушенных городов. Он и академик А.В. Щусев во главе творческих групп приступили к этой деятельности еще в июле 1942 г. [3].

Наряду с московскими проектировщиками к разработке Генерального плана города были привлечены и воронежские специалисты (И.В. Ткаченко, А.В. Миронов, П.П. Штеллер, В.В. Лебедев, Г.А. Тиме, Л.А. Волков, В.С. Семенов [4], среди которых особую роль играл Н. В. Троицкий, занимавший должность главного архитектора города с 1943 по 1951 год.

Одним из важнейших принципов в советском градостроительстве послевоенного периода, которым руководствовались проектировщики при восстановлении разрушенных городов, был сформулированный еще в предвоенные годы принцип «город-ансамбль» [9,10].

©Барсукова А.Е., 2024

Как отмечает доктор архитектуры Ю.Л. Косенкова «война создала беспрецедентное положение: города лежали в руинах, и заявленный принцип нужно было проводить в жизнь. Поэтому неудивительно, что проблема ансамбля из академических трудов переключалась в управленческие документы Комитета по делам архитектуры» [5].

В Генеральном плане Воронежа, а также в Проекте детальной планировки и застройки его центра, выполненных под руководством академика Л.В. Руднева, принцип ансамблевой застройки нашел свое отражение. В этих документах главным композиционным стержнем предлагалось сделать Проспект Революции (б. Большая Дворянская), который должен был стать основным связующим звеном между площадью XX-летия ВЛКСМ (до 1938 г. – Привокзальной, с 1949 г. – Генерала Черняховского) и центральной площадью города - XX-летия Октября (до 1937 г. – Староконная, с 1956 г. – Ленина).

Развитием этого предложения явилось формирование крупного архитектурного ансамбля, включающего в себя площадь перед железнодорожным вокзалом и улицу, соединяющую ее с главной магистралью города.

Привокзальная площадь перед зданием железнодорожного вокзала возникла в конце 60-х - начале 70-х годов XIX века в связи со строительством железной дороги.

В 1883 году на площади была освящена часовня в память об императоре Александре II. В 1895 году вокзал и площадь были перестроены по проекту архитектора Н. А. Артёмовского (1830 — после 1906)[7]. Однако, следует признать тот факт, что особой художественной выразительностью это место не отличалось.

В ходе восстановления Воронежа было решено связать привокзальную площадь кратчайшим путем с центром города. С этой целью на месте разрушенных усадеб XIX – начала XX века купца И.Н. Клочкова и его наследников, а также участка, разрушенного в годы войны б. Кадетского корпуса (после 1917 г. – Воронежского университета), запроектировали улицу Мира протяженностью 280 м. Она соединяла территорию, прилегающую к железнодорожной станции Воронеж-1, с кольцом пересечения улицы Ф. Энгельса и коротким отрезком улицы Университетской в направлении Проспекта Революции.

Площадь, от которой брала свое начало улица Мира, в 1949 году назвали именем дважды героя Советского Союза генерала армии И. Д. Черняховского, руководившего боями за освобождение Воронежа. В плане она представляла собой сочетание прямоугольника с полукругом, разделенных проезжей частью пересекавшей их улицей Кольцовской. Такая «классическая» структура организации пространства была предложена академиком Л.В. Рудневым.

В процессе разработки темы площади перед железнодорожным вокзалом рассматривались различные варианты ее планировочной структуры. По одному из них (архитекторы В.С. Левицкий и Р.И. Шмидт) от площади лучами расходились пять улиц. Однако к реализации приняли проект архитектора В.И. Кудряшенко, полностью соответствующий замыслу Л.В. Руднева, с детальной проработкой элементов благоустройства площади.

Важнейшей составляющей пространственной организации площади Черняховского стало здание железнодорожного вокзала. Его возвели в 1954 году взамен старого, разрушенного во время войны, и располагавшегося восточнее, напротив нынешнего Привокзального сквера. Двухэтажное здание вокзала по проекту московских архитекторов - действительного члена Академии архитектуры СССР К.С. Алабяна и архитектора Т.В. Татаржинского, замыкавшее перспективу улицы Мира, имело симметричную объемно-пространственную композицию на основе использования ордерной системы. Объем центрального вестибюля был решен двухсветным, выделяющимся своей массой по отношению к левому и правому флангу фасадов. Над ним, так же, как и над боковыми ризалитами, установили 12 скульптур (скульптор В.Ф. Буримов), выполненных из бетона. Фигуры мужчин и женщин олицетворяли собой представителей различных профессий.

Слева и справа от главного фасада железнодорожного вокзала со стороны привокзальной площади устраивались небольшие скверы прямоугольной формы, которые должны были фланкироваться четырехэтажными зданиями с использованием ордерной системы.

В центре площади предполагалось установить памятник генералу И.Д. Черняховскому (скульптор В.Ф. Буримов). Позднее, в 1950-1970-е годы, на этом месте стоял памятник В.И. Ленину. Лишь в 1993 году в центре полукруглой части площади установили памятник И.Д. Черняховскому (скульптор Н.В. Томский), перенесенный в Воронеж из Вильнюса в связи с его демонтажем по политическим мотивам.

Архитектурный ансамбль площади Черняховского и улицы Мира, таким образом, составили: здание железнодорожного вокзала; пятиэтажные жилые дома, построенные по единому проекту с единым фасадом, обрамляющие полукруглую часть площади с торговыми помещениями в первых этажах; пятиэтажные жилые дома по обеим сторонам улицы Мира; четырехэтажные жилые дома по ул. Кольцовской; пятиэтажный жилой дом на пересечении улиц Ф. Энгельса и Университетской; памятник генералу И.Д. Черняховскому (рис. 1,2).

Рис. 1. Улица Мира, 1962 г. Фото А. Александрова

Рис. 2. Фасады жилых домов по ул. Мира. Фото из открытых источников

Парадная улица-коридор, берущая свое начало у железнодорожного вокзала в направлении Проспекта Революции, пересекалась с улицами Ф. Энгельса и Университетской (с 1964 года – Феокистова). Это пересечение в форме круга фланкировалось полукруглыми торцами домов улицы Мира (№3 и №8) и жилым пятиэтажным домом №7 с выступающей угловой частью и башенным завершением (архитектор Р.И. Шмидт). Композиционно улица Мира служит пропилями, оформляющими с одной стороны парадный въезд на привокзальную площадь, и завершается зданием железнодорожного вокзала; с другой – направляющими в сторону главной улицы Воронежа - Проспекта Революции с перспективным завершением выступающего углового объемом пятиэтажного жилого дома с башенкой (рис.3).

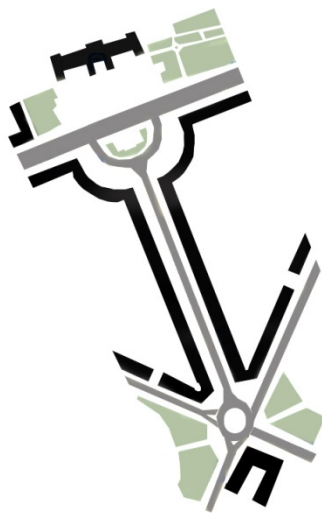

Рис. 3. Ансамбль ул. Мира и Площади Черняховского. Рисунок автора

Этот архитектурный ансамбль по своей композиционной идее можно сопоставить с архитектурным ансамблем площади Островского (до 1923 года – Театральная) и улицы Зодчего Росси (до 1923 года – Театральная) в Санкт-Петербурге, сформированным в 1828—1834 годах по проекту архитектора К.И. Росси, и считающийся одним из шедевров градостроительного искусства. Конечно, о прямой аналогии этих ансамблей говорить не приходится, но некоторые закономерности при их сравнении прослеживаются.

Известно, что К.И. Росси (1775-1849) создал ансамбль Театральной площади и одноименной улицы, на основе многовариантного проектирования. Известно 20 вариантов, главными элементами которых являлись: здание Александровского театра; площадь перед Александровским театром, выходящая на Невский проспект; улица, соединяющая с театральным зданием Чернышёв переулок, а затем и площадь (с 1948 года – площадь Ломоносова). Позднее, в 1873 году, на площади со стороны Невского проспекта установили памятник Екатерине II (скульптор М.О. Микешин) [8].

Таким образом, этот архитектурный ансамбль включал в себя ряд пространств, организованных в соответствии с единым замыслом, (площади, улица); доминирующее крупное общественное здание (Александровский театр); фоновую застройку (дома вдоль Театральной улицы и Чернышевой площади, Аничковский дворец, Публичная библиотека); произведение монументального искусства (памятник Екатерине II), выступающее в роли акцента (рис.4,5).

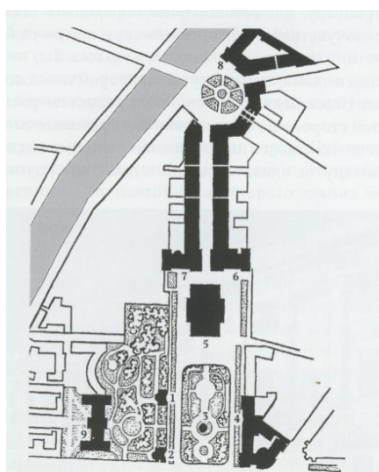

Рис. 4. Ансамбль улицы Зодчего Росси и площади Островского. Бунин А.В., Саваренская Т.Ф., «История градостроительного искусства».

Рис. 5. Улица Зодчего Росси. Фото автора

В поисках разнообразия и контрастов К.И. Росси придал Театральной площади, примыкавшей к Невскому проспекту, прямоугольную форму, отказавшись от полуциркульной ввиду того, что такой прием организации пространства был уже использован ранее А.Н. Воронихиным (1759-1814) перед Казанским собором [6].

Объединяющим художественным мотивом для застройки улицы Зодчего Росси стала ордерная система. Как отмечает доктор искусствоведения, профессор В.Г. Лисовский, улица отличается цельностью архитектурного решения, которую «формируют два протяженных здания с одинаковыми фасадами, построенными как монументальные колоннады из спаренных дорических колонн, поставленных на рустованные аркады первых этажей...» [7].

Обращает на себя внимание тот факт, что улица Зодчего Росси уникальна своим точным следованием античным канонам — её ширина равна высоте её образующих зданий (22 метра), а длина почти в десять раз больше — 218 метров. Поперечный разрез этой улицы строится на соотношении 1:1.

Длина улицы Мира в Воронеже составляет 280 м, ширина – 29 м. Высота зданий на всем протяжении этой улицы одинаковая – 18 м. Пропорции улицы Зодчего Росси составляют 1:1:10, улицы Мира – 1:0,6:9,6. Т.е., по своим пропорциям улица Мира приблизительно соответствует улице Зодчего Росси.

Выводы

Сравнительный анализ архитектурного ансамбля площади Черняховского и улицы Мира в Воронеже с архитектурным ансамблем площади Островского и улицы Зодчего Росси в Санкт-Петербурге позволяет сделать выводы об определенных сходствах в организации пространства и использовании композиционных приемов для создания выразительного архитектурного образа. Важнейшими из них являются:

1. Целостность и гармоничность архитектурного решения организации пространства.
2. Геометрическая ясность планировочной системы с ярко выраженным осевым характером.
3. Динамичность в организации пространства, развитость темы движения.
4. Формирование архитектурно-художественного образа на основе одного стиля с использованием ордерной системы и пропорций.
5. Единство художественного замысла во всех компонентах ансамбля.

Библиографический список

1. Постановление Совнаркома СССР от 1 ноября 1945 г. № 2722 «О мероприятиях по восстановлению разрушенных немецкими захватчиками городов РСФСР: Смоленска, Вязьмы, Ростова-на-Дону, Новороссийска, Пскова, Севастополя, Воронежа, Новгорода, Великих Лук, Калинина, Брянска, Орла, Курска, Краснодара и Мурманска». – ГА РФ, фонд 5446, опись 1.
2. Троицкий Н.В. Я – коренной воронежец. Воспоминания архитектора. Воронеж. Творческое объединение «Альбом», 2005. С. 208.
3. Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов: От творческих поисков к практике строительства. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 440.
4. Г.А. Чесноков. Архитектурно-планировочное развитие города Воронежа (советский период): Учеб.пособие. Воронеж. гос. арх.-строит. акад. Воронеж, 1998. С. 176.
5. Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов: От творческих поисков к практике строительства. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 440 с. - с. 43.
6. Бунин А.В. История градостроительного искусства. Рабовладельческий строй. Феодализм. Капитализм. Том 1. Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре. 1953. С. 531.
7. Лисовский В.Г. Три века архитектуры Санкт-Петербурга. Книга первая. Классический город. – Санкт-Петербург: Коло, 2021. С. 406-407.
8. Чесноков Г.А. Архитектура Воронежа: история и современность. – Министерство проф. образования Рос. Федерации. Воронеж. Государственная Архитектурно-Строительная академия Воронеж, 1999. С. 394.
9. Бунин А.В., Ильин Л.А., Поляков Н.Х., Шквариков В.А. Градостроительство: под редакцией В.А. Шкварикова. МоскваИздательство Академии архитектуры СССР, 1945. С. 327.
10. Ильин, Л.А. Ансамбль в архитектуре города. - Архитектура СССР. 1935. № 5. С. 41-50.

Bibliography list

1. PostanovleniesovnarkomaSSSRot 1 noyabrya 1945 No 2722 "OmeropriatiyahpovosstanovleniurazrushennuhnemetskimizahvatchikamigorodovRSFSR: Smolensk, Vyazma, Rostov-na-Dony, Novorossiysk, Pskov, Sevastopol, Voronezh, Novgorod, VelikiyeLuki, Kalinin, Bryansk, Orel, Kursk, KrasnodaranMurmansk". [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of November 1, 1945 № 2722 "On measures to restore the cities of the RSFSR destroyed by the German invaders: Smolensk, Vyazma, Rostov-on-Don, Novorossiysk, Pskov, Sevastopol, Voronezh, Novgorod, Velikiye Luki, Kalinin, Bryansk, Orel, Kursk, Krasnodar an Murmansk"].GA RF, fond 5446, opis 1. [State Archive of the Russian Federation, fund 5446, inventory 1.] (in Russian)
2. Troitsky N.V. Yakorennoivoronezhets. Vospominaniaaarchitectora. [I am a native Voronezh. Memories of an architect]. Tvorcheskoeob'edinenie "albm". [Creative association "Album"]. Pp. 107. (in Russian)
3. Kosenkova Y.L. Sovetskygorod 1940-h – pervoipolovini 1950-h: Ottvorcheskihpoiskov k praktikestroitelstva. [Soviet city of the 1940s – first half of the 1950s: From creative pursuits to the practice of construction]. Knizhnui Dom Librocom. [Book House "Librocom"]. 2009. Pp 440. (in Russian)
4. Chesnokov G.A. Architecturno-planirovochnoerazvitiigoroda (sovetsky period). [Architectural and planning development of the city of Voronezh (Soviet period)].

Ychebnoeposobie. Voronezhskayagos. Architecturno-stroitel'naya academia. [Textbook. Allowance. Voronezh state architect-builds academy]. Voronezh. 1998. Pp. 176. (in Russian)

5. Kosenkova Y.L. Sovetskygorod 1940-h – pervoipolovini 1950-h: Ottvorcheskihpoiskov k praktikestroitelstva. [Soviet city of the 1940s – first half of the 1950s: From creative pursuits to the practice of construction]. Knizhnui Dom Librocom. [Book House “Librocom”]. 2009. Pp 43. (in Russian)

6. Bunin A.V. Istoriagradostroitelstva. Rabovladelcheskystroi. Feodalism. Kapitalism. [History of urban planning. Slave system. Feudalism. Capitalism].Tom 1. Gosudarstvennoeizdatelstvopostroitelstvyy I architecture. [Volume 1. State publishing house of literature on construction and architecture]. 1953, Pp. 531. (in Russian)

7. Lisovsky V.G. Tri vekaarkitektury Sankt-Peterburga. [Three centuries of Saint-Petersburg architecture]. Knigaodin. Klassicheskygorod. [Book one. Classic city. St. Petersburg]. Kolo, 2021 . Pp. 406-407. (in Russian)

8. Chesnokov G.A. ArchitecturaVoronezha: Istorija I sovremennost. [Architecture of Voronezh. History and modernity. MinisterstvoprofessionalnogoobrazovaniaRossiiskoiFederacii. Voronezh.Gosudarstvennayaarchitecturno-stroitel'naya academia. 1999. Pp 394. (in Russian)

9. BuninA.V., IliinL.A., PolyakovN.H., ShkvarikovV.A. GradostroitelstvopodredakcieiShkvarikovaV.A. [UrbanplanningeditedbyShkvarikovV.A.] IzdatelstvoAcademii architecture SSSR. [Publishing house of academy of architecture USSR] 1945. Pp. 327. (in Russian)

10. Iliin L.A. Anseml v architecture goroda. [An Ensemble in the architecture of the city]. Architectura SSSR. [Architecture USSR] .1935. No 5. Pp. 41-50.

FORMATION OF THE ARCHITECTURAL ENSEMBLE OF CHERNYAKHOVSKY SQUARE AND WORLD STREET IN VORONEZH

A.E. Barsukova

Barsukova A.E. senior lecturer of the department of Design, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

Statement of the problem. The article is devoted to the restoration of Voronezh, as one of the most destroyed cities in the country during the Great Patriotic War, based on the implementation of the principle of ensemble construction.

The features of the formation of Mira Street in an ensemble with Chernyachovsky Square are considered. A comparative analysis was carried out with the formation of the Rossi street ensemble in St.Petersburg.

Results and conclusion. A comparative analysis of the architectural ensemble of Chernyakhovsky Square and Mira Street in Voronezh with the architectural ensemble of Ostrovsky Square and Architect Rossi Street in St. Petersburg allows us to draw conclusions about certain similarities in the organization of space and the use of compositional techniques to create an expressive architectural image.

Keywords: architectural ensemble, planning structure, order system, architectural and artistic image, volumetric composition.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ СКУЛЬПТУРЫ

Д.А. Корнилова, А.М. Переславцев, В.И. Кучерявых

Корнилова Д.А., бакалавр по направлению «архитектура» кафедры теории и практики архитектурного проектирования, ВГТУ, Россия, Воронеж, тел. +7(952)540-54-82, e-mail:kornil0wa.d@gmail.com
Переславцев А.М., доцент кафедры основ проектирования и архитектурной графики, ВГТУ, Россия, Воронеж, тел. +7(473)236-94-90
Кучерявых В.И., старший преподаватель кафедры основ проектирования и архитектурной графики, ВГТУ, Россия, Воронеж, тел. +7(473)236-94-90

Постановка задачи: В статье осуществляется исследование скульптуры как формы искусства через призму философской антропологии. Основоположник этого направления, М. Шелер, предложил концепцию, разделяющую историю на периоды, в течение которых европейцы исследуют свою самоидентификацию.

Результаты и выводы: Рассмотрев древнегреческую и готическую религиозную скульптуру с точки зрения философской антропологии, автор статьи делает попытку ответить на вопрос – какие аспекты сущности человека раскрывают вышеуказанные виды скульптуры.

Ключевые слова: Философская антропология, философия Вильгельма Дильтея, философ Макс Шелер, Античность искусство Древней Греции.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «философская антропология» имеет две коннотации: широкую и узкую. В широком смысле подразумевается философское учение о сущности человека: «Философская антропология есть ... исследование структур специфически человеческого опыта мира, предполагающее его критическое прояснение и обоснование»¹.

Основная часть

Согласно философской антропологии, человек представляет собой больше чем биологическое существо, он является носителем разума, свободы воли и духовности.

Это учение пытается объяснить, каким образом человек комбинирует в себе материальное и духовное начала, как он формирует и развивает свое мировоззрение. То есть философская антропология занимается глубоким исследованием человеческой природы, изучая как внутреннее устройство индивида, так и его взаимосвязь с окружающим миром. Этот раздел философии стремится концептуализировать то, что составляет сущность человека. Через анализ базовых форм взаимодействия человека с миром, философская антропология пытается ответить на вопросы о том, что именно делает *Homosapiens* людьми во всем многообразии бытия.

В узком смысле – это философское направление, имеющее в своей основе идеи В. Дильтея и Э. Гуссерля.

Главной философской проблемой, с которой сталкивается Гуссерль, является человек, и именно вокруг этой проблемы строится вся его трансцендентальная философия.

Что касается Дильтея, то очень часто его имя не фигурирует, когда идет речь о предпосылках формирования философской антропологии как направления. Философия Вильгельма Дильтея возымела значительное влияние на европейскую философию, представляя собой оригинальный подход к философской антропологии. Дильтей не придерживался иррационалистических установок, как часто ошибочно считается, а скорее предлагал новый взгляд на человеческое бытие.

¹ Малахов, В. С. Философская антропология / В. С. Малахов [Текст] // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Научно-ред. совет: предс. В. С. Степин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов/Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд. — Москва: Мысль, 2010. — С. 241–245. С. 241

В его философии центральное место занимает понимание жизни через саму себя, без поиска готовых рационалистических объяснений. Дильтея интересовала именно жизнь в ее многообразии проявлений и феноменов, а не абстрактные идеи о вечных сущностях. Его подход можно назвать скорее жизненно-утопическим, чем иррационалистическим, так как он утверждал, что истина и ценность жизни проявляются в самом бытии, в каждом моменте ее течения. В его философии отсутствует стремление к абсолютному знанию или абсолютным истинам, что отличает его от классического рационализма и иррационализма. Тем не менее, его внимание к некоторой иррациональности человеческой сущности лишь расширяет понимание природы человека.

Школа философской антропологии ставила своей целью формирование объединенной теории о человеческом существе, которая включала бы анализ и интерпретацию данных из разнообразных областей науки, включая психологию, биологию, социологию, этологию, а также элементы религиозных учений и других дисциплин. То, что она начала развиваться с 20-х годов XX века объясняется эволюцией понимания человеческой природы, «расколдовыванием мира» после Первой мировой войны: «Судьба нашей эпохи с характерной для неё рационализацией и интеллектуализацией и прежде всего расколдовыванием мира заключается в том, что высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сферы или в братскую близость непосредственных отношений отдельных индивидов друг к другу»².

Основоположителем направления считается немецкий философ Макс Шелер: «М. Шелер обозначал философскую антропологию, как дисциплину и ее место в системе знания еще тогда, когда она таковой, наверное, еще не стала»³.

Макс Шелер выделил философскую антропологию как самостоятельное направление в структуре научного знания. Определяя эту область, Шелер формулировал ее ключевые задачи и объекты изучения, указывая на уникальность антропологического подхода в философии: «Но между метафизикой пограничных проблем математики, физики, биологии ... и метафизикой абсолютного стоит еще одна важная дисциплина ... «философская антропология». Ее главный вопрос ... – «Что такое человек?»⁴.

Макс Шелер в своих исследованиях определил три основные категории, в рамках которых европейцы осмысливают самоидентификацию. Специфическое внимание уделено культурным особенностям восприятия себя. Одной из ведущих категорий является та, что базируется на иудейско-христианской доктрине, в частности на концепции первородного греха и его влияния на дальнейшее развитие и восприятие человеческой природы в духовном измерении.

Вторая группа представлений связана с античной традицией. Античная философия уделяет особое внимание самосознанию человека, поднимая его положение до уровня, где «разум», «логос», и «благоразумие» стали неотъемлемой частью его сущности. Здесь закладываются основы того, что делает человека человеком, отличая его от других живых существ.

Третий круг размышлений открывает возможность увидеть человека не только как индивидуальное существо, но и как часть более обширной системы, где каждый элемент имеет свое место и значение. В XX веке, этот вопрос активно исследовался в рамках различных философских направлений и дисциплин. Исследователи пытались определить, какие именно аспекты человеческой жизни являются ключевыми для понимания его сущности, и как эти аспекты могут быть объяснены с философской точки зрения.

² Вебер М. Наука как призвание и как профессия. Избранные произведения/Пер. с нем. Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко; Коммент. А.Ф. Филиппова [Текст] / М. Вебер — Москва: Прогресс, 1990 — 804 с. С. 726

³ Выжлецов, П. Г. Философская антропология: учеб.-метод. пособие / П. Г. Выжлецов. – СПб.: ГУАП, 2021. – 156 с. С. 3

⁴ Шелер М. Избранные произведения / Пер. Денежкина А. В., Малинкина А. Н., Филиппова А. Ф. [Текст] / М. Шелер — Москва: Издательство «Гнозис», 1994 — 490 с. С. 11.

дать только он, то ... основным определением «духовного» существа станет его экзистенциальная несвязанность, свобода, отрешенность его – или его центра существования – от принуждения, от давления, от зависимости от органического, от «жизни» ... и от ..., связанного с влечениями интеллекта. Такое «духовное» существо ... не привязано к влечениям и окружающему миру, но «свободно от окружающего мира» и, ..., «открыто миру»⁵.

Поэтому мы попробуем найти. В рамках современной научной мысли выделяется понятие третьего круга, которое представляет собой концепцию, согласно которой человек – это продукт долгого эволюционного процесса Земли. Он отличается от всех предшествующих форм жизни и занимает особое место в природе.

Важно понимать, что между тремя группами идей, выделенных Шелером нет единства и они представляют различные этапы в развитии человеческого мышления и научных представлений о мире.

Шелер выдвигает идею о том, что особое положение человека в мире связано не с интеллектом, способностью к выбору, самой жизнью, а с духом. Примечательно, что философ вообще противопоставляет дух жизни: «То, что делает человека человеком, есть принцип, противоположный всей жизни вообще»⁶.

Через эти указанные группы представлений можно рассмотреть и проанализировать такое направление искусства как скульптура.

Искусство, в целом, представляет собой уникальный способ выражения, который позволяет человеку раскрыть свою сущность в полном объеме. В отличие от специализированных наук или конкретных видов деятельности, где акцентируется внимание на отдельных аспектах личности, искусство дает возможность проявить целиком идею «человека». В нем есть тот главный принцип, который, по мнению Шелера, раскрывает сущность человеческой природы: «Но что же такое этот «дух», этот новый ... принцип? Если главным в понятии духа сделать ... познавательную функцию, род знания, которое может указанный им принцип в скульптуре двух эпох, которые он выделил как категории в рамках которых европейцы осмысливают самоидентификацию – Античности и Средних веков. Выбор этих двух эпох связано с тем, что они противоположны друг другу. Античность провозглашает антропоцентризм и культурный поворот к идее самостоятельности человека: «Критомикенская государственность была первой в истории человечества «вещью в себе», которую пираты-ученые начисто перевели на строительство «людей-государств» – целостных, всесторонне развитых и обладающих гражданской доблестью личностей»⁷.

В рамках религиозной картины мира европейского Средневековья антропоцентризм был отвергнут и на первое место вышли отношения человека с Богом.

В контексте изучения скульптуры с точки зрения философской антропологии, важно остановиться на совокупности вышеуказанных греко-античных представлений о человеке, т.к. именно античные мастера создали шедевры скульптуры, известные всему человечеству

В период с V по IV век до нашей эры греческая цивилизация достигла вершин своего культурного развития, став одной из наиболее продвинутых культур древности. Особенность этой культуры заключалась в уникальном синтезе философии, литературы и искусства, которые вместе формировали гармоничную и целостную систему. Это сочетание не только способствовало культурному процветанию, но и оказало значительное влияние на последующие поколения, оставив богатое наследие для изучения. Греческая культура того времени является ярким примером того, как различные культурные аспекты могут дополнять друг друга, создавая обогащенную и многогранную цивилизацию.

⁵ Там же, с. 18

⁶ Шелер М. Избранные произведения / Пер. Денежкина А. В., Малинкина А. Н., Филлипова А. Ф. [Текст] / М. Шелер — Москва: Издательство «Гнозис», 1994 — 490 с с. 19

⁷ Петров, М.К. Пираты Эгейского моря и личность // Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. – Москва: РОССПЭН. 1995. – 240 с. С. 232

В древнегреческой культуре особое внимание уделялось изображению человеческого тела, что отражало глубокие философские убеждения того времени. Тело воспринималось не просто как физическая форма, а как отражение духовной сущности и существующих в обществе моральных ценностей. Это превращало искусство в своего рода зеркало, в котором отображались идеалы и стремления людей той эпохи. Со временем, культ человеческого тела стал символом красоты и гармонии, что подчеркивало его значимость как в художественных, так и в общекультурных аспектах древнегреческой цивилизации. Культура древней Греции была основана на концепции гармонии, которая является ключевым элементом её каноничности. Гармонию античного мира можно увидеть в скульптурах, которые отображают идеал человеческого тела, передаваемый через века. А.Ф. Лосев описал это как «телесную интуицию», подчеркивая, что древние видели мир через призму красоты и совершенства человеческой формы, что стало основополагающим для их восприятия вселенной.

Искусство Древней Греции славится своими достижениями в скульптуре, где человеческая фигура играла центральную роль, ведь человек считался мерой всех вещей. Такие мастера как Мирон и Фидий одновременно воплощали в своих произведениях физическую точность, и стремились передать эмоциональную наполненность и энергетику своих персонажей.

В середине пятого века до нашей эры, Мирон из Элевтер, известный своими приятельскими отношениями с философом Гераклитом, достиг вершины своего творчества как один из выдающихся скульпторов Греции. Вошедший в историю со своими новаторскими подходами в скульптуре, особенно в работе с бронзой, Мирон создал множество произведений. Несмотря на это, оригинальные работы не сохранились, поскольку их бронзу римляне переплавили в период упадка античного мира. Со временем, только несколько мраморных копий, выполненные римскими скульпторами, остались в качестве свидетельства его мастерства. Одним из самых знаменитых его творений является статуя «Дискобол», созданная между 460 и 450 годами до н. э.

Мирон прославился благодаря «Дискоболу», который изображает атлета в момент броска. Эта скульптура выделяется умением передать динамичность и ритм движения, что делает фигуру живой и наполненной движением.

Создание Мирона, скульптура «Дискобол», является воплощением философии Гераклита о борьбе противоположностей, где дисгармония становится источником гармонии. Этот артефакт иллюстрирует сложные идеи через визуально понятные формы, что позволяет зрителям проникнуть за фасад внешней привлекательности и оценить более глубокие, универсальные значения. Греческий мастер сумел выразить через асимметрию и непрямолинейность статуи (предположительно Аполлона), что противоречия могут сосуществовать в гармонии. В каждом элементе своего творения Мирон тщательно продумал позиционирование, чтобы зрители могли переходить от восхищения формой к осмыслению содержания. Кроме того, некоторые исследователи считают, что фигура Дискобола демонстрирует представления древних греков о мироздании: «Скульптура символизирует один из вариантов античной картины мира, а именно вариант гелиоцентрической системы»⁸.

Фидий, с другой стороны, отличался своей универсальностью в выборе материалов. Он работал с гипсом, камнем, бронзой, серебром, золотом, деревом, мрамором и даже слоновой костью. Его способность адаптировать различные материалы позволяла создавать великолепные и монументальные произведения, такие как его знаменитая статуя Афины. Эта скульптура, высотой почти 40 футов, была выполнена из гипса с элементами из слоновой кости и украшена чистым золотом, что делало её великолепной как с художественной, так и с инженерной точки зрения.

В Средние века происходит трансформация цели скульптурного творчества: «Для античности характерна фиксация чувственно-материального космоса; таковой же является и

⁸ Жуковский, В. И., Пивоваров, Д. В. «Дискобол» Мирона как репрезентант диалектики Гераклита [Текст] / В. И. Жуковский, Д. В. Пивоваров // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2015. — № 1. — С. 142-147 С. 147

ее диалектика. На место подобного вещественно-телесного понимания диалектики в эпоху средневекового феодализма приходит личностная интуиция, причем личность мыслится лишь в своем абсолютном и надмировом состоянии»⁹.

Образцом скульптуры, в полной мере отражающей европейские религиозные представления Средневековья, является готическая скульптура. Она родилась в тесной связи с архитектурой — в результате украшения великих соборов и других религиозных сооружений. Величественные здания соборов в некотором смысле «включают» в себя фигуры людей и этот факт отражает второстепенное положение индивидуальности человека в религиозной культуре той эпохи. Соборы в этом контексте – в хронологическом и в символическом смыслах первостепенны, т.к. в широком смысле символизируют Церковь: «вместе с появлением «готического» искусства происходит переход от знаково-образного изображения к изображению чувственно-наглядному. Раньше живописи этот переход совершается в скульптуре, особенно в скульптурном орнаменте. Но еще раньше, чем в скульптуре, подобный процесс свершается в церковном здании»¹⁰.

В готической скульптуре часто можно увидеть изображения святых, апостолов и библейских сцен, которые наполнены символикой и глубоким смыслом.

Работы мастеров готической скульптуры часто ассоциируются с величественными соборами, где каждая фигура, каждая деталь наполнены особым величием. Взгляд на эти скульптуры погружает зрителя в атмосферу духовности и преданности Богу, открывая перед зрителем совокупность религиозных убеждений Средневековья.

Рассмотрим скульптуры, расположенные на фасадах Собора Парижской Богоматери, ярчайшим образом символизирующим готическую архитектуру. Собор Парижской Богоматери включает в себя элементы, которые подчеркивают его религиозное предназначение (рис. 1).

Рис. 1. Элемент Собора Парижской Богоматери.

Таковыми элементами являются скульптуры, расположенные на свинцовой крыше вокруг центрального шпиля. Этот ансамбль состоит из бронзовых изображений двенадцати апостолов и четырех фигур тетраморфов, символизирующих евангелистов – Марка, Луку, Иоанна, Матфея.

⁹ Лосев, А. Ф. Дерзание духа [Текст] / А. Ф. Лосев — Москва : Издательство политической литературы, 1989 — 369 с. С. 136

¹⁰Зедльмайер Х. Возникновение собора. Глава 169 «От макрокосмического «образа» к микрокосмическому. «Картина»/Пер. Ванеян С.С. [Текст] // Храм земной и небесный / Сост. и автор предисл. Ш.М. Шукуров. Вып. 2. — М.: Прогресс-Традиция, 2009. — С. 586-588. (С. 586-587)

Расположение и выбор этих скульптур неслучайны, они подчеркивают и углубляют религиозную символику, заложенную в архитектуре собора.

Тетраморфы, представляющие собой символические изображения четырех евангелистов, каждый из которых имеет свое уникальное изображение – лев, бык, орел и ангел, являются ключевым элементом в христианской иконографии и акцентируют внимание зрителя на всемирно-исторической миссии Церкви.

То есть скульптурный ансамбль на крыше Собора Парижской Богоматери и украшает здание, и одновременно с этим является визуальным воплощением его духовной сущности. Эти артефакты играют важную роль в поддержании и передаче религиозных традиций, делая собор и местом поклонения, и центром культурного и духовного наследия. Наличие таких элементов подчеркивает неразрывную связь между религией и искусством, что особенно важно для понимания общечеловеческих ценностей и истории.

Стоит обратить внимание на архитектурное наследие Страсбургского собора, в частности на Столп ангелов, воздвигнутый в южном крыле транспта в период с 1225 по 1230 годы. Этот архитектурный элемент представляет собой сложную композицию фигур, олицетворяющих различные аспекты темы Страшного суда.

Изучая верхнюю часть Столпа ангелов, мы можем заметить небольшую группу фигур под ногами Христа Судии. Эти фигуры не разделены на «праведные» и «грешные» души, а представляют собой единый и семиотически цельный образ (рис.2).

Рис. 2. Часть Столпа ангелов.

На нижнем ярусе Столпа ангелов изображены четыре евангелиста со свитками Евангелий. На среднем ярусе представлены четыре ангела с трубами, возвещающие наступление Судного дня. В верхней части же высится фигура Спасителя и три ангела, держащие атрибуты Страстей. Этот богатый смысловой контекст делает Столп ангелов одним из наиболее впечатляющих элементов внутреннего убранства собора.

В соборе представлены три портала, каждый из которых символизирует один из аспектов нефа. Левый портал воплощает начало пути Христа, центральный портал отражает его жертвенное искупление, а правый портал напоминает о Страшном суде. Архитектурная композиция собора включает в себя изящные колонны, шпили и арки, создающие изящную декоративную оболочку. Скульптурные работы на порталах принадлежат периоду конца XIII века и отличаются высоким уровнем реализма, схожим со скульптурой Реймского кафедрального собора, созданной между 1250 и 1260 годами.

В качестве заключения надо отметить, что изучение античной традиции в рамках философской антропологии занимает ключевое место, поскольку греко-римские мастера

оставили после себя наследие, которое одновременно продолжает вдохновлять современников и служит важнейшим источником знаний о древних концепциях человеческой сущности.

Интеграция греко-античных представлений о человеке в контекст современных антропологических исследований позволяет расширить понимание развития человеческой культуры, а также обогатить теоретическую базу философской антропологии. Этот аспект исследования представляет собой важное звено в цепи понимания человеческой идентичности, прослеживаемой через искусство разных времен.

Специфика античного искусства заключается в том, что через скульптуру древние художники стремились передать идеалы красоты и гармонии, которые воплощались в изображениях богов и героев. Эти изображения являются отражением философских представлений о человеке и его месте в мире. В античной скульптуре находит свое выражение поиск идеального человека, его духовных и физических качеств.

В средневековой Европе, где религия играла доминирующую роль в жизни общества, мироощущение людей отличалось от современного. Преобладал теоцентризм, согласно которому центром Вселенной считалась не человеческая личность, а Бог. Это фундаментальное отличие от антропоцентрического взгляда Античности, который ставит человека в центр мироздания. В рамках религиозной картины мира, которая была распространена в средневековой Европе, антропоцентризм не находил поддержки. Основные учения и философия того времени подчеркивали смирение перед Богом и предопределённость человеческой судьбы. Поэтому скульптура этой эпохи отвечает ощущению человека себя лишь незначительной частью большего: скульптура вписана в религиозную архитектуру как человек в систему мироздания.

Библиографический список

1. Вебер М. Наука как призвание и как профессия. Избранные произведения/Пер. с нем. Сост., общ.ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденоко; Комментар. А.Ф. Филиппова [Текст] / М. Вебер — Москва: Прогресс, 1990 — 804 с.
2. Выжлецов, П. Г. Философская антропология: учеб.-метод. пособие / П. Г. Выжлецов. — СПб.: ГУАП, 2021. — 156 с.;
3. Жуковский, В. И., Пивоваров, Д. В. «Дискобол» Мирона как репрезентант диалектики Гераклита [Текст] / В. И. Жуковский, Д. В. Пивоваров // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2015. — № 1. — С. 142-147;
4. Зедльмайер Х. Возникновение собора. Глава 169 «От макрокосмического «образа» к микрокосмическому. «Картина»/Пер. Ванеян С.С. [Текст] // Храм земной и небесный / Сост. и автор предисл. Ш.М. Шукуров. Вып. 2. — М.: Прогресс-Традиция, 2009. — С. 586-588;
5. Лосев, А. Ф. Дерзание духа [Текст] / А. Ф. Лосев — Москва : Издательство политической литературы, 1989 — 369 с.;
6. Малахов, В. С. Философская антропология / В. С. Малахов [Текст] // Новая философская энциклопедия: В 4 т./ Научно-ред. совет: предс. В. С. Степин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов/Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд. — Москва: Мысль, 2010. — С. 241–245;
7. Петров, М.К. Пираты Эгейского моря и личность // Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. — Москва: РОССПЭН. 1995. — 240 с.;
8. Шелер М. Избранные произведения / Пер. Денежкина А. В., Малинкина А. Н., Филиппова А. Ф. [Текст] / М. Шелер — Москва: Издательство «Гнозис», 1994 — 490 с.

Bibliography list.

1. Weber M. Science as a vocation and as a profession. Selected Works/Trans. with him. Comp., total. ed. and after. Yu.N. Davydova; preface P.P. Gaidenko; Comment. A.F. Filippova [Text] / M. Weber - Moscow: Progress, 1990 - 804 p.
2. Vyzhletsov, P. G. Philosophical anthropology: educational method. allowance / P. G. Vyzhletsov. – St. Petersburg: GUAP, 2021. – 156 p.;
3. Zhukovsky, V. I., Pivovarov, D. V. Myron's "Discobolus" as a representative of the dialectic of Heraclitus [Text] / V. I. Zhukovsky, D. V. Pivovarov // Intellect. Innovation. Investments. - 2015. - No. 1. - P. 142-147;
4. Sedlmeier H. The emergence of the cathedral. Chapter 169 "From the macrocosmic "image" to the microcosmic. "Picture"/Trans. Vaneyan S.S. [Text] // Temple of earth and heaven / Comp. and the author of the foreword. Sh.M. Shukurov. Vol. 2. - M.: Progress-Tradition, 2009. - P. 586-588
5. Losev, A. F. Daring of the spirit [Text] / A. F. Losev - Moscow: Political Literature Publishing House, 1989 - 369 p.;
6. Malakhov, V. S. Philosophical anthropology / V. S. Malakhov [Text] // New philosophical encyclopedia: In 4 volumes / Scientifically ed. advice: pres. V. S. Stepin, deputy chairmen: A. A. Guseinov, G. Yu. Semigin, student. secret A. P. Ogurtsov/Institute of Philosophy RAS, Nat. general-scientific fund. - Moscow: Mysl, 2010. - P. 241–245;
7. Petrov, M.K. Pirates of the Aegean Sea and personality // Petrov M.K. Art and science. Pirates of the Aegean Sea and personality. – Moscow: ROSSPEN. 1995. – 240 p.;
8. Sheler M. Selected works / Trans. Denezhkina A.V., Malinkina A.N., Fillipova A.F. [Text] / M. Sheler - Moscow: Gnosis Publishing House, 1994 - 490 p.

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY OF SCULPTURE

D.A. Kornilova, A.M. Pereslavytsev, V.I. Kucheryavykh

Kornilova D.A., Bachelor in "Architecture", Department of Theory and Practice of Architectural Design, VSTU, Russia, Voronezh, tel. +7(952)540-54-82, e-mail: kornilowa.d@gmail.com

Pereslavytsev A.M., Associate Professor, Department of Fundamentals of Design and Architectural Graphics, VSTU, Russia, Voronezh, tel. +7(473)236-94-90

Kucheryavykh V.I., senior lecturer of the department of fundamentals of design and architectural graphics, VSTU, Russia, Voronezh, tel. +7(473)236-94-90

Statement of the problem: The article studies sculpture as an art form through the prism of philosophical anthropology. The founder of this trend, M. Scheler, proposed a concept that divides history into periods during which Europeans explore their self-identification.

Results and conclusions: Having examined ancient Greek and Gothic religious sculpture from the point of view of philosophical anthropology, the author of the article makes an attempt to answer the question - what aspects of human essence are revealed by the above types of sculpture.

Key words: Philosophical anthropology, philosophy of Wilhelm Dilthey, philosopher Max Scheler, Antiquity, art of Ancient Greece.

ЗДАНИЯ И СООРУЖЕНИЯ, ТВОРЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ АРХИТЕКТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК727.64(1-87)

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РАЗРАБОТКА ОРАНЖЕРЕЙНОГО КОМПЛЕКСА НА ОСНОВЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Е.В. Кокорина, А.Е. Орлова

Кокорина Е.В., канд. архитектуры, доцент кафедры теории и практики архитектурного проектирования, ВГТУ, Россия, Воронеж, тел. +79204084641, e-mail: lenakokorina@mail.ru

Орлова А.Е., бакалавр по направлению «архитектура» кафедры теории и практики архитектурного проектирования, ВГТУ, Россия, Воронеж, тел. +79186021995, e-mail: orlova.anastasia2016@yandex.ru

Постановка задачи. Провести анализ оранжерей разных стран мира: Россия, Сингапур, Южная Корея, Англия, Бельгия, Бразилия, Шотландия. На основе выбранных примеров выделить главные особенности проектирования оранжерейных комплексов и предложить концепцию уникального оранжерейного комплекса в городе Воронеже.

Результаты и выводы. Оранжерейные объекты сегодня представляют собой особый типологический ряд и относятся к категории объектов с развитой функциональной структурой. Были выявлены основные структурные и композиционные особенности проектирования оранжерейных комплексов на основе анализа примеров отечественного и зарубежного опыта.

Представлена разработка концепции уникального оранжерейного комплекса в городе Воронеже с развитой архитектурно-пространственной, культурно-просветительской, научно-образовательной и экскурсионно-туристической функциями.

Ключевые слова: архитектура, оранжерея, оранжерейный объект, оранжерейный комплекс, концепция.

Введение

История формирования оранжерейных объектов начинает свое развитие с XIV века в Европе, когда впервые во Франции появились оранжереи, что было связано с сохранением теплолюбивых плодовых растений в зимний период [2]. Постепенно тема развития оранжерейных объектов ботанического садоводства в контексте формирования структуры городского пространства [3] и пригородов находит отражение не только в Европе, но и получает развитие с начала XVIII века в Российских городах, например, в Санкт-Петербурге [4; 28], Москве.

Сегодня актуальность темы концептуального развития оранжерейных комплексов связана с необходимостью воссоздания исторических оранжерейных объектов «оранжереи различного функционального назначения, оранжерейные комплексы, оранжереи зимних садов», как отмечает в своем исследовании О.А. Белоусова [2], и с проектированием новых современных оранжерейных комплексов. Спецификой оранжерейных сооружений можно назвать их способность создавать оптимальные условия для растений, не способных развиваться в условиях того или иного внешнего климата. С точки зрения архитектурной конструкции оранжерея – это каркасное сооружение со сплошным остеклением, где поддерживается постоянный режим температуры, влажности и освещения.

Отечественный опыт проектирования

Концепция Фондовой оранжереи Ботанического сада им. Н.В. Цицина в Москве (рис. 1) заложена в организации пространства данного объекта, которое делится на несколько экспозиционных зон, которые соответствуют определенному климату и расположены согласно географическому принципу. Функциональные зоны включают: тропики Старого и Нового света, сухие субтропики, влажные субтропики. Отличительными особенностями новой оранжереи являются: автоматизированная система контроля климата, система дождевания и туманообразования, что обеспечивает моделирование уникальных естественных условий.

©Кокорина Е.В., Орлова А.Е., 2024

«Сооружение «Фондовой оранжереи Главного Ботанического сада РАН им. Н.В. Цицина» создавалось по специальному проекту с привлечением ведущих институтов РФ и Финляндии и представляет собой сложную светопрозрачную оболочку из стеклопакетов с энергосберегающими свойствами на металлическом каркасе» [25].

Одним из старейших садов является Ботанический сад Петра Великого Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН, который находится в Санкт-Петербурге. Парковая часть имеет площадь 16,7 га и включает в себя территории зеленых насаждений, газонов и цветников.

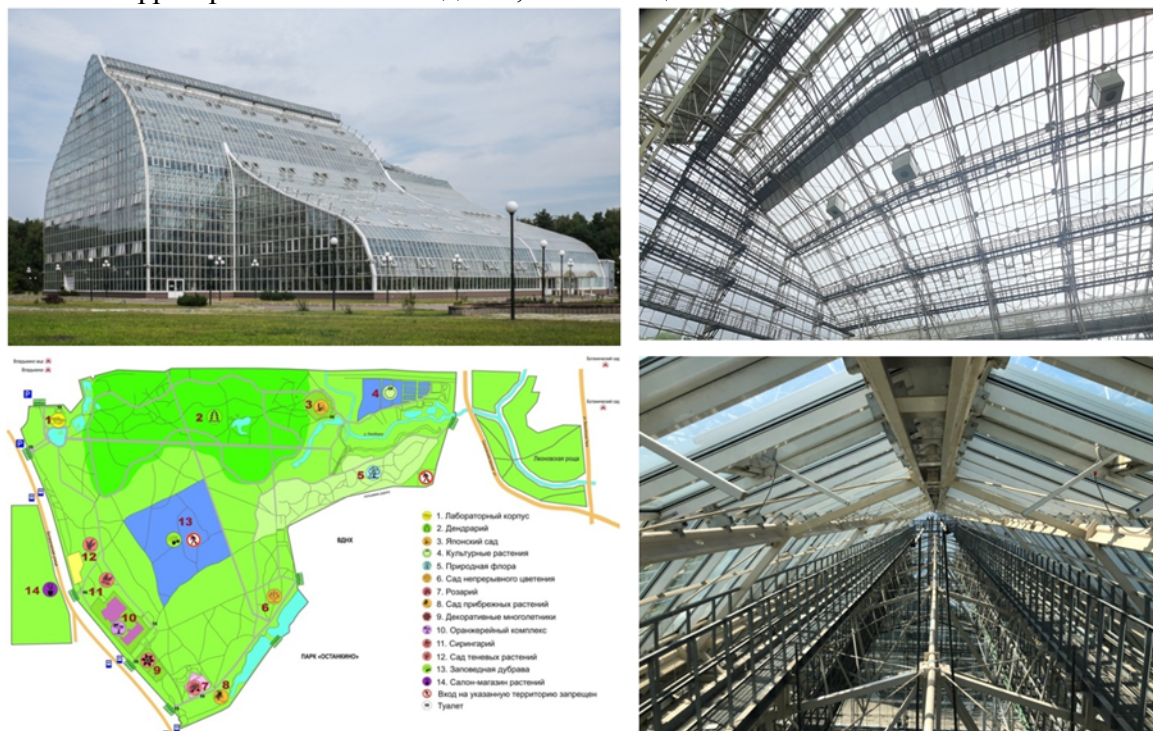

Рис. 1. Фондовая оранжерея Ботанического сада им. Н. В. Цицина РАН, Москва, 2009 г. Вид на здание Новой оранжереи. Конструкции здания. План-схема территории. Арх.: Л.А. Ильчик [27].

Парк разбит на 145 коллекционных участков, каждый из них несет в себе конкретную функцию и имеет определенный набор растений: иридарий, сад непрерывного цветения, альпийские горки, розарий, японский сад и т.д. «Сад по планировочному решению можно разделить на три района: восточный, центральный и западный» [21] (рис. 2). Восточная часть - самая большая и старая, поэтому она «сохранила историческую регулярную планировку, предусматривающую деление на квадраты, образованные пересекающимися под прямым углом аллеями» [21]. На их пересечении расположен Овальный пруд с водными растениями. В центральной части Ботанического сада находятся каменистые сады (альпийские горки), где представлены коллекции травянистых многолетних растений. Западная часть сада имеет пейзажную планировку. «Ее основной композиционной осью является главная аллея, ведущая от входа в Ботанический сад к зданию гербария и библиотеки» [21].

Важной составляющей Ботанического сада является оранжерейный комплекс, который состоит из 28 оранжерей. Они представляют собой систему нескольких сооружений, которые соединены между собой переходами. Общая площадь оранжерей составляет около 1 га. Для посетителей было сформировано три маршрута: субтропический, тропический и водный. В субтропический маршрут включены 1-8 оранжереи. Большое значение имеет оранжерея №1 – Большая субтропическая оранжерея (рис. 2), которая была перенесена из Таврического сада в 1930-1935 гг. В них представлены коллекции субтропических растений, растения Средиземноморья, Южной Африки, Северной и Южной Америки, Юго-Восточной Азии, Австралии и Новой Зеландии. В тропический маршрут входят 15-21 оранжереи. Здесь находятся растения засушливых областей Африки и Америки, саванн, муссонных лесов и влажного тропического пояса. Водный маршрут насчитывает три оранжереи: Большая пальмовая (рис. 2),

Мангровая и Викторная оранжереи (рис. 2). Большая пальмовая оранжерея – «это самая высокая оранжерея, вся построена из стекла (и железа), имеет массу света. Здесь свободно помещаются самые крупные пальмы и бамбуки. Для защиты от излишнего света устроены особые жалюзи... Внутри оранжереи на значительной высоте проходит железная галерея с двумя поперечными ходами, откуда можно осмотреть сверху всю оранжерею» [7]. По форме все здания разнообразны - от лаконичных и строгих форм до пластичных и оригинальных. Объекты вписаны в окружающую среду с учетом бережного отношения к существующим зеленым насаждениям.

Рис. 2. Ботанический сад Петра Великого Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН, Санкт-Петербург, 1714 г. План Ботанического сада. Большая субтропическая оранжерея. Большая пальмовая оранжерея. Викторная оранжерея. Арх.: И. И. Шарлемань, Д. И. Висконти, К. Я. Соколов, И. С. Китнер, Н. И. де Рошфор, Н. В. Смирнов, А. И. Дитрих [17; 18].

Таврический сад в Санкт-Петербурге, который является памятником садово-паркового искусства, занимает площадь в 21,1 га. Архитектурный ансамбль потемкинского Таврического дворца включал в себя расположенный за ним парк и пальмовую оранжерею в северо-западном углу территории. Проект оранжереи был заложен одновременно с дворцом и выполнен английским садовым архитектором Вильямом Гульдом в 1782 году. Однако «в 1928–1930 годы оранжерея пришла в аварийное состояние, была разобрана и переведена в Ботанический сад, где и находится в настоящее время» [23]. На её месте в 1935 году была установлена новая оранжерея бывшего царского садоводства в Царском Селе, спроектированная архитектором А.Р. Бахом в 1901 году (рис. 3). Во время войны она очень сильно пострадала, и только после реконструкции в 1977 году в оранжерее открылся выставочный зал «Цветы». «С применением металлоконструкций появляются монументальные оранжерейные объекты с плавными формами, определенными двухъярусной несущей конструкции с криволинейным очертанием (Таврический сад)» [2]. Оранжерея Таврического сада представляет собой стеклянное симметричное сооружение, которое имеет каркас в качестве металлических арочных конструкций. План состоит из трех частей: 1 – вестибюльная зона, 2 – зона оранжереи с пальмами и другими растениями тропиков и субтропиков, 3 – зона мраморного фонтана (рис. 3).

Сибирский ботанический сад ТГУ в Томске был основан в 1880 году (рис. 4). Именно тогда «В.М. Флоринский и садовник М.А. Шестаков распланировали территорию южнее главного университетского здания, наметили участки под оранжереи, питомники и другие строения» [24]. Оранжереи с теплицами были построены к 1885 году по проекту архитектора Павла Петровича Нарановича. К началу 1886 г. сад располагался на площади 1.7 га, имел теплицу площадью около

400 м² высотой 4 метра. В послевоенное время были построены субтропическая и тропическая оранжереи. В настоящее время оранжерейный комплекс Сибирского ботанического сада состоит из четырех оранжерей и двух теплиц, разделенных на 18 отделов с различными микроклиматами. Высота оранжереи субтропиков составляет 31 метр. Визуально здание оранжерейного комплекса представляет собой комбинацию из нескольких объемов с односкатными конструкциями, состоящими из металла и стекла. Крайняя оранжерея имеет классическую прямоугольную планировку и двускатную конструкцию (рис. 4).

Рис. 3. Оранжерея Таврического сада, Санкт-Петербург, 1935 г. Здание оранжереи до реконструкции, 1937 г. Вид на здание оранжереи в наше время (после реконструкции 1977 г.). Внутреннее пространство. Схема внутреннего пространства. Архитектор: А.Р. Бах [19; 20; 23].

Рис. 4. Оранжерея Сибирского ботанического сада ТГУ, Томск, 1885 г. Здание оранжереи 1897 г. Вид на здание оранжереи сверху. Внешний облик здания. Внутреннее пространство. Арх.: П.П. Наранович [5].

Зарубежный опыт проектирования

В Сингапуре есть департамент парков, который развивает идею городов в саду. Речь идет о том, чтобы создать первый мегаполис, где природа и цивилизация сливаются вместе, образуя новую реальность и общественные пространства нового качества. Сады у залива в Сингапуре – это один из этапов реализации этой идеи (рис. 5). «При создании генерального плана GrantAssociates вдохновлялись формой растений, в частности, орхидей» [6].

Весь комплекс включает в себя неповторимые архитектурные сооружения, выставочные площади, рестораны и места для отдыха, парк. Самым главным объектом на территории комплекса является здание оранжереи, которое состоит из двух объемов из стекла и стали, соединенных центральным навесом. Фирма WilkinsonEyre создала здание таким образом, что оно выступает неким ядром, от которого разрастается весь комплекс. При рассмотрении генерального плана можно заметить, что все пути и формы концентрируются в направлении оранжереи. Хочется отметить, что само здание напоминает форму растения, что отражает идею комплекса. Главной особенностью Садов у залива является то, что каждый блок оранжереи воспроизводит определенный климат и растительный мир Средиземноморья и тропического леса. Основными экспонатами зимних садов являются вечно цветущие луга, каскадные уровни висячих садов, пешеходные тропинки над кронами деревьев, а самое интересное – вертикальный сад с водопадом и прогулочными дорожками. Отличительной чертой сооружения стала «гигантская стеклянная крыша, сконструированная без дополнительных внутренних опор» [22].

Еще одним центральным объектом Садов у залива является «роща деревьев», состоящая из 18 сооружений, доминирующих в ландшафте, «высота которых колеблется от 25 до 50 метров» [30] (рис. 5). На одних установлены батареи, поглощающие солнечную энергию, которая идет на освещение парка вечером, на других – резервуары для сбора дождевой воды, которая направлена на обслуживание оранжерей. Под кронами некоторых деревьев проложены мостики, по которым можно ходить.

Рис. 5. Сады у залива в Сингапуре, 2012 г. Вид на здание оранжереи. Генеральный план комплекса. План оранжереи. Роща Супердеревьев. Архитекторы фирмы WilkinsonEyre [31].

Другой интересный пример создания природной среды в городе – это биоклиматический комплекс «Экориум» в городе Сочхон в Южной Корее. При разработке концепции проекта авторы опирались на форму извилистой реки. Посетители проходят через ряд ботанических садов в комплекс «Экориум» (рис. 6). Сады расположены в отдельных биомах, которые отличаются друг от друга разнообразием климатических зон. Маршрут ведет посетителей через каждую климатическую зону, позволяя им увидеть, услышать, почувствовать и прикоснуться к флоре и фауне, характерным для каждого региона. Особенностью конструктивного решения является то, что «каждая биома образована с помощью стальных арок, которые поддерживают легкие системы остекления. Это максимально увеличивает уровень дневного света внутри теплицы и снижает потребность в дополнительном электрическом освещении» [29]. Для поддержания идеального климата в каждой зоне, здание было запроектировано таким образом, что каждая биома ориентирована на определенную сторону света.

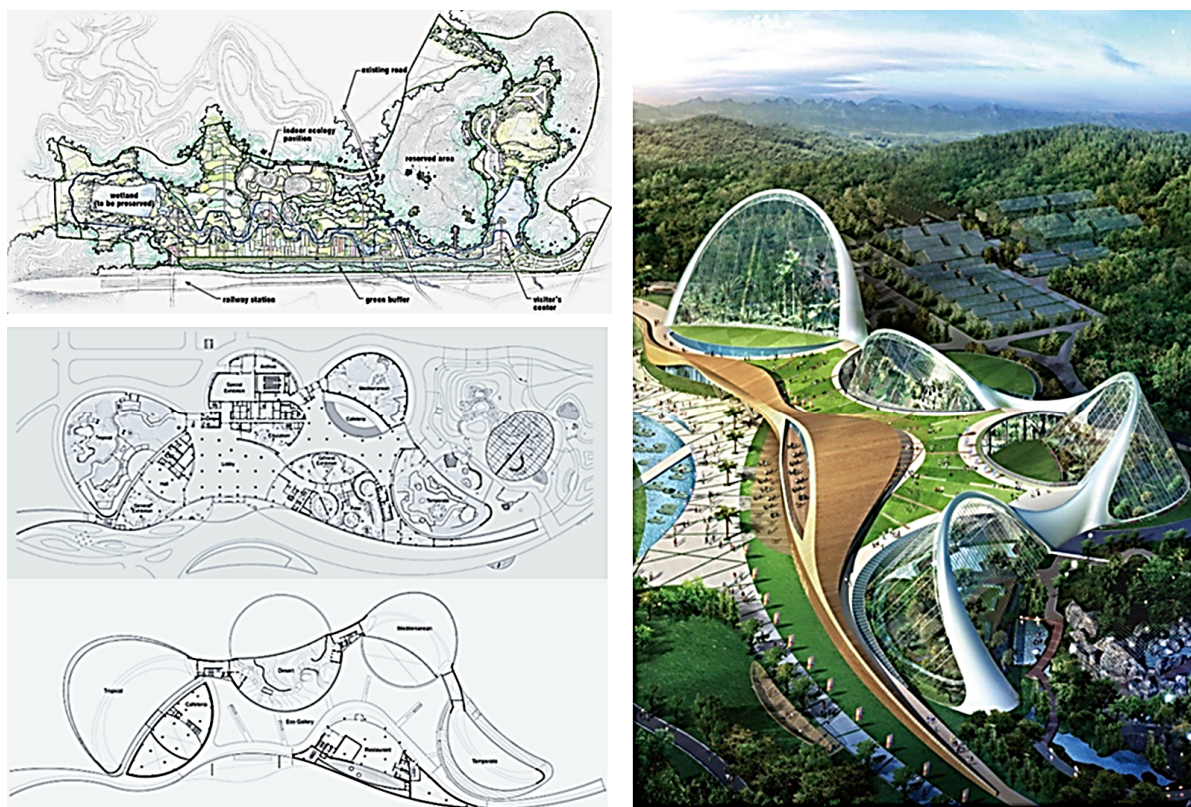

Рис. 6. Биоклиматический комплекс «EcoGium». Южная Корея, Сочхон, 2013 г. План территории. План 1-го и 2-го этажа. Вид на здание оранжереи. Архитекторы: GrimshawArchitects [29].

Оранжерея Ботанического сада Куритибы в Бразилии, спроектированная архитектором АбрауАссадом, стала очередным примером создания пышного оазиса в городской среде. Центральным объектом Ботанического сада является стеклянная оранжерея площадью 458 кв.м, которая была построена по образцу Хрустального дворца в Лондоне. «Архитектурный стиль оранжереи с её легкими ажурными конструкциями и обтекаемыми формами напоминает стиль ар-нуво» [1]. Каркас оранжереи представляет собой три стальных купола, которые соединяются одним общим объемом. Конструкция включает в себя 3800 листов стекла, опирающихся на стальной каркас. Конструктивное решение оранжереи обеспечивает необходимую поддержку впечатляющей стеклянной крыше. Такое архитектурное решение позволило создать большое открытое пространство внутри теплицы, вмещающее разнообразную коллекцию растений» [1]. Главная особенность данного сооружения – центральный атриум с прозрачной стеклянной крышей (рис. 7). Ее отличительной чертой является то, что здесь основное внимание концентрируется на местной флоре, в то время как другие оранжереи делают упор на экзотику. Территория комплекса площадью 278 000 кв. м включает в себя большое количество открытых садов, клумб, фонтанов и озер. Помимо этого, здесь расположены Галерея четырех сезонов (рис. 7) с растениями, отражающими каждое время года, и Сад ощущений – сад под открытым небом, который стимулирует «осязание, обоняние, зрение и слух через непосредственный контакт с растениями разной текстуры, формы и аромата» [1].

Рис. 7. Оранжерея Ботанического сада Куритибы, Бразилия, 1991 г. Вид на оранжерею. Галерея четырех сезонов. Сад ощущений. Арх. АбрауАссад [1].

Комплекс Королевских ботанических садов Кьюв Лондоне занимает площадь 132 га и включает в себя большое разнообразие архитектурных сооружений и достопримечательностей различных стилей. Территория Ботанических садов делится на несколько зон, каждая из них отвечает определенным функциям (рис.8). Зона Входных ворот включает в себя главный вход, Оранжерею Джона Нэша и питомник ароидных растений. В Прибрежной зоне находятся Гербарий, Дворец Кьюсадом, Нижний садовый питомники Центр экономической ботаники Джозефа Бэнкса. В Северо-восточной зоне располагается исторический Водный сад, Сад цветов и камней. Ключевым объектом данной зоны является Оранжерея Принцессы Уэльской. Зона Пальмовой оранжереи отличается разнообразием растений, деревьев, а также включает в себя зоны отдыха. Центральным объектом данной территории—Пальмовый дом, выполненный в викторианском стиле из стали и стекла. «Отсюда расходятся три перспективы – Сайонская аллея, Аллея Пагоды (рис.8) и аллея, ведущая к ливанскому кедру. Дом умеренного климата (TheTemperateHouse) – одно из крупнейших в мире сооружений этого рода и самое большое из сохранившихся до наших дней архитектурных сооружений из стекла викторианской эпохи» [16]. В Юго-западной зоне располагается лесопарк, зверинец королевы Шарлотты, Дендрарий и конный двор. На Сайонской Аллее находится смотровая площадка Сайон-хаус, откуда открывается панорамный вид на весь комплекс. В Западной зоне ключевыми объектами являются Бамбуковый сад и Сад азалий.

Таким образом, оранжерейные объекты ботанического садоводства представляют собой особый типологический ряд и относятся категории объектов с развитой научной, образовательной и культурно-просветительской функциями.

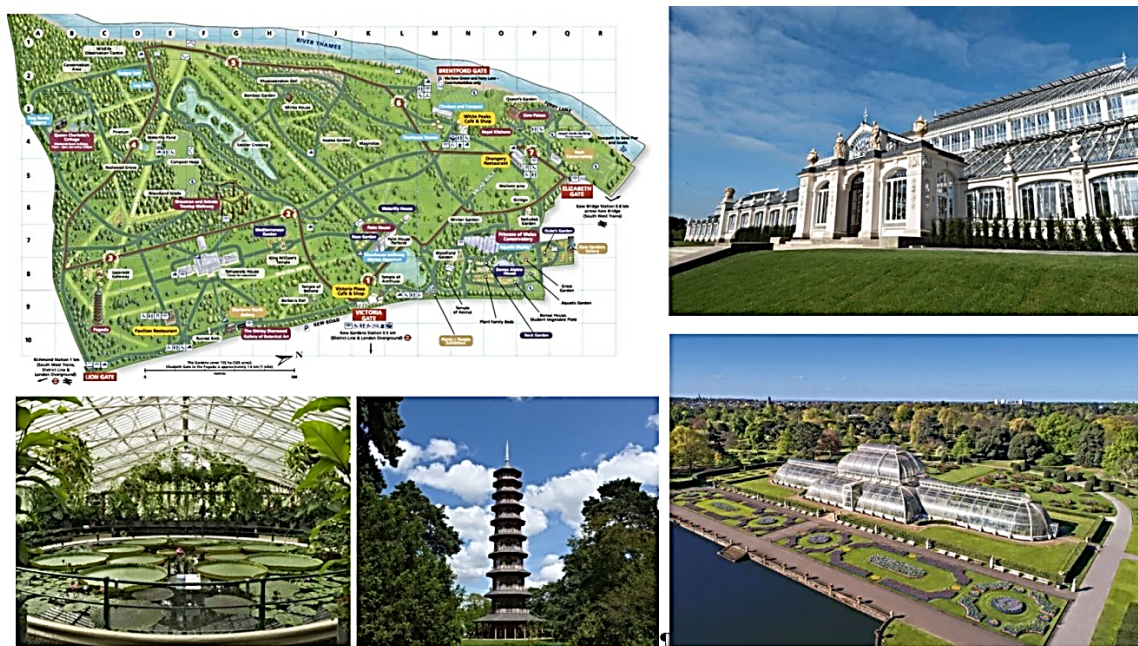

Рис. 8. Kew Royal Botanic Gardens, Лондон, 1987 г. План территории. Входные ворота. Пальмовый дом. Пагода. Прибрежная зона. Арх. Уильям Чемберс [16].

Концептуальная разработка

Одной из проблем современной городской среды долгие годы остается плотная застройка жилых массивов со слабо развитой инфраструктурой, недостатком общественных пространств и объектов культуры. Оранжерейные объекты сегодня представляют собой особый типологический ряд и относятся к категории объектов с развитой функциональной структурой. Актуальность данной темы определяется необходимостью создания концепции уникального оранжерейного комплекса для города Воронежа с развитой архитектурно-пространственной, культурно-просветительской, научно-образовательной и экскурсионно-туристической функцией на базе Воронежского государственного аграрного университета им. Петра I.

Теоретической основой для креативной разработки был выбран метод концептуального решения «от идеала» [8] для вариантного поиска образа идеи через архитектурный рисунок [9; 32]: формирование художественной идеи интегрировано с созданием инженерного эко-сооружения (рис. 9). основополагающие принципы проектного моделирования и интегральная творческая особенность графического поиска стали основой для становления архитектурной идеи [10 - 15]. Форма здания в виде растения отражает выбранную тему. Эскизы были выполнены на основе природных форм лепестков, характерными чертами которых являются: пластичность, легкость и воздушность.

При анализе структуры городского пространства города Воронежа был выбран участок на пересечении осей Воронежского Дендрария, Ботанического сада им. Б. М. Козо-Полянского ВГУ и Лесопарка НИИЛГиС. Проектируемый комплекс – идея формирования крытого сада в виде трилистника с 90-метровой башней. Весь участок занимает площадь 35 га и представляет собой сочетание разных функциональных зон: солнечная роща, зеленая гавань, хвойный лес, парк скульптур, чудо-сад, летний амфитеатр и т.д. Вдохновение формой ветвящегося дерева повлияло на развитие композиционно-функциональной структуры генерального плана комплекса на основе сценарной организации пространства (рис. 10). Территория парка наполнена разнообразными малыми архитектурными формами, садоводческими экспозициями, водоёмами, местами для проведения мероприятий и тихими прогулочными зонами, объединёнными системой аллей. Концепция создания оранжерейного комплекса направлена на создание многофункционального объема и развитие садово-паркового искусства.

Здание оранжереи включает в себя три блока в форме листа, сконструированных в виде системы арочных ферм переменной высоты и пролёта (рис. 10). По верхним поясам ферм

Сценарная организация комплекса

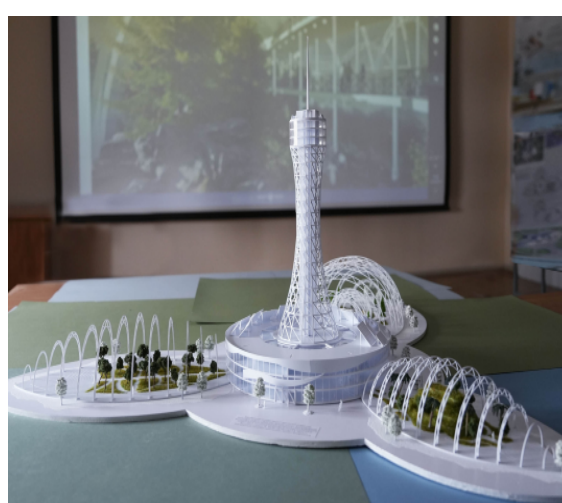

Рис. 10. Концепция создания оранжерейного комплекса по улице Шишкова в городе Воронеже. Идея сценарной организации комплекса, вписание объекта в среду, архитектурный макет. 2024 г. Автор: А.Е. Орлова. Руководитель: Е.В. Кокорина.

Центральная башня является акцентом комплекса и представляет собой гиперболическую стальную решётчатую конструкцию, опирающуюся на жёсткое монолитное железобетонное кольцо, расположенное по верху железобетонных колонн центральной части здания. Верх башни выполнен в виде цилиндрического объёма, в котором располагаются: метеорологическая станция, ресторан с кухней, закрытая смотровая площадка. Башня выполняет функцию инженерного эко-сооружения, которое с помощью панелей собирает солнечную энергию и направляет ее на обслуживание комплекса. Солнечные батареи также установлены на крыше центрального объёма сооружения. На кровле башни и комплекса расположены системы сбора ливневых и талых вод, аккумулирующие запасы воды в специальных резервуарах для полива растений в оранжереях. Данное сооружение является уникальным для Воронежа как по форме, так и по функционалу. Концепция оранжерейного комплекса направлена на создание многофункционального объёма и развитие садово-паркового искусства.

Выводы

Оранжерейные объекты сегодня представляют собой особый типологический ряд и относятся к категории объектов с развитой функциональной структурой. Рассмотренные примеры проектов отечественного и зарубежного опыта позволили выявить: структурные особенности проектирования оранжерейных комплексов при делении здания на зоны, взаимосвязь между разными блоками, конструктивные особенности - преимущественное использование стекла и металлических конструкций, выбор современных методов поддержания и регулировки климата и т.д.

В результате теоретического исследования была выполнена разработка концепции уникального оранжерейного комплекса в городе Воронеже с развитой архитектурно-пространственной, культурно-просветительской, научно-образовательной, и экскурсионно-туристической функциями. Визуализация архитектурного решения представлена через три составляющие творческого процесса: архитектурный рисунок в основе вариантного развития авторской художественной идеи, компьютерное моделирование и архитектурный макет.

Библиографический список

1. Ажурный оазис Куритибы: знаменитая оранжерея JardimBotanico [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://obrazilii.ru/azhurnyy-oasis-kuritiby-znamenitaya-oranzhereya-jardim-botanico.html> (дата обращения: 19.12.2023).
2. Белоусова О.А. Архитектурно-градостроительные особенности исторических оранжерейных объектов ботанического садоводства Санкт-Петербургской агломерации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата архитектуры : специальность 2.1.11. Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия / Белоусова Ольга Алексеевна ; [С.-Петерб. гос. арх.-строит. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2022. -25 с. : ил. ; 21
3. Белоусова О.А. К вопросу существования объектов ботанического садоводства в структуре развивающегося города / В сб.: Современные проблемы истории и теории архитектуры: III научно-практическая конференция СПбГАСУ, 2017, С.73–78
4. Белоусова О.А. Традиции и инновации в формировании архитектурной среды объекта ботанического садоводства / Advancesinscienceandtechnology XXV: Международная научно-практическая конференция Москва, «Актуальность РФ», 2019. С.184–188
5. Дарья Бердникова. Зеленая жемчужина холодной Сибири [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.vtomske.ru/details/178121-zelenaya-jemchujina-holodnoi-sibiri?ysclid=lumq592tr7403582735> (дата обращения: 05.04.2024)
6. Игорь Саенко. Сады у залива в Сингапуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://imsayenko.blogspot.com/2016/03/blog-post.html> (дата обращения: 16.12.2023).

7. Императорский Санкт-Петербургский Ботанический сад за 200 лет его существования (1713—1913). Ч. 1 / Под ред. А. А. Фишер-фон-Вальдгейма. — Юбилейное изд. — СПб.: Тип. Акц. о-ва тип.дела, 1913. — 412 с.
8. Кармазин, Ю.И. Творческий метод архитектора: введение в теоретические и методические основы: монография / Ю.И. Кармазин; Воронеж гос. архит.-строит. ун-т. — Воронеж: Изд-во Воронеж.гос. ун-та, 2005. — 496 с.
9. Кокорина Е.В. Архитектурный рисунок как интегральная творческая способность языка профессиональных коммуникаций: монография / Е.В. Кокорина. Воронежский ГАСУ. — Воронеж, ООО «Творческое объединение «Альбом», 2015. — 187 с.
10. Кокорина Е.В. Мелодия архитектуры – симфония времени / Е. В. Кокорина // Научный журнал строительства и архитектуры. 2019. № 1 (53). С. 93-105. DOI: 10.25987/VSTU.2019.53.1.009
11. Кокорина Е.В. Особенности создания художественного образа в процессе архитектурного творчества / Е. В. Кокорина, Донцов Д.Г., Карташова К.К. // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Строительство и архитектура. – 2014. – № 4. – С. 139-146.
12. Кокорина Е.В. Пространство концептуального творчества в основе архитектурного проектирования / Е. В. Кокорина // Научный журнал строительства и архитектуры. - 2022. - № 1 (65). - С. 122-133. - DOI: 10.36622/VSTU.2022.65.1.012
13. Кокорина Е.В. Теоретические основы проектного моделирования / Е.В. Кокорина // Вестник Воронежского Государственного университета. Серия «Проблемы высшего образования». – 2015. – №2. – с. 41-47.
14. Кокорина Е.В. Формирование у студентов творческого подхода к исследовательской и научной работе в образовательном процессе / Е.В.Кокорина // Вестник Воронежского Государственного университета. Серия «Проблемы высшего образования». – 2019. – №1. – С. 50-53.
15. Кокорина, Е.В. Основополагающие принципы проектного моделирования в современной проектной практике / Е.В. Кокорина, Д.Д. Габелия // Научный журнал строительства и архитектуры. - 2024. - № 1 (73). - С. 109-122. - DOI 10.36622/2541-7592.2024.73.1.010.
16. Королевские ботанические сады Кью с архитектурной точки зрения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nastalia.livejournal.com/84241.html> (дата обращения: 18.12.2023).
17. Липский, В.И. Краткий путеводитель по Императорскому Ботаническому саду / [Соч.] В.И. Липского. - Санкт-Петербург : типо-лит. "Герольда", 1900. - 80 с., 1 л. пл.; 17.
18. Оранжереи Ботанического сада СПбГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mykaleidoscope.ru/x/sad-i-ogorod/11891-oranzherei-botanicheskogo-sada-spbgu-61-foto.html> (дата обращения: 19.12.2023).
19. Оранжерея Таврического дворца - Выставочный зал "Цветы" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.citywalls.ru/house4267.html> (дата обращения: 05.04.2024).
20. План оранжереи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://flectone.ru/plan-oranjerei.html> (дата обращения: 05.04.2024).
21. Потёмин М.А. Объект культурного наследия федерального значения «Ботанический сад». Отдельные исторические сведения по материалам паспорта объекта культурного наследия. Соблюдение требований законодательства в сфере охраны объектов культурного наследия. / М. А. Потёмин. – Hortusbotanicus, 2018. Т. 1, 2018, стр. 728 – 743.
22. Сады у залива в Сингапуре — GardensbytheBay [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://singapore-holiday.ru/sady-u-zaliva-v-singapore-gardens-bythebay/?ysclid=lq9bvojm1p253389665> (дата обращения: 16.12.2023)
23. Серж Пьетро. Оранжереи Петербурга. Оранжерея Таврического сада [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <https://proza.ru/2023/11/10/958?ysclid=lumkvurh6403189760> (дата обращения: 05.04.2024).

24. Сибирский ботанический сад. История [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sbg.tsu.ru/ru/content/%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 05.04.2024).

25. Старая Фондовая оранжерея Главного Ботанического сада им. Н.В. Цицина РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gbsad.ru/fondovaya-oranzhereya-onas?ysclid=lqch9t34qq77289830> (дата обращения: 14.09.2023).

26. Теодоронский, В. С. Объекты ландшафтной архитектуры: учебное пособие для студентов. / В. С. Теодоронский, И. О. Боговая. – М.: МГУЛ, 2003. – 300 с.

27. Фондовая оранжерея Главного Ботанического сада РАН им. Н.В. Цицина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ktbetcon.com/projects/nauchno_tekhnicheskoe_soprovozhdenie_stroitelstva_i_monitoring/fondovaya_oranzhereya_glavno_go_botanicheskogo_sada-/?ysclid=lqchs8fu7p413853226 (дата обращения 19.12.2023).

28. Belousova O.A. Modern use of historical architectural objects of Botanical gardening (foreign experience) / O.A. Belousova // Topical problems of green architecture, civil and environmental engineering E3S Web of Conferences Volume 164. – 2019. – P.1–12

29. Ecorium. Seocheon, SouthKorea [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://grimshaw.global/projects/culture-and-exhibition-halls/ecorium/> (дата обращения: 18.12.2023).

30. GardensbytheBay [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wilkinsonyre.com/projects/cooled-conservatories-gardens-by-the-bay> (дата обращения: 16.12.2023).

31. GardensbytheBay. GrantAssociates [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.archdaily.com/254471/gardens-by-the-bay-grant-associates> (дата обращения 03.10.2023).

32. Kokorina E.V. Space of conceptual creativity based on architectural design /Russian Journal of Building Construction and Architecture. 2022. № 1 (53). С. 80-90. DOI: 10.36622/VSTU.2022.53.1.008

Bibliographic list

1. Openwork oasis of Curitiba: the famous greenhouse JardimBotanico [Electronic resource]. – Access mode: <https://obrazilii.ru/azhurnyy-oasis-kuritiba-znamenitaya-oranzhereya-jardim-botanico.html> (access date: 12/19/2023).

2. Belousova O.A. Architectural and urban planning features of historical greenhouse objects of botanical gardening in the St. Petersburg agglomeration: abstract of a dissertation for the degree of candidate of architecture: specialty 2.1.11. Theory and history of architecture, restoration and reconstruction of historical and architectural heritage / Olga Alekseevna Belousova; [St. Petersburg. state arch.-build.University]. - St. Petersburg, 2022. -25 p. : ill. ; 21

3. Belousova O.A. On the issue of the existence of botanical gardening objects in the structure of a developing city / In: Modern problems of history and theory of architecture: III scientific and practical conference of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, 2017, pp. 73–78

4. Belousova O.A. Traditions and innovations in the formation of the architectural environment of a botanical gardening object / Advances in science and technology XXV: International scientific and practical conference Moscow, “Relevance of the Russian Federation”, 2019. P.184–188

5. Daria Berdnikova. Green pearl of cold Siberia [Electronic resource]. – Access mode: <https://news.vtomske.ru/details/178121-zelenaya-jemchujina-holodnoi-sibiri?ysclid=lumq592tr7403582735> (access date: 04/05/2024)

6. Igor Saenko. Gardens by the Bay in Singapore [Electronic resource]. – Access mode: <https://imsayenko.blogspot.com/2016/03/blog-post.html> (access date: 12/16/2023).

7. Imperial St. Petersburg Botanical Garden for 200 years of its existence (1713-1913).Part 1 / Ed. A. A. Fischer von Waldheim. — Anniversary edition. - SPb.: Type. Aks.islands type. affairs, 1913. - 412 p.

8. Karmazin, Yu.I. The creative method of an architect: an introduction to theoretical and methodological foundations: monograph / Yu.I. Karmazin; Voronezh state architect-builds univ. – Voronezh: Voronezh Publishing House. state University, 2005. – 496 p.

9. Kokorina E.V. Architectural drawing as an integral creative ability of the language of professional

- communications: monograph / E.V. Kokorina. Voronezh State Agrarian University. – Voronezh, Creative Association “Albom” LLC, 2015. – 187 p.
10. Kokorina E.V. The melody of architecture is a symphony of time / E. V. Kokorina // Scientific journal of construction and architecture. 2019. No. 1 (53). pp. 93-105. DOI: 10.25987/VSTU.2019.53.1.009
 11. Kokorina E.V. Features of creating an artistic image in the process of architectural creativity / E. V. Kokorina, D. G. Dontsov, K. K. Kartashova. // Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Construction and architecture. – 2014. – No. 4. – P. 139-146.
 12. Kokorina E.V. The space of conceptual creativity in the basis of architectural design / E. V. Kokorina // Scientific journal of construction and architecture. - 2022. - No. 1 (65).- pp. 122-133. - DOI: 10.36622/VSTU.2022.65.1.012
 13. Kokorina E.V. Theoretical foundations of design modeling / E.V. Kokorina // Bulletin of Voronezh State University. Series “Problems of Higher Education”. – 2015. – No. 2. - With. 41-47.
 14. Kokorina E.V. Formation of students’ creative approach to research and scientific work in the educational process / E.V. Kokorina // Bulletin of Voronezh State University. Series “Problems of Higher Education”. – 2019. – No. 1. – P. 50-53.
 15. Kokorina, E.V. Fundamental principles of design modeling in modern design practice / E.V. Kokorina, D.D. Gabelia // Scientific journal of construction and architecture. - 2024. - No. 1 (73).- pp. 109-122. - DOI 10.36622/2541-7592.2024.73.1.010.
 16. Royal Botanic Gardens Kew from an architectural point of view [Electronic resource]. – Access mode: <https://nastalia.livejournal.com/84241.html> (access date: 12/18/2023).
 17. Lipsky, V.I. A short guide to the Imperial Botanical Garden / [Oc.] V.I. Lipsky. - St. Petersburg: typo-lit. "The Herald", 1900. - 80 pp., 1 sheet. pl.; 17.
 18. Greenhouses of the Botanical Garden of St. Petersburg State University [Electronic resource]. – Access mode: <https://mykaleidoscope.ru/x/sad-i-ogorod/11891-oranzherei-botanicheskogo-sada-spbgu-61-foto.html> (access date: 12/19/2023).
 19. Greenhouse of the Tauride Palace - Exhibition Hall "Flowers" [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.citywalls.ru/house4267.html> (access date: 04/05/2024).
 20. Plan of the greenhouse [Electronic resource]. – Access mode: <https://flectone.ru/plan-oranjerei.html> (date of access: 04/05/2024).
 21. Potyomin M.A. Cultural heritage site of federal significance "Botanical Garden". Selected historical information based on materials from the passport of a cultural heritage site. Compliance with legal requirements in the field of protection of cultural heritage sites. / M. A. Potyomin. – Hortusbotanicus, 2018. T. 1, 2018, pp. 728 – 743.
 22. Gardens by the Bay in Singapore - Gardens by the Bay [Electronic resource]. – Access mode: <https://singapore-holiday.ru/sady-u-zaliva-v-singapore-gardens-bythebay/?ysclid=lq9bvojm1p253389665> (access date: 12/16/2023)
 23. Serge Pietro. Greenhouses of St. Petersburg. Greenhouse of the Tauride Garden [Electronic resource]. – Access mode: <https://proza.ru/2023/11/10/958?ysclid=lumkvurh6403189760> (access date: 04/05/2024).
 24. Siberian Botanical Garden. History [Electronic resource]. – Access mode: <https://sbg.tsu.ru/ru/content/%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F> (access date: 04/05/2024).
 25. Old Stock greenhouse of the Main Botanical Garden named after. N.V. Tsitsin RAS [Electronic resource]. – Access mode: <https://gbsad.ru/fondovaya-oranzhereya-o-nas?ysclid=lqch9t34qq77289830> (date of access: 09.14.2023).
 26. Teodoronsky, B. S. Objects of landscape architecture: a textbook for students. / B. S. Teodoronsky, I. O. Bogovaya. – M.: MGUL, 2003. – 300 p.
 27. Stock greenhouse of the Main Botanical Garden of the Russian Academy of Sciences named after. N.V. Tsitsina [Electronic resource]. – Access mode: https://www.ktbetcon.com/projects/nauchno_tekhnicheskoe_soprovozhdenie_stroitelstva_i_monitoring_fondovaya_oranzhereya_glavnogo_botanicheskogo_sada-/?ysclid=lqchs8fu7p413853226 (access date 12/19/2023).
 28. Belousova O.A. Modern use of historical architectural objects of Botanical gardening (foreign experience) / O.A. Belousova // Topical problems of green architecture, civil and environmental engineering

E3S Web of Conferences Volume 164. – 2019. – P.1–12

29. Ecorium. Seocheon, South Korea [Electronic resource]. – Access mode: <https://grimshaw.global/projects/culture-and-exhibition-halls/ecorium/> (access date: 12/18/2023).

30. Gardens by the Bay [Electronic resource]. – Access mode: <https://wilkinsoneyre.com/projects/cooled-conservatories-gardens-by-the-bay> (access date: 12/16/2023).

31. Gardens by the Bay. Grant Associates [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.archdaily.com/254471/gardens-by-the-bay-grant-associates> (accessed 10/03/2023).

32. Kokorina E.V. Space of conceptual creativity based on architectural design /Russian Journal of Building Construction and Architecture. 2022. No. 1 (53). pp. 80-90. DOI: 10.36622/VSTU.2022.53.1.008

CONCEPTUAL DEVELOPMENT GREENHOUSE COMPLEX BASED ON DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE

E.V. Kokorina, A.E. Orlova

Kokorina E.V., Ph.D. architecture, associate professor of the department of theory and practice of architectural design, VSTU, Russia, Voronezh, tel. +79204084641, e-mail: lenakokorina@mail.ru
Orlova A.E., Bachelor of Science in Architecture, Department of Theory and Practice of Architectural Design, VSTU, Russia, Voronezh, tel. +79186021995, e-mail: orlova.anastasia2016@yandex.ru

Formulation of the problem. Conduct an analysis of greenhouses in different countries of the world: Russia, Singapore, South Korea, England, Belgium, Brazil, Scotland. Based on the selected examples, highlight the main features of the design of greenhouse complexes and propose the concept of a unique greenhouse complex in the city of Voronezh.

Results and conclusions. Greenhouse objects today represent a special typological series and belong to the category of objects with a developed functional structure. The main structural and compositional features of the design of greenhouse complexes were identified based on an analysis of examples of domestic and foreign experience. The development of the concept of a unique greenhouse complex in the city of Voronezh with developed architectural-spatial, cultural-educational, scientific-educational, and excursion-tourist functions is presented.

Key words: architecture, greenhouse, greenhouse object, greenhouse complex, concept.

АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНЫЕ ПРИЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВНУТРЕННИХ ПРОСТРАНСТВ ПРИ РЕВИТАЛИЗАЦИИ БЫВШИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Н.В. Семенова, К.Э. Иванов, В.С. Ревякина

Семенова Н. В., доцент кафедры теории и практики архитектурного проектирования, Воронежский государственный технический университет, Россия, Воронеж, тел.8 (4732) 71-54-21, e-mail: ar-i-g@yandex.ru

Иванов К. Э., магистр архитектуры, кафедра теории и практики архитектурного проектирования, Воронежский государственный технический университет, Россия, Воронеж, тел.+7 (995) 698-57-13, e-mail: kostya.ivanov9699@gmail.com

Ревякина В. С., магистр архитектуры, кафедра теории и практики архитектурного проектирования, Воронежский государственный технический университет, Россия, Воронеж, тел.+7 (910) 247-51-27, e-mail: revyakina10@gmail.com

Постановка задачи. В данной работе рассмотрены основные архитектурно-планировочные приемы организации внутренних пространств при ревитализации бывших промышленных предприятий, выявлены черты и архитектурные особенности таких пространств. Подняты проблемы сохранения и адаптации бывших промышленных предприятий.

Результаты и выводы. Изучены возможности адаптации бывших промышленных предприятий для новых функциональных требований современного мира. Выявлены приемы, благодаря которым возможно достичь преобразований бывших промышленных предприятий из деградирующей среды в развитие современные пространства. Даны полные характеристики архитектурно-планировочным приемам для понимания их свойств и выбора наиболее подходящих.

Ключевые слова: ревитализация, архитектурно-планировочные приемы, организация внутренних пространств бывших промышленных предприятий, характерные черты бывших промышленных предприятий, планировочная структура.

Введение

В последние годы исторические промышленные объекты привлекают все больше внимания, поскольку ревитализация индустриальных территорий стала одной из наиболее актуальных задач в архитектуре и дизайне. Полуразрушенные заводы и фабрики, располагаясь на значительных площадях, пустуют и не используются, несмотря на их значительный потенциал для развития. Эти заброшенные территории представляют собой не только градостроительные проблемы, но и возможности для создания новых культурных, общественных и коммерческих пространств.

Основываясь на мировом опыте, можно утверждать, что повторное использование таких зон способно решать множество глобальных социокультурных и градостроительных задач. Примеры успешных проектов ревитализации бывших промышленных объектов демонстрируют, что такие территории могут быть преобразованы в жизнеспособные и инновационные пространства, способствующие улучшению качества городской среды, экономическому росту и социальной интеграции.

Особое внимание при этом уделяется архитектурно-планировочным приемам организации внутренних пространств, которые позволяют не только сохранить историческую ценность объектов, но и адаптировать их к современным потребностям общества.

Необходимо выделить черты бывших промышленных предприятий, которые представляют собой ценный ресурс для создания общественных пространств благодаря своим уникальным характеристикам:

- их конструктивные особенности обеспечивают надежность и долговечность. Прочные конструкции, часто рассчитанные на значительные нагрузки, позволяют использовать эти здания для широкого спектра новых функций. Высокие потолки, большие оконные проемы и просторные помещения создают благоприятные условия для трансформации в многофункциональные зоны.

©Семенова Н.В., Иванов К.Э., Ревякина В.С., 2024

- такие объекты предоставляют широкие возможности для архитектурных и дизайнерских экспериментов. Промышленные здания, изначально обладающие функциональной простотой, позволяют реализовывать креативные и нестандартные решения. Гибкость планировок и возможность перепрофилирования пространств способствует созданию инновационных архитектурных проектов, сочетающих исторические элементы и современные технологии.

- уникальный индустриальный дизайн является еще одним значимым фактором. Эстетика индустриальной архитектуры, выраженная в массивных конструкциях, открытых инженерных системах и минимализме форм, придает этим пространствам особую привлекательность и аутентичность. Использование таких элементов позволяет создать уникальную атмосферу, служащую основой для культурных и общественных центров, привлекающих местных жителей и туристов.

- существующие инженерные коммуникации также представляют значительную ценность. Наличие мощной инфраструктуры, включающей системы отопления, вентиляции, водоснабжения и электроснабжения, упрощает процесс адаптации зданий к новым функциональным требованиям и снижает затраты на проведение капитальных инженерных работ.

- историческое значение этих объектов вносит важный вклад в их привлекательность для ревитализации. Культурное наследие и историческая значимость территорий могут быть использованы для создания уникальных общественных пространств, сохраняющих память о прошлом и выполняющих современные функции. Это способствует укреплению идентичности местного сообщества и повышению культурной значимости ревитализированных зон.

Основная часть

Конструктивные особенности, открытость для экспериментов, уникальный индустриальный дизайн, существующие инженерные коммуникации и историческое значение промышленных объектов делают их ценным ресурсом для создания общественных пространств. Архитектурно-планировочные приемы, такие как: использование крупных пространств, деление на блоки, мелкоячеистая структура и параметрика, позволяют эффективно и инновационно трансформировать эти объекты в современные, функциональные и культурно значимые общественные пространства (рис. 1).

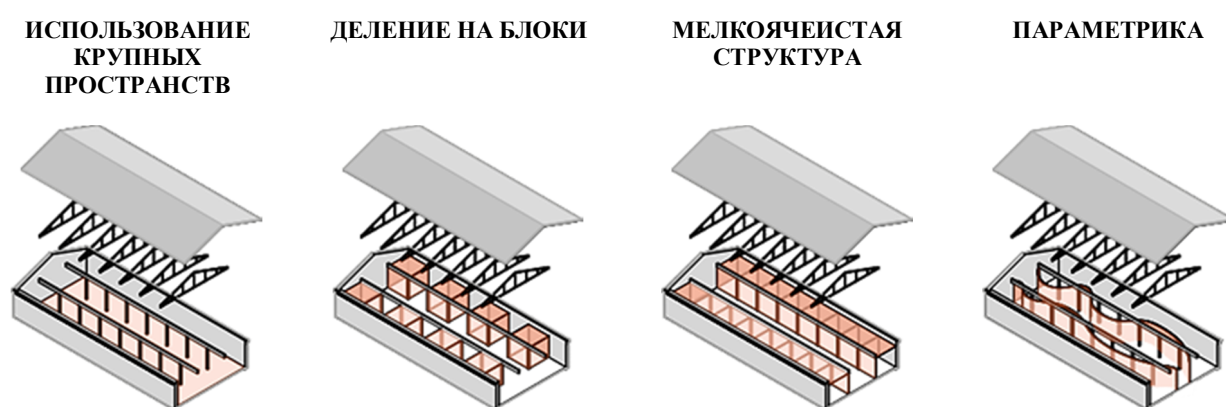

Рис. 1. Архитектурно-планировочные приемы организации внутренних пространств зданий при ревитализации

Использование крупных пространств

Целевая группа: выставочные пространства. Реорганизация пространства под крупные функции с учетом интенсивной единовременной посещаемости. Организация выставочных пространств, концертных площадок. Новый тип арт-пространства с учетом актуальных изменений и возможность гибкого использования.

Этот прием предполагает максимальное сохранение и адаптацию существующих ширококомнатных внутренних помещений для новых функций. Промышленные здания, как правило, характеризуются высокими потолками, открытыми планировками и значительными площадями, что предоставляет архитектурным проектировщикам уникальные возможности для создания многофункциональных зон. Такие пространства могут быть использованы для организации выставочных залов, концертных площадок, спортивных арен и других общественных или коммерческих функций, требующих значительных площадей (рис. 2).

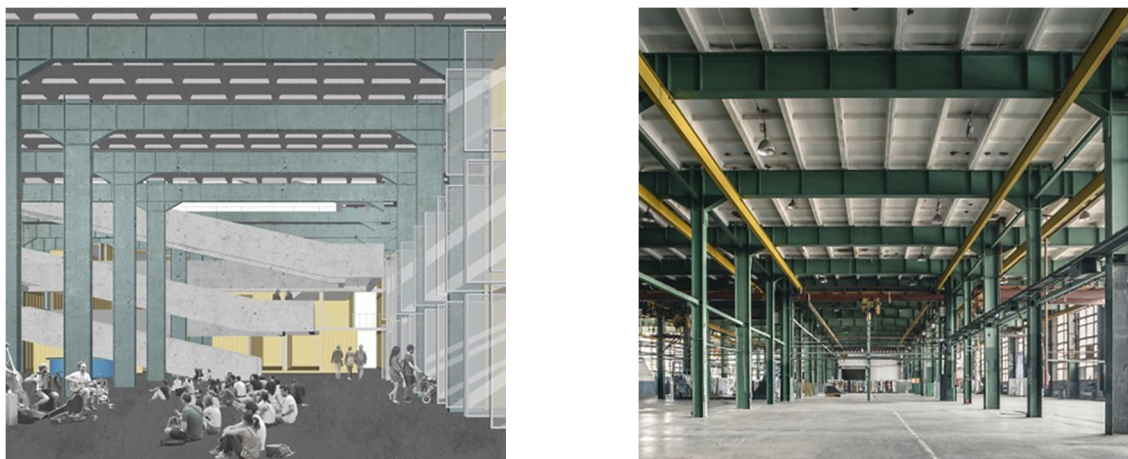

Рис. 2. «СевкабельПорт», коллаж в проекте иреализация (г. Санкт-Петербург, Россия)

Одним из ключевых аспектов использования крупных пространств является их гибкость и адаптивность. Открытые планировки позволяют легко изменять конфигурацию внутренних помещений, что дает возможность оперативно реагировать на изменяющиеся потребности пользователей и функциональные требования. Это способствует созданию трансформируемых зон, которые могут быть адаптированы под различные мероприятия и программы без значительных затрат на реконструкцию.

Кроме того, использование таких пространств способствует созданию интегрированных зон, объединяющих различные функции в одном объеме. Это может включать сочетание коммерческих, культурных и общественных функций, таких как кафе, магазины, галереи и зоны отдыха, что способствует развитию внутренней коммуникации и взаимодействия между различными группами пользователей.

Важным аспектом является также обеспечение естественного освещения и вентиляции в крупных пространствах. Промышленные здания часто имеют большие оконные проемы и высокие потолки, что позволяет эффективно использовать естественный свет и вентиляцию, создавая комфортные условия для пользователей и снижая энергетические затраты на искусственное освещение и климат-контроль.

Деление на блоки

Целевая группа: офисы, мастерские, коворкинги, выставочные пространства. Деление общей площади на различные независимые блоки, формирующие целые улицы внутри общественного пространства. Используется под различные функции, в том числе и креативные.

Этот прием подразумевает разделение обширных внутренних пространств промышленных зданий на отдельные функциональные зоны или модули, что способствует более рациональному использованию пространства и созданию комфортных условий для различных видов деятельности. Этот прием позволяет структурировать внутреннюю планировку, обеспечивая гибкость и возможность для многофункционального использования помещений.

Одним из основных преимуществ деления на блоки является возможность адаптивного

использования пространства. Разделение на модули позволяет интегрировать различные функции и виды деятельности в пределах одного здания, создавая гибридные пространства, где могут сосуществовать коммерческие, культурные, образовательные и общественные зоны. Это способствует созданию многофункциональных центров, повышающих социальную и экономическую активность ревитализируемых территорий.

Кроме того, такой прием способствует оптимизации потоков людей и логистики внутри здания. Четко структурированные и функционально зонированные пространства облегчают ориентацию пользователей, создавая удобные маршруты и переходы между различными зонами.

Также этот прием способствует улучшению контроля над микроклиматом и акустикой внутренних пространств. Создание отдельных зон позволяет более точно регулировать температурные и вентиляционные режимы, а также снижать уровень шума, что особенно важно для создания комфортных условий в помещениях с различными функциональными назначениями.

Мелкоячеистая структура

Целевая группа: офисы, мастерские, коворкинги. Деление крупных пространств на мелкие ячейки с возможностью комбинирования. В основном, планируется под офисы независимых компаний. Предусматривается размещение пространств для публичных мероприятий, а также сервисная функция в первых этажах.

Этот прием подразумевает разделение крупного внутреннего пространства на множество небольших, автономных ячеек, каждая из которых может выполнять специфическую функцию. Этот подход обеспечивает высокую степень адаптивности, позволяя создавать различные типы помещений, такие как офисы, мастерские, выставочные залы, образовательные и общественные пространства в пределах одного здания. В основе мелкоячеистой структуры лежит идея модульности, что облегчает реконфигурацию и перепрофилирование пространства в зависимости от текущих потребностей и требований.

Одним из ключевых преимуществ является возможность создания функционально разнообразной среды. Мелкие ячейки могут быть организованы таким образом, чтобы способствовать координации различных видов деятельности, обеспечивая их сосуществование и взаимодействие.

Мелкоячеистая структура также позволяет улучшить контроль над микроклиматом и акустическими характеристиками помещений. Разделение пространства на мелкие ячейки способствует более точному управлению температурными и вентиляционными режимами, а также снижению уровня шума, что является важным фактором для создания комфортных условий для работы и отдыха. Это особенно актуально для зданий, в которых предполагается размещение офисов, учебных аудиторий, студий и других помещений, требующих специфических условий эксплуатации.

Параметрика

Целевая группа: офисы, выставочные пространства. Гибкая параметрическая планировка предусматривает трансформацию пространств под различные функции. Это позволяет эффективно использовать помещения для проведения различных мероприятий. Создается современное арт-пространство, которое может адаптироваться к текущим изменениям и предоставлять возможности для многоцелевого использования.

Данный прием в архитектурном контексте представляет собой подход, при котором проектирование осуществляется с использованием алгоритмов и параметров, задающих геометрию и структуру здания. Этот метод основан на применении цифровых технологий и позволяет учитывать множество факторов, таких как функциональные требования, эстетические предпочтения, экологические аспекты и технические ограничения, создавая при этом оптимальные и уникальные архитектурные решения (рис. 3).

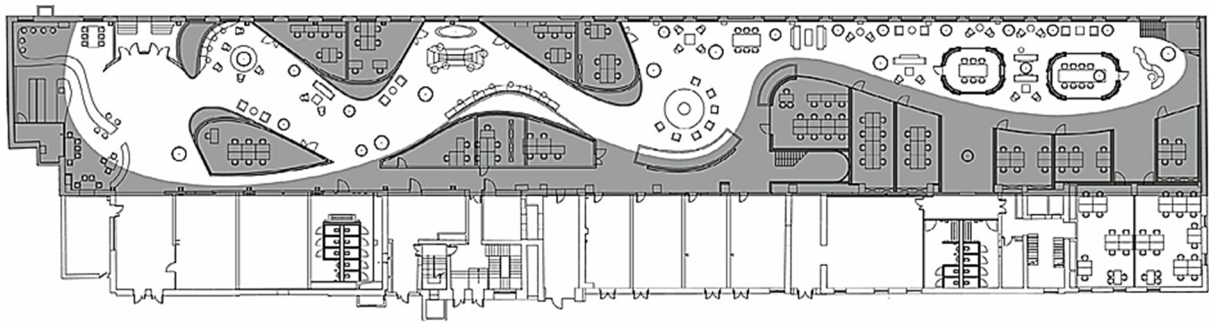

Рис. 3. Цеха пространства «Суперметалл» на Бауманской, план первого этажа (г. Москва, Россия)

Одним из ключевых преимуществ является гибкость и адаптивность. Параметрический подход позволяет легко вносить изменения в проект на различных этапах его реализации, что особенно важно при работе с историческими промышленными объектами, где часто возникают непредвиденные обстоятельства и ограничения. Это обеспечивает высокую степень контроля над процессом ревитализации и позволяет оперативно реагировать на изменения и новые требования.

Использование параметрической структуры также способствует созданию инновационных и выразительных архитектурных форм. Цифровые технологии позволяют генерировать сложные геометрические конструкции, которые были бы трудноосуществимы с использованием традиционных методов проектирования. Это открывает новые возможности для эстетической трансформации бывших промышленных зданий, делая их привлекательными и современными элементами городской среды.

Кроме того, такой прием обеспечивает оптимизацию функционального зонирования внутренних пространств. С помощью параметрических моделей можно создавать эффективные планировочные решения, которые учитывают разнообразные функциональные процессы и обеспечивают их гармоничное сосуществование.

Важным аспектом параметрической структуры является её способность к интеграции существующих инженерных коммуникаций и инфраструктуры. При ревитализации промышленных объектов часто необходимо учитывать и адаптировать имеющиеся инженерные сети и системы. Параметрические модели позволяют эффективно интегрировать новые архитектурные решения с существующей инженерной базой, минимизируя затраты и технические сложности.

Выводы

Ревитализация промышленных объектов способствует сохранению культурного наследия, интеграции исторических зданий в современную городскую среду и устойчивому развитию города. Этот процесс не только оживляет заброшенные территории, но и вносит значительный вклад в экономическое и социальное развитие, создавая новые рабочие места и улучшая качество городской среды.

Конструктивные особенности промышленных сооружений, их потенциал для экспериментов, уникальный индустриальный дизайн, а также наличие существующих инженерных коммуникаций и историческая значимость делают их ценными ресурсами для городского развития. Эти черты предоставляют уникальные возможности для трансформации промышленных территорий в инновационные и культурно значимые зоны, способствующие устойчивому развитию городской среды.

Архитектурно-планировочные приемы играют ключевую роль в успешной ревитализации. Использование крупных пространств позволяет интегрировать различные функциональные зоны, такие как выставочные площадки, офисные помещения и общественные территории, обеспечивая гибкость и многофункциональность. Деление на блоки способствует рациональной организации пространства, улучшая навигацию и функциональную целесообразность. Мелкоячеистая структура вносит элементы

разнообразия и уникальности, обогащая внутреннюю среду здания. Параметрический подход предоставляет возможность адаптации пространств под специфические потребности пользователей, повышая комфорт и удобство использования.

Таким образом, ревитализация промышленных предприятий с использованием современных архитектурно-планировочных приемов не только сохраняет историческую ценность объектов, но и способствует созданию качественных, функциональных и устойчивых городских пространств, что является важным аспектом современного урбанистического развития.

Библиографический список

1. Барабанов А. А. Социально-культурные и семантические принципы ревитализации индустриального наследия [Текст] / Барабанов А. А. // Эко-потенциал. — 2013. — № 3-4. — С. 237-248.
2. Бютнер О., Хампе Э. Сооружение — несущая конструкция — несущая структура [Текст] / Бютнер О., Хампе Э. — . — Москва: Стройиздат, 1979.
3. Власова Е. С., Грин И. Ю. Ревитализация угасающих и заброшенных территорий [Текст] / Власова Е. С., Грин И. Ю. // Дальний Восток: проблемы развития архитектурно-строительного комплекса. — 2014. — № 1. — С. 54-58.
4. Гельфонд А. Л. Архитектурное проектирование общественных зданий и сооружений: учебное пособие [Текст] / Гельфонд А. Л. — Москва: Архитектура-С, 2006 — 280 с.
5. Карпов Д. С. Современные методы ревитализации промышленных объектов / Д. С. Карпов. — Санкт-Петербург, 2016.
6. Кузнецова С. Ревитализация промышленных объектов: создаем из завода креативный кластер / Кузнецова С. [Электронный ресурс] // Журнал для успешных людей - BBF.RU : [сайт]. — URL: <https://bbf.ru/magazine/16/4008/> (дата обращения: 30.07.2024).
7. Молчанов В. М. Основы архитектурного проектирования: социально-функциональные аспекты: учебное пособие [Текст] / Молчанов В. М. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2004 — 160 с.
8. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества [Текст] / Ольденбург Р. — Москва: Новое литературное обозрение, 2014 — 456 с.
9. Панкина М. В. Проектирование. Методика дизайна интерьера: учебно-методическое пособие [Текст] / Панкина М. В. — Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2009 — 116 с.
10. Фьерару, В. А. Трансформация городского пространства: креативные кластеры как новый инструмент повышения туристической привлекательности Санкт-Петербурга [Текст] / В. А. Фьерару // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2016. — № 4. — С. 184-186.
11. Енин А.Е. Системный подход и анализ потенциала депрессивных территорий и объектов г. Воронежа // Корохова Е.К., Гурьев С.Н./ Архитектурные исследования. 2017. № 2 (10). С. 69-82.

Bibliography list

1. Barabanov A. A. Socio-cultural and semantic principles of revitalization of industrial heritage [Text] / Barabanov A. A. // Eco-potential. — 2013. — No. 3-4. — pp. 237-248.
2. Byutner O., Hampe E. Structure — bearing structure — bearing structure [Text] / Byutner O., Hampe E. — . — Moscow: Stroyizdat, 1979.

3. Vlasova E. S., Green I. Y. Revitalization of fading and abandoned territories [Text] / Vlasova E. S., Green I. Yu. // Far East: problems of development of the architectural and construction complex. - 2014. — No. 1. — pp. 54-58.
4. Gelfond A. L. Architectural design of public buildings and structures: a textbook [Text] / Gelfond A. L. — Moscow: Architecture-C, 2006 — 280 p.
5. Karpov D. S. Modern methods of revitalization of industrial facilities / D. S. Karpov. — St. Petersburg, 2016.
6. Kuznetsova S. Revitalization of industrial facilities: creating a creative cluster from a factory / Kuznetsova S. [Electronic resource] // Magazine for successful people - BBF.EN : [website]. — URL: <https://bbf.ru/magazine/16/4008/> (date of access: 30.07.2024).
7. Molchanov V. M. Fundamentals of architectural design: socio-functional aspects: textbook [Text] / Molchanov V. M. — Rostov-on-Don: Phoenix, 2004 — 160 p.
8. Oldenburg R. Third place: cafes, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other places of "hangouts" as the foundation of the community [Text] / Oldenburg R. — Moscow: New Literary Review, 2014 — 456 p.
9. Pankina M. V. Design. Interior design methodology: an educational and methodical manual [Text] / Pankina M. V. — Yekaterinburg: Publishing House of the Russian State Prof.-ped. Unita, 2009 — 116 p.
10. Fieraru, V. A. Transformation of urban space: creative clusters as a new tool for increasing the tourist attractiveness of St. Petersburg [Text] / V. A. Fieraru // Izvestiya St. Petersburg State University of Economics. — 2016. — No. 4. — pp. 184-186.
11. Enin A.E. Sistemnyi podkhod i analiz potentsial'nosti depressivnykh territorii i ob'ektov g. Voronezha [System approach and analysis of the potential of depressive territories and objects of the city of Voronezh]. 2017. № 2 (10). Pp. 69-82.

ARCHITECTURAL AND PLANNING METHODS FOR ORGANIZING INTERNAL SPACES DURING THE REVITALIZATION OF FORMER INDUSTRIAL ENTERPRISES

N.V. Semenova, K.E. Ivanov, V.S. Revyakina

Semenova N. V., Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Architectural Design, Voronezh State Technical University, Russia, Voronezh, tel. 8 (4732) 71-54-21, e-mail: ap-i-g@yandex.ru
Ivanov K. E., Master of Architecture, Department of Theory and Practice of Architectural Design, Voronezh State Technical University, Russia, Voronezh, tel. +7 (995) 698-57-13, e-mail: kostya.ivanov9699@gmail.com
Revyakina V. S., Master of Architecture, Department of Theory and Practice of Architectural Design, Voronezh State Technical University, Russia, Voronezh, tel.+7 (910) 247-51-27, e-mail: revyakina10@gmail.com

Setting the task. In this work, the main architectural and planning techniques for organizing internal spaces during the revitalization of former industrial enterprises are considered, the features and architectural features of such spaces are identified. The problems of preservation and adaptation of former industrial enterprises are raised.

Results and conclusions. The possibilities of adapting former industrial enterprises to the new functional requirements of the modern world are studied. Techniques are identified that make it possible to achieve the transformation of former industrial enterprises from a degrading environment into developed modern spaces. Full characteristics of architectural planning techniques are given to understand their properties and select the most suitable ones.

Keywords: revitalization, architectural planning techniques, organization of interior spaces of former industrial enterprises, characteristic features of former industrial enterprises, planning structure.

КОНЦЕПЦИЯ КРИПТО-КЛИМАТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ДЛЯ МАТЕРИКОВОЙ АРКТИКИ

Е.В. Кокорина, В.Р. Сомова

Кокорина Е.В., канд. архитектуры, доцент кафедры теории и практики архитектурного проектирования, ВГТУ, Россия, Воронеж, тел. +79204084641, e-mail: lenakokorina@mail.ru

Сомова В.Р., магистрант по направлению «Актуальные проблемы теории и практики архитектуры», ВГТУ, Россия, Воронеж, тел. +79883385207, e-mail: somowa2014@mail.ru

Постановка задачи. Проследить формирование понятия крипто-климатического комплекса и его развитие, определить основополагающие концептуальные и объёмно-планировочные принципы.

Результаты и выводы. Рассмотрено понятие крипто-климатического комплекса и его роль для арктических поселений. Определён ряд принципов и направление развития концепции. Выявлена важность интеграции архитектуры с природой Арктики.

Ключевые слова: крипто-климатический комплекс, арктическая архитектура, северные поселения, концепция

«Если сравнить Россию со зданием, нельзя не признать,
что фасад его выходит на Северный Ледовитый океан»
С.О. Макаров, 1897 г.

Введение

Арктика, в качестве уникальной и чрезвычайно важной части планеты, представляет собой сложную среду, где архитектура и климат на первый взгляд вступают в противоборство, создавая уникальные вызовы для проживания и функционирования человека. В условиях постоянно меняющегося климата и растущей потребности устойчивого развития отдалённых регионов, изучение и создание архитектурных решений, соответствующих арктическим условиям, становятся важной частью современной архитектурной практики.

Но, тем не менее, чем суровее природные условия, тем труднее включить в архитектуру концептуальный подход и проследить его развитие, тогда как современные программы освоения и развития Арктики, а также её философское осмысление требуют выделения арктической архитектуры.

Одним из понятий, занимающих центральное место в области арктической архитектуры, является концепция «крипто-климатического комплекса», что изначально обозначает многофункциональное архитектурное пространство компактной формы с крытыми переходами между жилой и общественной зонами, с ориентацией жилой части здания на благоприятную по ветровым и инсоляционным условиям сторону. С развитием научной мысли и технологий стали прорабатываться такие аспекты, как энергоэффективность, экологичность, эргономичность и автономность инженерно-коммуникационных систем с применением возобновляемых источников энергии.

В данной статье рассматривается история возникновения концепции крипто-климатического комплекса и её развитие, а также ряд вопросов, направляющих её дальнейшее совершенствование.

История концепции

Первые организованные поселения в Арктике носили стратегический характер и строились для размещения военного и ресурсодобывающего контингента, выполняя функции административных центров территорий, зачастую населённых коренными народами заполярья [1]. Созданный ими инфраструктурный и социально-экономический плацдарм позднее сыграл главную роль в экономическом развитии и индустриализации северных территорий, с социальным и культурным включением коренных народов.

©Кокорина Е.В., Сомова В.Р., 2024

Части Арктики имеют различную историю: урбанизация Скандинавской Арктики была результатом стремления к территориальной целостности и суверенитета, урбанизация северной Канады и Аляски началась с золотой лихорадки на рубеже двадцатого века [1].

Второй этап развития арктической архитектуры начался после Второй мировой войны. В этот период архитектура арктических поселений основывается на принципах модернизма, высокой технологичности, удобстве проживания и адаптации архитектурных решений к климату [5].

Наиболее ярко это отразилось в работах британско-шведского архитектора Ральфа Эрскина, основоположника арктического урбанизма. В соответствии с модернистскими идеями, арктический урбанизм представляет собой результат взаимодействия формы и функциональности, непосредственно определяемых климатическими условиями [6]. Прототип субарктической жилой среды Эркинса (рис.2) включал в себя длинную климатическую стену, защищавшую жильё от ветров и снегопадов. В этой стене располагались все коммунальные и общественные функции города.

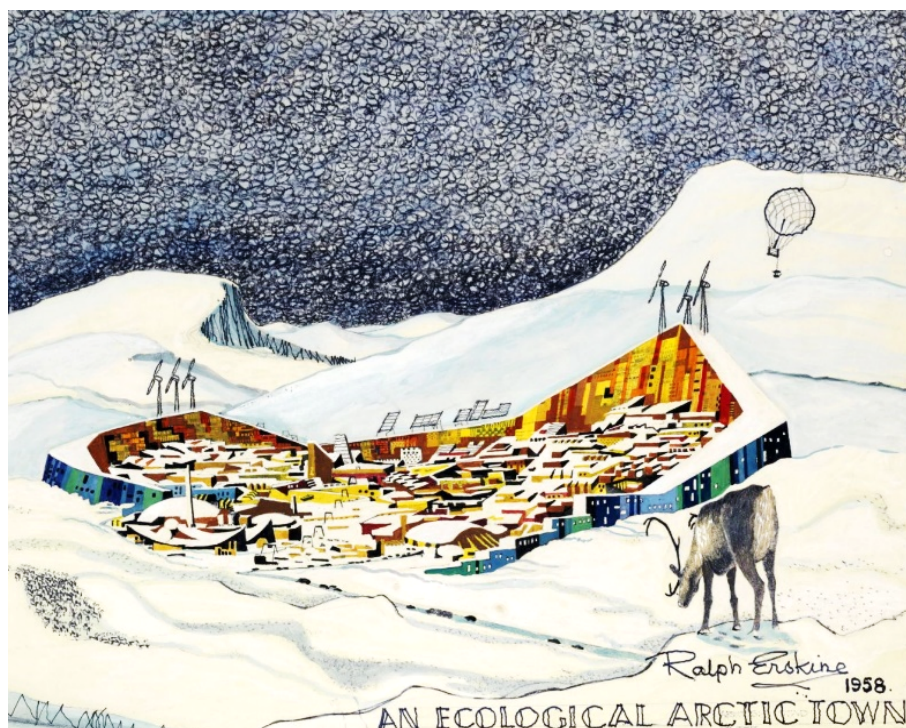

Рис. 2. Прототип субарктического города Ральфа Эркинса, 1958 г. [7]

Эрскин утверждал, что его климато-ориентированный подход является подлинным для арктического региона, и выразил мнение, что «только с помощью таких методов может возникнуть коренная аляскинская, канадская, скандинавская или северорусская традиция» [5]. Следующие поколения арктических архитекторов последовали примеру Эрскина, принимая климат как определяющий фактор в архитектуре и дизайне интерьеров, утверждая борьбу между внутренними и внешними пространствами [4], что до сих пор проявляется в современных проектах, тем самым формируя некоторую архитектурную традицию.

В противовес модернистскому универсализму и уверенности в его аутентичности для арктической архитектуры третий этап характеризуется «критическим регионализмом», закрепляя уникальный подход к северной архитектуре путем включения в нее культуры коренных народов севера [8]. Архитекторы начинают использовать образы чумов, ураса (летнее жилище якутов), иглу, улягамы (полуземлянка в культуре алеутов), вежа (зимнее жилище саамов), кувакса (летнее переносное жилище саамов), что смягчает восприятие урбанизации коренными народами и увековечивает их культуру, но не лишает крипто-климатического аспекта, который по своей сути присутствует в любом традиционном жилище.

Однако, несмотря на согласие с необходимостью для арктической архитектуры быть уникальной, исследователи и практики согласны так же и с тем, что её единая аутентичность за почти столетние поиски так и не найдена.

Развитие концепции

Изначально крипто-климатическая концепция являлась, в некотором роде, фантастической, но с развитием инженерной мысли получила своё реалистичное прочтение:

1. Концепция климатических (геодезических) куполов проявилась в куполах арктических станций (рис. 3, 4).

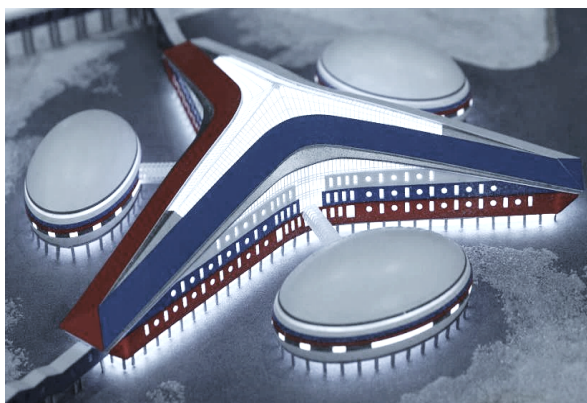

Рис. 3. «Арктический трилистник» [9]

Рис. 4. «Nature House Norway» [10]

2. Образ крипто-климатического «мегаздания», представляющего собой неразрывную структуру, объединяющую в себе все функциональные зоны и связанные общественными пространствами, представляет А. Шипков в проекте «Пирамида» (рис. 5) и в доме нового типа для г. Воркуты (рис. 6).

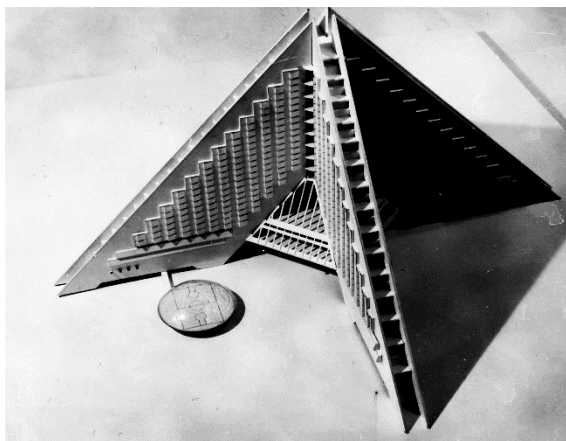

Рис. 5. «Пирамида», архитектор А. Шипков [11]

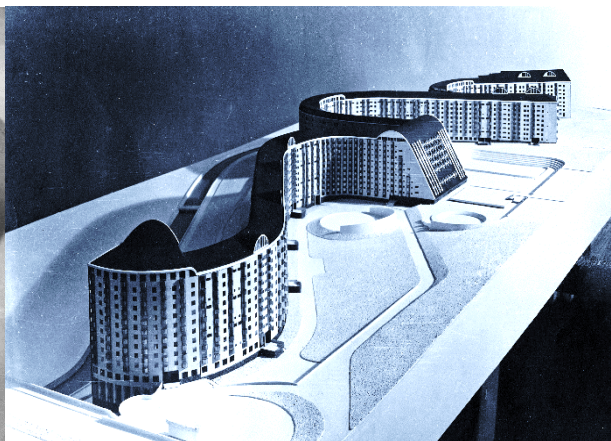

Рис. 6. Дом нового типа, архитектор А. Шипков [11]

Реализованными проектами, использующим ветрозащитную стенную модель Эркинса, можно считать «Ormen Långe» в местечке Сваппаваара, Швеция, и вдохновлённая им «The Wall» в г. Фермон, Канада.

3. Концепция блочного крипто-климатического комплекса, идею которого в своих проектах развивают С. Одновалов, М. Цимбал, Э. Вернер, З. Дьяконова и В. Танкаян [11].

Основопологающим здесь является проект города «Фробишер Бей» (рис.7) архитектора А.Э. Гардена, расположенного 2000 км к северу от Оттавы, Канада [2]. Это поселение представляет собой общественное пространство, с центром, закрыты непрозрачным куполом со световыми панелями и соединенное системами наземных переходов с 36-ю двенадцатиэтажными башнями. Проект не был реализован из-за своей дороговизны и

проблематичности энергоснабжения, но как концепция вместил в себя все представления современников о крипто-климатических комплексах.

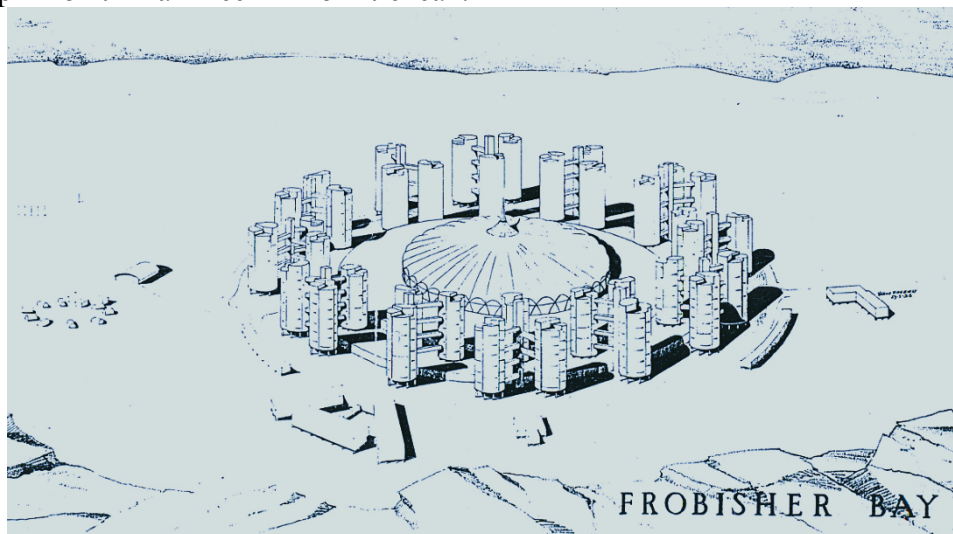

Рис. 7. «Фробишер Бей», архитектор А.Э. Гарднер, 1959 г. [12]

Расширенную классификацию крипто-климатических комплексов на основе проектов ЛенЗНИИЭП приводит Ф.В. Перов и подчеркивает её актуальность на данный момент (рис. 8).

Рис. 8. Сводная классификация крипто-климатических комплексов Ф.В. Перова, 2022 г. [13]

Однако Савинова В.А. отмечает, что в отечественной практике организация и устройство крипто-климатических комплексов, в особенности научных станций и поселений на месторождениях обусловлена вахтовым методом работы и сезонностью проживания в них людей [14]. Это формирует соответствующее практическое отношение к арктической архитектуре, как к чему-то временному и вынужденному, от чего следует уходить, шире внедряя крипто-климатические принципы при разработке современных комплексов. Анализ существующих проектов показывает, что крипто-климатический комплекс во многом обязан взять на себя функции города, воссоздавая его «климат»: удобства, пространства и инфраструктуру внутри себя. Опорным количеством людей, способных организованно проживать в подобном комплексе, можно считать число Данбара, варьирующее в диапазоне от 100 до 230 [15].

Интеграция природной среды в арктической архитектуре

Causaefficiens арктической архитектуры, как видно из истории её появления и развития, является внедрение в окружающую среду через обособление от нее. И если в примере Альфреда Равада преобладает мотив внедрения лишь с намёками на обособленность внутреннего пространства жизнедеятельности людей, то более поздняя и яркая модель Ральфа Эркинса практически полностью замыкается, как бы смотря внутрь себя самой, реализовывая крипто-климатический аспект не только в технической функции зданий, а в самой концепции.

Важность сохранения в архитектуре крипто-климатических комплексов возможности наблюдения за силами природы как интегрального фактора, смягчающего пребывание внутри подчеркивает Н.Е. Зайцев [15]. Проблему интегральности арктической архитектуры с природой затрагивает В.А. Савинова в экологическом аспекте [14], где одним из факторов является использование возобновляемых источников энергии.

Важно вывести эту тонкую взаимосвязь на символический уровень в архитектуре крипто-климатического комплекса, что позволит воспринимать среду не временно пригодной для жизнедеятельности, а комфортной для длительного непрерывного периода проживания и работы.

Концептуальные принципы крипто-климатических комплексов

На данный момент можно вывести следующие принципы организации крипто-климатических комплексов.

Н.Г. Зайцев выделяет следующие [2]:

- Принцип минимизации загрязнения атмосферы
- Принцип минимизации загрязнения воды
- Принцип минимизации загрязнения почвы
- Принцип компактности пространств
- Принцип эффективного использования естественного освещения
- Принцип искусственной смены дня и ночи
- Принцип компенсации гиподинамии

Их можно классифицировать на экологические, планировочные и интерактивные. Придерживаясь этой классификации, мы можем дополнить принципы следующими предложениями:

- Принцип универсальности пространств
- Принцип модульности пространств
- Принцип связанности пространств
- Принцип визуального насыщения
- Принцип шумового насыщения

Выводы

Крипто-климатическая концепция имеет долгую историю и своих основоположников. Ещё в самых ранних проектах можно выявить отличительные черты, которые сегодня формируют основы данной концепции.

В процессе своего развития фантастическая идея о раскинувшемся городе под куполом прошла через уплотнение модернистских проектов «мегазданий», придя к разделению функций (классификация Перова), подойдя к вопросу интеграции человека, его жизнедеятельности, архитектуры и природной среды. Решением этого вопроса может стать интегрирующая сущность крипто-климатических комплексов, справляющаяся с этим в своём функциональном климатическом значении, которую представляется возможным вывести из технической плоскости в концептуальную, не противопоставляя, а взаимодействуя со средой на уровне восприятия пространства.

Библиографический список

1. Серикова У.С. История освоения Арктики // История и педагогика естествознания. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-osvoeniya-arktiki> (дата обращения: 08.04.2024).
2. Зайцев Н. Е. Принципы формирования жилой среды арктических морских портов России: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. арх. наук 05.23.12. - М., 2017. - 28 с.
3. Вершинин И.С. Социально-экономические факторы развития арктических регионов // Вестник института мировых цивилизаций. № 1 (26). Т. 11. 2020. С. 5559.
4. Peter Hemmersam Arcticness and the Urbanism of the North // Arctic Yearbook. - 2021. - №10. - С. 1-17.
5. Татевосян А.Г. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ АРКТИКИ // Экономика строительства. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-arhitektury-arktiki> (дата обращения: 08.04.2024).
6. Добрицына И.А. Нелинейная парадигма в архитектуре 90-х годов XX века / И.А. Добрицына // Вопросы теории архитектуры. Архитектурное сознание XX-XXI веков: разломы и переходы. - Москва: Эдиториал УРСС, 2001. - 288 с.
7. Resolute Bay, Ralph Erskine and the Arctic Utopia // Senses Atlas URL: <https://www.sensesatlas.com/resolute-bay-ralph-erskine-and-the-arctic-utopia/> (дата обращения: 30.05.2024).
8. Орлов, Д. Развитие Арктической зоны России и основные вызовы для ее освоения / Д. Орлов // regnum.ru: [сайт]. - Опубликовано 25 апреля 2018. - URL: <https://regnum.ru/news/economy/2407690.html>
9. Минобороны впервые показало базу "Арктический трилистник" // Москва24 URL: <https://www.m24.ru/articles/Minoborony/17042017/137257> (дата обращения: 30.05.2024).
10. How one family thrives in the Arctic with a cob house inside a solar geodesic dome // INHABITAT URL: <https://inhabitat.com/how-one-family-thrives-in-the-arctic-with-a-cob-house-inside-a-solar-geodesic-dome/> (дата обращения: 30.05.2024).
11. Какими могли быть арктические города // ARZAMAS URL: <https://arzamas.academy/materials/1821> (дата обращения: 30.05.2024).
12. Under the dome: 1958 plan for Iqaluit was town under concrete shell // CBC URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/north/under-the-dome-1958-plan-for-iqaluit-was-town-under-concrete-shell-1.2763922> (дата обращения: 30.05.2024).
13. Перов Ф.В. Архитектура крипто-климатических комплексов для городов Арктики. — Системные технологии. — 2022. — № 3 (44). — С. 153–160
14. Савинова В.А. МЕТОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ АРКТИКИ // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2022. №1 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-organizatsii-arhitekturnoy-sredy-v-ekstremal'nyh-usloviyah-arktiki> (дата обращения: 08.04.2024).
15. Зайцев Н.Е. Некоторые проблемы социальной экологии и социологии в архитектуре арктических "городов под куполом" // Вестник евразийской науки. 2018. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-sotsialnoy-ekologii-i-sotsiologii-v-arhitekture-arkticheskikh-gorodov-pod-kupolom> (дата обращения: 08.04.2024).

Bibliographic list

1. Serikova U.S. History of Arctic exploration // History and pedagogy of natural science. 2016. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-osvoeniya-arktiki> (access date: 04.08.2024).
2. Zaytsev N. E. Principles of formation of the residential environment of Arctic sea ports of Russia: abstract. dis. for the job application scientist step. Ph.D. arch. Sciences 05.23.12. - M., 2017. - 28 p.
3. Vershinin I.S. Socio-economic factors in the development of Arctic regions // Bulletin of the Institute of World Civilizations. No. 1 (26). Т. 11. 2020. P. 5559.

4. Peter Hemmersam Arcticness and the Urbanism of the North // Arctic Yearbook. - 2021. - No. 10. - P. 1-17.
5. Tatevosyan A.G. HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF ARCTIC ARCHITECTURE // Construction Economics. 2023. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-arhitektury-arktiki> (access date: 04.08.2024).
6. Dobritsyna I.A. Nonlinear paradigm in architecture of the 90s of the twentieth century / I.A. Dobritsyna // Questions of the theory of architecture. Architectural consciousness of the XX-XXI centuries: faults and transitions. - Moscow: Editorial URSS, 2001. - 288 p.
7. Resolute Bay, Ralph Erskine and the Arctic Utopia // Senses Atlas URL: <https://www.sensesatlas.com/resolute-bay-ralph-erskine-and-the-arctic-utopia/> (access date: 05.30.2024).
8. Orlov, D. Development of the Arctic zone of Russia and the main challenges for its development / D. Orlov // regnum.ru: [site]. - Published April 25, 2018. - URL: <https://regnum.ru/news/economy/2407690.html>
9. The Ministry of Defense showed the Arctic Trefoil base for the first time // Moscow24 URL: <https://www.m24.ru/articles/Minoborony/17042017/137257> (access date: 05.30.2024).
10. How one family thrives in the Arctic with a cob house inside a solar geodesic dome // INHABITAT URL: <https://inhabitat.com/how-one-family-thrives-in-the-arctic-with-a-cob-house-inside-a-solar-geodesic-dome/> (accessed 05/30/2024).
11. What Arctic cities could be like // ARZAMAS URL: <https://arzamas.academy/materials/1821> (access date: 05.30.2024).
12. Under the dome: 1958 plan for Iqaluit was town under concrete shell // CBC URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/north/under-the-dome-1958-plan-for-iqaluit-was-town-under-concrete-shell-1.2763922> (accessed 05.30.2024).
13. Perov F.V. Architecture of crypto-climatic complexes for Arctic cities. — System technologies. — 2022. — No. 3 (44). — pp. 153–160
14. Savinova V.A. METHODS OF ORGANIZING ARCHITECTURAL ENVIRONMENT IN EXTREME ARCTIC CONDITIONS // Academic Bulletin UralNIiproekt RAASN. 2022. No. 1 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-organizatsii-arhitekturnoy-sredy-v-ekstremalnyh-usloviyah-arktiki> (date of access: 04.08.2024).
15. Zaitsev N.E. Some problems of social ecology and sociology in the architecture of Arctic “dome cities” // Bulletin of Eurasian Science. 2018. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-sotsialnoy-ekologii-i-sotsiologii-v-arhitekture-arkticheskikh-gorodov-pod-kupolom> (access date: 04.08.2024).

CONCEPT OF CRYPTO-CLIMATE COMPLEX FOR THE MAINLAND ARCTIC

E.V. Kokorina, V.R. Somova

Kokorina E.V., Ph.D. architecture, associate professor of the department of theory and practice of architectural design, VSTU, Russia, Voronezh, tel. +79204084641, e-mail: lenakokorina@mail.ru
 Somova V.R., master's student in the direction of "Current problems of the theory and practice of architecture", VSTU, Russia, Voronezh, tel. +79883385207, e-mail: somowa2014@mail.ru

Formulation of the problem. To trace the formation of the concept of the crypto-climatic complex and its development, to determine the fundamental conceptual and space-planning principles.

Results and conclusions. The concept of the crypto-climatic complex and its role for Arctic settlements is considered. A number of principles and direction for the development of the concept have been defined. The importance of integrating architecture with the nature of the Arctic is revealed.

Keywords: crypto-climatic complex, Arctic architecture, northern settlements, concept

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО, ПЛАНИРОВКА СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

УДК 711.4

ВЛИЯНИЕ МАСТЕР-ПЛАНА НА РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ Г. РОССОШЬ)

Д.В. Азарова, Г.М. Величко, Е.И. Гурьева

Азарова Д.В., студент по направлению градостроительное проектирование, группа БГРАД-212, Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия

Величко Г.М., старший преподаватель, кафедра градостроительства, Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия

Гурьева Е.И., кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, кафедра градостроительства, Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия

Постановка задачи. В статье рассматривается понятие «мастер-план», как совершенствование документов территориального планирования. Анализ нескольких важных составляющих мастер-плана как документа на примере г. Россошь. Оценка эффективности мастер-планирования, его популяризация в современной практике.

Результаты и выводы. Разработка мастер-планов помогает преодолеть недостатки в процессах планирования территориального развития, а также в социально-экономическом развитии, привлекая при этом новые заинтересованные лица, в виде общественности. Такой подход дает представление о вариативности направлений и перспективности развития территории.

Ключевые слова: мастер-план, концепция, комплексный подход развития территории, планирование территории.

Активный процесс урбанизации в настоящее время содействует тому, что в мире появилось новое понятие «мастер-план». Современная система стратегического планирования территории всё чаще уделяет внимание на разработку мастер-планов в России. В данный момент, они никак не закреплены в градостроительной документации. При целостной социальной и территориальной системе возможно эффективное развитие городов, агломерация и территориальных субъектов. Этому также содействует экономическое развитие, рост качества жизни граждан и поддержание благоприятного равновесия в миграции. Мастер-план является инструментом для усовершенствования стратегического планирования.

Мастер-план представляет собой концепцию пространственного развития. Для увеличения эстетики городской среды требуется продуманное решение зонирования территории города, которое обуславливает равномерность распределения потоков посетителей, а также логичность решения архитектурно-планировочной композиции, например, рекреационных территорий, состоящая из результатов комплексного градостроительного анализа, разрабатываемый публичной властью с соучастным проектированием и главная задача – оптимизация использования ресурсов территории. Он определяет путь и инструменты развития. В настоящее время, его позиции укрепляются в масштабах концепции устойчивого развития территорий и каждая деталь рассматриваемых территорий должна быть не только функционально удобна, но и высокохудожественна; она должна быть эффектно выражена, соразмерна окружающему пространству и создаваемому пейзажу. При этом объем и цвет отдельных деталей, нюансы природных факторов должны быть подчинены общему композиционному замыслу, пространственному решению данного пейзажа, всего паркового комплекса. Тогда города станут точками притяжения и будут выражать вектор социально-культурного совершенствования, т.е. стратегия определяющая будущее территории. Мастер-план объединяет стратегии развития общества и разработку конкретных проектов с целью оптимизации ресурсов и привлечения инвестиций.

©Азарова Д.В., Величко Г.М., Гурьева Е.И., 2024

Помимо этого он помогает найти баланс интересов населения, власти, бизнеса и инвесторов, как сторон, от деятельности которых зависит развитие территории.

В мастер-плане закреплены общие принципы, которые в последующем перейдут в набор конкретных проектов на реальных земельных участках. Разработка мастер-плана включает в себя несколько этапов: аналитическая и проектная (рис. 1.)

Рис. 1. Общий алгоритм мастер-планирования

Мастер-план помогает решить такие задачи, как:

- Определение стратегии развития

Рис. 2. Мастер-план г. Россошь, авторы Ульянова А., Азарова Д., Макарова Т.

Для того чтобы правильно определиться со стратегией развития территории, нужно произвести анализ территории, изучить историю, выявить важные компоненты города, на которых основывается их развитие в настоящее время.

В процессе анализа города Россошь с командой, были выявлены основные направления развития города, что представлено на рис. 2.

- Зонирование территории

При разработке мастер-плана были учтены действующие для территории документы территориального планирования и градостроительного зонирования. Также использовались действующие региональные нормативы и сведения публичной кадастровой карты. С их помощью мы определили функциональную наполненность городской среды - совмещение жилой, общественной, административной и рекреационной среды, баланс интенсивности использования территории.

- Создание удобных пространств для жизни населения и туристов
- Оптимизация инфраструктуры и транспортной сети

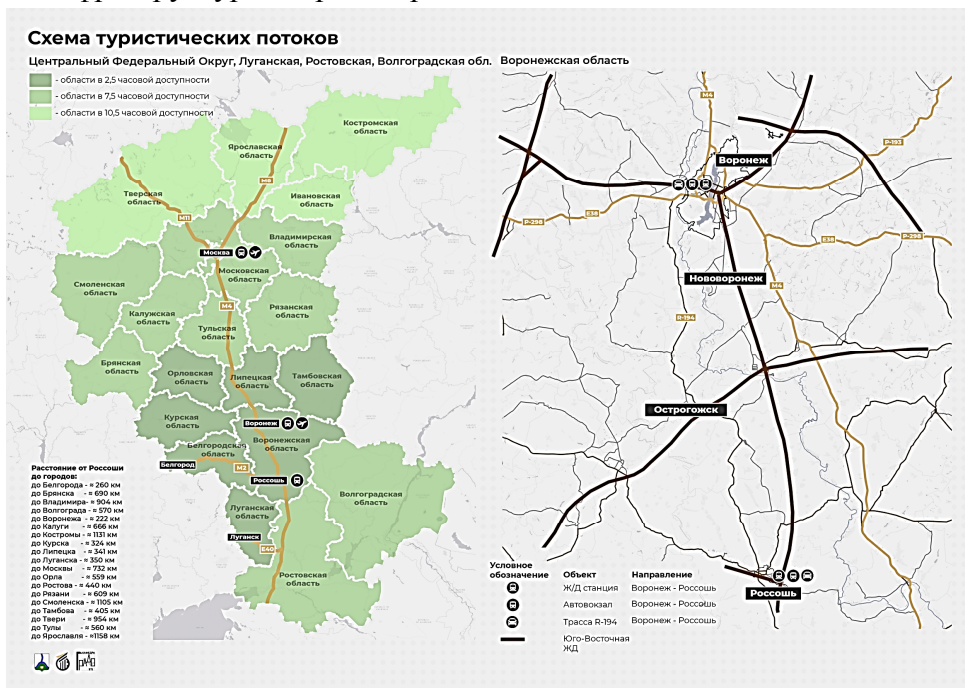

Рис. 3. Мастер-план г. Россошь, авторы Ульянова А., Азарова Д., Макарова Т.

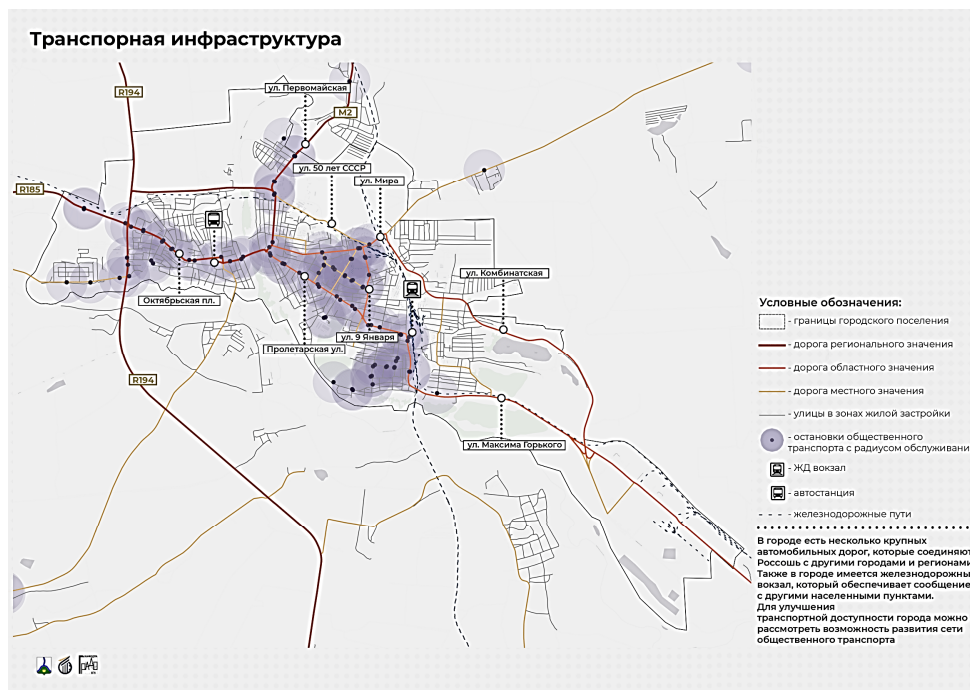

Рис. 4. Мастер-план г. Россошь, авторы Ульянова А., Азарова Д., Макарова Т.

Рассматривая инфраструктуру города и транспортные сети, нужно продумать не только внутренние маршруты, но и то, как люди из других районов, регионов будут

добираться до мест притяжения. Здесь выявляются популярные маршруты с большим потоком туристов и удобные, для быстрого прибытия на точки.

Также здесь рассматривается транспортная система города, где выявляются преимущества и недостатки улично-дорожной сети, а это количество остановок и маршруты общественного транспорта, покрытие дорожного полотна, удобные пешеходные связи.

На рис. 4 показаны основные улицы города, остановки общественного транспорта. С помощью этой схемы мы определили, что в городе есть несколько крупных автомобильных дорог, которые соединяют Россошь с другими городами и регионами. В городе также имеется железнодорожный вокзал, который обеспечивает сообщение с другими населенными пунктами. Для улучшения транспортной доступности города можно рассмотреть развитие сети общественного транспорта.

- Разработка основы для последующих документов

Мастер-план может быть использован в качестве основы для подготовки последующих градостроительных документов (генеральных планов, правил застройки, отраслевых программ и отдельных проектов).

- Важно создать условия для открытого диалога, т.е. включение наиболее активных членов сообществ в работу

Вовлечение в процесс разработки мастер-плана является немаловажной задачей, куда входят люди заинтересованные в дальнейшей реализации проекта. Движущей силой, помимо администрации города, выступают активные городские сообщества, предприниматели, которые готовы вкладывать собственные силы и средства в развитие своего города.

- Привлечение инвестиций и стимулирование бизнеса

Основными преимуществами для города являются:

- Комплексный подход к развитию города;
- Вовлечение широкого круга заинтересованных лиц в процесс обсуждения и последующей реализации стратегических городских инициатив;
- Координация участников процесса городского управления;
- Привлечение дополнительных инвестиций, повышение инвестиционной привлекательности города;
- Оптимизация ресурсов, отказ от неэффективных трат.

Применение на практике «мастер-плана» позволяет вернуть взаимодействие населения, общественных деятелей, городских активистов и администрацией города. Более глубокое ознакомление с городом и его историей, этапов развития является основой для формирования комфортной и оригинальной городской среды. При разработке мастер-плана также выявляются экологические проблемы, где с его помощью эта проблема решается. Разрабатываются уникальные смотровые площадки, пешеходные маршруты, определяются деградирующие территории, которым нужно восстановление.

Информационные ресурсы используют для выражения своих намерений общественности и продвижения к реализации мастер-плана. Это могут быть интернет-платформы, открытые сессии с изучением проблем и предложением проектных решений.

Разработка мастер-планов помогает преодолеть недостатки в процессах планирования территориального развития, в социально-экономическом развитии, привлекая при этом новые заинтересованные лица, в виде общественности. Такой подход дает представление о вариативности направлений и перспективности развития территории.

Библиографический список

1. Мастер-план как инструмент перехода к современной модели пространственного развития города – [Электронный ресурс]: Режим доступа - <https://cyberleninka.ru/article/n/master-plan-kak-instrument-perehoda-k-sovremennoy-modeli-prostranstvennogo-razvitiya-goroda/viewer>
2. Становление понятия «мастер-план» в отечественной градостроительной теории и практике – [Электронный ресурс]: Режим доступа - <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-ponyatiya-master-plan-v-otechestvennoy-gradostroitelnoy-teorii-i-praktike/viewer>

3. Является ли мастер-план эффективным инструментом развития территорий в России? – [Электронный ресурс]: Режим доступа - <https://cyberleninka.ru/article/n/yavlyaetsya-li-master-plan-effektivnym-instrumentom-razvitiya-territoriy-v-rossii?ysclid=lt797unhy4361736043>
4. Александра Сытникова: о том, что такое мастер-план и как он влияет на развитие территорий – [Электронный ресурс]: Режим доступа - <https://archi.ru/tech/99187/aleksandra-sytnikova-o-tom-chto-takoe-master-plan-i-kak-on-vliyaet-na-razvitie-territorii/?erid=LdtCKZ8sz>

Bibliography list

1. The master plan as a tool for the transition to a modern model of spatial development of the city – [Electronic resource]: Access mode - <https://cyberleninka.ru/article/n/master-plan-kak-instrument-perehoda-k-sovremennoy-modeli-prostranstvennogo-razvitiya-goroda/viewer>
2. The formation of the concept of "master plan" in Russian urban planning theory and practice – [Electronic resource]: Access mode - <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-ponyatiya-master-plan-v-otechestvennoy-gradostroitelnoy-teorii-i-praktike/viewer>
3. Is the master plan an effective tool for the development of territories in Russia? – [Electronic resource]: Access mode - <https://cyberleninka.ru/article/n/yavlyaetsya-li-master-plan-effektivnym-instrumentom-razvitiya-territoriy-v-rossii?ysclid=lt797unhy4361736043>
4. Alexandra Sytnikova: about what a master plan is and how it affects the development of territories – [Electronic resource]: Access mode - <https://archi.ru/tech/99187/aleksandra-sytnikova-o-tom-chto-takoe-master-plan-i-kak-on-vliyaet-na-razvitie-territorii/?erid=LdtCKZ8sz>

THE INFLUENCE OF THE MASTER PLAN ON THE DEVELOPMENT OF THE TERRITORY (USING THE EXAMPLE OF ROSSOSH)

D.V. Azarova, G. M. Velichko, E.I. Gurieva

Azarova D.V. Student in the field of urban planning, grad-212, Voronezh State Technical University, Russia, Voronezh

Velichko G.M., senior lecturer, Department of Urban Planning, Voronezh State Technical University, Russia, Voronezh

Gurieva E.I. Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Department of Urban Planning, Voronezh State Technical University, Russia, Voronezh

Setting the task. The article discusses the concept of a "master plan" as an improvement of territorial planning documents. Analysis of several important components of the master plan, as a document on the example of Rossosh. Evaluation of the effectiveness of master planning, their popularization in modern practice.

Results and conclusions. The development of master plans helps to overcome shortcomings in the planning processes of territorial development, as well as in socio-economic development, while attracting new stakeholders in the form of the public. This approach gives an idea of the variability of directions and prospects for the development of the territory.

Keywords: master plan, concept, integrated approach to territory development, territory planning.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АРХИТЕКТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

№ 3(39)

2024

В авторской редакции

Компьютерная вёрстка: Грошева Т.И.

Дата выхода в свет: 31.10.2024. Формат 60×84 1/8. Бумага писчая.

Усл. печ. л. 10,8. Тираж 27 экз.

Заказ № 210

Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»

394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ

394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84